

Огнём и мечом

СЕРГЕЙ Посвящается 1150-летию
Смоленска

АЛЕКСАНДРОВ

**СМОЛЕНСКАЯ ОСАДА
1609-1611**

**Оборона Смоленска – центральное событие
в истории Смуты, имевшее важнейшее
значение в истории России.**

С.В. АЛЕКСАНДРОВ

**СМОЛЕНСКАЯ ОСАДА
1609—1611**

Москва
«Вече»

УДК 94(470.332)
ББК 63.3(2Рос-4Смо)45
А46

**Книга издана при финансовой поддержке Администрации
Смоленской области. Посвящается 1150-летию Смоленска**

Рецензенты:

Дубровский А.А., доктор исторических наук, профессор
Ластовский Г.А., кандидат исторических наук, доцент

Александров, С.В.

А46 Смоленская осада. 1609—1611 / С.В. Александров. — М. :
Вече, 2011. — 304 с. : ил. — (Огнем и мечом).

ISBN 978-5-9533-5800-2

В монографии рассматриваются проблемы, связанные с историей Смоленского края в Смутное время. Автор дал анализ дворянского землевладения в Смоленском, Вяземском, Рославльском уездах в конце XVI в. и показал развитие смоленских городов в этот период. В работе рассмотрена позиция смоленских слоев населения на всех этапах гражданской войны начала XVII в., особое внимание уделено позиции дворян западных уездов в период восстания И. Болотникова и движения Лжедмитрия II.

Значительная часть монографии посвящена Смоленской обороне 1609—1611 гг. Раскрыты причины похода Сигизмунда III под Смоленск, а также показана внутренняя жизнь смолян в условиях осады и мероприятия смоленских воевод, которые позволили противостоять армии польского короля и внутренней анархии в крепости. Отмечена роль Смоленской обороны в развертывании национально-освободительного движения в России в 1611—1612 гг.

**УДК 94(470.332)
ББК 63.3(2Рос-4Смо)45**

ISBN 978-5-9533-5800-2

© Александров С.В., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Начало XVII в. для Российского государства явилось одним из драматичных периодов его истории. Оно оказалось неспособным противостоять различным самозванцам, которые втянули страну в гражданскую войну, длившуюся 8 лет. Современники назвали этот период ёмким термином — Смута.

Интерес к истории Смутного времени в отечественной историографии объясняется глубокими социальными противоречиями в российском обществе и острой полемикой вокруг вопроса о дальнейшем пути развития России. Кризис, охвативший российское общество в период Смуты, являлся системным. Он поразил основу самодержавной власти в стране — феодальное землевладение, что определило всеобщий характер кризиса, и он не сводился к взаимоотношениям феодалов и крестьян. Смута была порождена рядом причин, которые вызревали во второй половине XVI в., и привели в итоге к социальному взрыву. Основными движущими силами здесь выступали мелкопоместное дворянство, служилые люди по прибору и формирующееся казачество.

Исследование истории Смутного времени является одной из важнейших задач исторической науки. В 1980—1990-е гг. произошел пересмотр многих событий российской истории, в том числе и Смуты. В советское время начало XVII в. характеризовалось как первая крестьянская война в России. В настоящее время внимание историков сосредоточено на исследовании

довании вопросов, связанных, прежде всего, с деятельностью дворянства и казачества, а также с изменениями в верхах российского общества. Крестьянство в то время не играло главной роли в противостоянии двух политических группировок. В стране происходила гражданская война, и этот термин наиболее верно отражает характер происходящих событий.

В последнее время в исторических сочинениях все чаще употребляется термин «Смутное время». В данной работе оба названия выступают как синонимы. В то же время необходимо отметить, термин «Смутное время» довольно расплывчат и не отражает политического противостояния начала XVII в. В стране образовались два политических лагеря, в которых объединились различные социальные группы населения, ведущие борьбу за верховную власть. Вооруженные действия охватили огромную территорию, и в них принимали участие многочисленные армии. Политические разногласия основных слоев населения России прослеживаются на протяжении всего Смутного времени. В то же время в этот период происходило напластование различных процессов друг на друга. Одновременно с гражданской войной имели место и иностранная интервенция, и национально-освободительное движение, и классовая борьба.

Гражданская война — это довольно сложный процесс в развитии общества, когда противоречия, ее вызвавшие, могут проявляться в различных направлениях. Но в течение 1604—1611 гг. главным для основных слоев населения России было стремление получить определенные выгоды в том или ином политическом лагере, и только в 1612 г. происходит консолидация различных социальных групп для освобождения Москвы. Тем самым раскол страны являлся ключевым для того времени, и на наш взгляд, термин «гражданская война» наиболее верно отражает сложившуюся в начале XVII в. ситуацию. В то же время понятие «Смутное время», которое уже на протяжении 400 лет существует в историографии, конечно же, должно сохраниться. Но необходимо отме-

тить, что этот термин носит не столько историко-политическое, сколько культурологическое значение.

В условиях кардинальной переработки концепции Смуты важной задачей является пересмотр региональной истории того времени и отказ от ряда устаревших положений. Это, в первую очередь, отказ от гипертрофированного освещения крестьянского движения и показ объективной роли уездного дворянства в данных событиях.

Обращение к этой проблеме в региональном аспекте продиктовано спецификой политической и социально-экономической жизни западных уездов Русского государства в рассматриваемый период. В то время каждый регион государства еще был слабо связан с центром, имел свои социально-экономические и политические различия, что, естественно, способствовало формированию особого социокультурного облика. Пограничное положение западного региона стало одним из важных факторов формирования особой позиции его населения в период гражданской войны и обороны Смоленска 1609—1611 гг. Изучение и анализ этих процессов, несомненно, являются на сегодняшний день актуальными.

Смоленский регион, к которому можно отнести 5 уездов «Литовской Украины» (Смоленский, Вяземский, Дорогобужский, Рославльский и Бельский), интересен, прежде всего, тем, что здесь в ходе гражданской войны не возникло каких-либо крупных центров повстанческого движения, и население Смоленской земли, за небольшим исключением, оставалось верным центральной власти. В этом значительную роль сыграло местное дворянство, и в первую очередь, дворянство Смоленского уезда. Изучение данных событий на примере Смоленского региона позволит не только выявить особенности развития гражданской войны в крае, но и раскрыть специфику взаимоотношений центральной власти и уездных корпораций дворянства в Смутное время во всероссийском масштабе.

Неменьший интерес для исследователя представляет и Смоленская оборона 1609—1611 гг., которая явилась знаменательным событием Русской Смуты, и сыграла важную роль в ее преодолении. Городское население и местное дворянство выступило против иностранных интервентов и подняло знамя национально-освободительной войны русского народа. Смоленская оборона являлась общероссийским событием, исследование которой позволит по-новому осветить многие вопросы Смутного времени в 1609—1611 гг., и прежде всего вопрос о позиции русского дворянства, в том числе и западных уездов, по отношению к Сигизмунду III и его сыну после августа 1610 г. Изучение региональной истории с новых позиций позволит значительно расширить круг изучаемых событий, что во многом обогатит и общероссийскую историю.

Необходимость проведения исследования проблем гражданской войны на Смоленщине на новом методологическом и источниковедческом уровне, и не только в узкорегиональном плане, уже давно назрело, так как фактически с 1940 г. работ по истории этого времени с привлечением большого источникового материала не выходило. В последующие годы, если и уделялось внимание событиям начала XVII в., то в большей степени это касалось крестьянского движения, а сами работы имели небольшой объем и затрагивали узкий круг проблем.

При написании работы автор вышел за хронологические рамки Смутного времени и рассмотрел вопросы социально-экономического развития Смоленщины во второй половине XVI в., когда начинает формироваться поместное землевладение в Смоленской земле, а местное дворянство входит в систему Государева двора. Это позволило полнее раскрыть положение на Смоленщине в годы гражданской войны и увидеть те изменения, которые оказали определенное влияние на позицию смоленского населения, и прежде всего — дворян в тот период.

Верхняя граница работы также выходит за рамки Смуты. Показано испомещения смоленских дворян после Смутного времени (1620-е гг.). Но основные моменты исследования укладываются в период гражданской войны и обороны Смоленска 1606—1611 гг.

В работе для простоты изложения под смоленскими дворянами подразумеваются дворяне всех пяти уездов, входящих в «Литовскую Украину»; когда сообщается о дворянах конкретного уезда, говорится: дворяне Смоленского уезда, Вяземского уезда и т.д.

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Страшное потрясение Московского государства начала XVII в. привлекло внимание уже первых российских историков. В.Н. Татищев и М.М. Щербатов высказали предположение, что Русская Смута была вызвана закрепощением крестьян и политикой Ивана Грозного, а также законами Бориса Годунова, сделавшими невольными крестьян и холопов. Но в целом они еще рассматривали те события с позиций морализаторства и не видели в ней определенных закономерностей. В их работах были даны и краткие сведения о смоленской обороне¹.

М.Н. Карамзин, как и его предшественники, продолжил изучать Смуту с позиций морализаторства. Ее причины он видит в характере Бориса Годунова, «превратившего самодержавие в тиранию». Историк стремится объяснить исторические явления не внутренними причинами, а личными качествами действующих лиц. Красной нитью в его работе проходит мысль о стремлении русских дворян и посадских восстановить само-

¹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М., 1965. С. 329, 345, 350; *Щербатов М.М.* Русская история. Т. 7. СПб., 1791. С. 389—391.

державие, которое ослабло вследствие неумелых действий Бориса Годунова и Василия Шуйского. Тем самым М.Н. Карамзин отрицает какое-либо социальное движение во время Смуты, а восстание Болотникова называет «бунтом Шаховского», за которым стояли поляки, и пишет, что «король был виновник и питатель наших мятежей»¹.

В своем сочинении М.Н. Карамзин первым осветил события на Смоленщине. Исследователь сообщает о походе смолянских дворян во главе с Григорием Полтевым к Москве осенью 1606 г. против Болотникова, о противостоянии смолян и поляков весной 1609 г. на смоленском порубежье, указывает численность польской армии, осадившей Смоленск. Но описание обороны довольно краткое, Н.М. Карамзин опирается лишь на грамоты смолян и воевод в Москву. Он ограничился лишь сообщениями о штурме города и краткими известиями о голоде и цинге. Историк обошел вопрос и о позиции смолян на переговорах с поляками в 1610—1611 гг.² Это объясняется фондом источников, на который опирался исследователь, и второстепенностью смоленских событий в истории Смутного времени.

На рубеже XVIII—XIX вв. вышли первые работы по истории Смоленского края. Правда, в трудах И. Шупинского и Н.А. Мурзакевича событиям Смуты отводилось незначительное место, они ограничились лишь летописным материалом. Оба автора повторяют вслед за «Новым летописцем» основные события, произошедшие на Смоленщине в тот период. Смоленская история у них изложена весьма лапидарно³.

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Калуга, 1993. С. 375, 469—471.

² Там же. С. 518, 526, 528—529, 560, 575.

³ Шупинский И. Историческое и географическое описание Смоленска. Смоленск, 1991. С. 15; Мурзакевич Н.А. История губернского города Смоленска, 1903. С. 92—95.

В 40-е гг. XIX в. смоленской истории посвятил две книги местный краевед П.Е. Никитин. Он первый обратил внимание на события зимы 1605 г. в Смоленске и пришел к выводу, что волнения среди его жителей были лишь слухами. Более подробно, чем Н.М. Карамзин, П.Е. Никитин осветил положение на смоленских границах в 1608—1609 гг.¹

В работе смоленского краеведа впервые говорится о действии отряда Я. Барятинского и С. Ададурова зимой 1609 г. в Смоленском уезде и об «измене» Ивана Зубова.

Автор уделяет большое внимание обороне смоленских рубежей весной 1609 г., сообщая о набегах А. Гонсевского, о строительстве засек и создании застав на границах. Он первый указал численность смоленской армии обороны, но ограничил ее лишь посадскими людьми и даточными крестьянами². Осаду крепости историк описывает, опираясь в основном на грамоты смолян и воевод в Москву. Отсюда вся оборона у него персонифицирована на личности М.Б. Шеина.

Заслуга П.Е. Никитина заключается прежде всего в том, что он систематизировал довольно значительный исторический материал, и отказался от летописного изложения событий.

Во второй половине XIX в. в отечественной историографии возникло несколько обобщающих концепций истории Смутного времени. С.М. Соловьев, рассматривая историю России как постепенное становление государственных начал, уделяет Смуте особое место. Она представляется ему реакцией всех антигосударственных сил на успешный процесс государственной централизации, и потому все события этого времени рассматриваются историком под углом зрения борьбы государственного начала и анархического. Причины Смуты он видит в неудовлетворительном состоянии народной нрав-

---

¹ *Никитин*. История города Смоленска. Смоленск, 1848. С. 129, 133, 138, 140.

² Там же. С. 137, 141—142, 150.

ственности, т.е. ее причины лежат не в социальной, а в моральной плоскости. Само противостояние различных группировок С.М. Соловьев показывает как единый процесс борьбы антигосударственных сил против государства, отсюда и восстание Болотникова, и движение двух Лжедмитриев — лишь рядовые эпизоды Смуты. В то же время исследователь первый увидел в событиях начала XVII в. борьбу сословий и назвал движение Болотникова «социальной войной», где «казаки, стрельцы, посадские люди, крестьяне, холопы восстают на сословия высшие». Правда, в своей многотомной «Истории...» он ничего не пишет о крестьянской войне. Выход из кризиса автор связывает с тем порядком, который сложился при Иване Грозном и который поддержало большинство русских людей¹.

Если у С.М. Соловьева Смута была вызвана внутренним кризисом в стране, то Н.И. Костомаров ее причины видит в противостоянии России и Речи Посполитой, и прежде всего — в борьбе двух ветвей христианства. Он пишет, что эта эпоха не оставила какого-либо следа во внутреннем строе Московской Руси. Государство, по Костомарову, втянулось в Смуту только потому, что порядок, сложившийся в предыдущую эпоху, еще не успел изжить элементы прежнего удельно-вечевоего строя. Вот эти элементы, по его мнению, и стали движущими силами восстания против государства².

В.О. Ключевский, в отличие от своих предшественников, увидел в событиях начала XVII в. не только кризис государственного порядка, но и кризис социальный. Историк делит эти события на два периода. В первом борьба шла за образ правления, за государственное устройство. Во втором, который начался с восстания Болотникова, Смута превратилась в

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 8. М., 1960. С. 387—391.

² Костомаров Н.И. Смутное время московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613 гг. М., 1994. С. 782—783.

социальную борьбу низших классов против высших. Но показав социальный характер Смуты, исследователь не связывает ее с предыдущей эпохой. Кризис государственной власти, возникший после смерти Федора Иоанновича, как бы сам собой перерос в социальную борьбу¹.

С.Ф. Платонов рассмотрел Смутное время не только как кризис начала XVII в., но увидел в нем целую эпоху, которая началась с опричнины Ивана Грозного и продолжалась до избрания на царство Михаила Романова. Обратившись к социально-экономическому анализу развития России во второй половине XVI в., он пришел к выводу: Смута — это общеполитический кризис, поразивший все стороны Российского государства, главными причинами которого были экономическое разорение 1570-х гг. и закрепощение крестьян, и в этот кризис постепенно втянулись все слои русского общества².

События начала XVII в. С.Ф. Платонов делит на три периода. Первый — династический кризис 1598—1606 гг. Второй — социальный кризис 1606—1610 гг. В этот период низшие классы ведут борьбу не только за свержение царя, но и за низвержение крепостного порядка. Третий — национально-освободительное движение 1610—1613 гг.³

Но в работах этих историков событиям на Смоленщине в Смутное время уделялось незначительное место, в целом повествование о Смоленском крае носило лапидарный характер.

С.М. Соловьев в основном повторяет Н.М. Карамзина. В то же время он стремится проанализировать причины выступления смолян против самозванцев. «Смоляне, поляки и литва были враждебны искони, вечные неприятели... поэтому смо-

¹ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. М., 1995. С. 171—176.

² *Платонов С.Ф.* Очерки Смуты в Московском государстве. М., 1910. С. 171—172, 174—175.

³ Там же. С. 179—182, 282—283, 424—425.

ляне не могли ждать ничего хорошего от царя, который был другом ляхов, как только узнали в Смоленске, что из Польши должен явиться царь... то немедленно служилые люди собрались и пошли под Москву...». Историк дал и общую характеристику положению на границах Смоленщины весной—летом 1609 г.: «...в такое трудное время трудно было рассчитывать на всеобщее усердие, на всеобщее повиновение, стрелецкие сотни и дети боярские отказывались стоять на границе»¹.

Н.И. Костомаров смоленским событиям 1604—1609 гг. посвятил всего несколько фраз².

Обороне Смоленска в трудах обоих историков отведено более значительное место. Но они ограничились лишь сообщениями о штурмах города, что объясняется фондом источников, на которые они опирались. Это, прежде всего, сочинения С. Жолкевского и С. Маскевича. Н.И. Костомаров использовал и «Дневник осады», но лишь в той его части, где сообщается о численности польской армии³.

С.Ф. Платонов в своей работе дал анализ военно-стратегического и экономического положения Смоленского края во второй половине XVI в. Стратегическое «положение Смоленска в центре многих сообщений, — пишет историк, — придавало ему важность в торговом отношении...». Но торговое значение города, считает С.Ф. Платонов, возрастало лишь в тот период, «когда стеснялся допуск литовского и польского купечества внутрь Московского государства... и Смоленск из передаточного центра превращался в торговый центр».

Отсюда он делает вывод: «...стратегическое положение Смоленска мешало правильному развитию хозяйственной жизни в самом городе и вокруг него, на первом месте здесь

---

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 471, 548—549.

² Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 321, 325, 338, 410, 460.

³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 549, 565; Костомаров Н.И. Указ. соч. 491—492, 535—540.

был военно-стратегический интерес, которому подчинялись все прочие»¹.

О других городах региона С.Ф. Платонов пишет кратко, уделяя главное внимание их стратегическому положению².

Гражданская война на Смоленщине у С.Ф. Платонова осталась за рамками его повествования, он лишь мельком сообщает о походе смолян под Москву осенью 1606 г., и о том, что жители Вязьмы и Дорогобужа не поддержали повстанцев³.

Во второй половине XIX в. в работах местных краеведов затрагивались вопросы, связанные с историей Смуты, но они в целом носили компилятивный характер. Кратко излагались события интересующего нас периода и в книгах И.П. Виноградова и С.С. Ракочевского, посвященных истории Вязьмы и Рославля⁴.

В работе смоленского историка С.П. Писарева «Княжеская местность и храм князей в Смоленске» большое внимание уделено развитию смоленских посадов в XVI в. Приводит он интересные данные о смоленских слободах и их населении. Значительное место историк отводит Смоленской обороне, но здесь он в основном следует за С.М. Соловьевым, Н.И. Костомаровым и П.Е. Никитиным⁵.

Последней работой смоленских дореволюционных историков о событиях начала XVII в. на Смоленщине стала статья Н.Н. Редкова «Смоленск в Смутное время», опубликованная в «Смоленской старине» в 1914 г. В ней впервые в смолен-

¹ Платонов С.Ф. Указ. соч. 67—68.

² Там же. С. 70—71.

³ Там же. С. 310.

⁴ Виноградов И.П. История Вязьмы. М., 1890. С. 29—31; Ракочевский С.С. Опыт собирания исторических записок о городе Рославле. Рославль, 1885. С. 59—60, 69.

⁵ Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Историко-археологическое исследование в связи с историей Смоленска. Смоленск, 1894. С. 101—159.

ской историографии этот период стал предметом отдельного исследования. Для написания работы историк привлек новый актовый материал. Это известия о походе Яна-Петра Сапеги через Смоленскую землю летом 1608 г., данные «Памятников обороны Смоленска» о событиях на Смоленском порубежье весной 1609 г., «Дневник осады».

Характеризуя положение в Смоленском крае в 1607 г., автор пишет: «Смоленск и его земля сделалась ареной смуты, и опасность перейти под власть Польши угрожала ей повсюду. Смоленский уезд был наводнен изменниками»¹. Правда, доказательства своей версии он не приводит. Рассмотрев события на смоленском порубежье весной 1609 г., Н.Н. Редков показал сложную картину взаимоотношений смолян и поляков в этот период. Они представлены на довольно большом историческом материале: переписка М.Б. Шеина с А. Гонсевским, челобитные смоленских крестьян о грабежах поляков, сведения о строительстве засек на границе, грамоты командиров застав в Смоленск². В то же время историк не сумел раскрыть роль крестьян и дворян в событиях весны 1609 г.

Основным источником по обороне Смоленска у Н.Н. Редкова служит «Дневник осады». Это позволило ему довольно подробно описать все штурмы города и те меры, которые принимали смоляне против вражеской армии. Но в работе не показана внутренняя жизнь города в этот период, позиции дворян и посадских не выявлены. Ничего не пишет автор и о том значении, которое имела Смоленская оборона для подъема национально-освободительного движения в стране.

Если говорить в целом о смоленской дореволюционной историографии Смутного времени, необходимо отметить, что она еще не вышла за рамки компиляторства. Этот период исто-

---

¹ Редков Н. Смоленск в Смутное время // Смоленская старина. Ч. 2. Смоленск, 1914. С. 114.

² Там же. С. 128—129.

рии не стал темой отдельного исследования местных краеведов. В обобщающих трудах по смоленской истории ему отводилось незначительное место. Исключение составляет лишь статья Н.Н. Редкова. В работах маститых историков события начала XVII в. на Смоленщине не получили должного внимания. В их исследованиях не складывается четкая картина того, что происходило в западных уездах в 1604—1611 гг. Большой интерес у них вызывает Смоленская оборона, но они ограничились лишь внешними факторами, уделив внимание лишь воинской составляющей.

В 1920-е гг. советская историография создала новую концепцию Смуты, опирающуюся на основные положения марксизма о классовой борьбе. В эти годы данные события рассматриваются как социальное движение, во главе которого стояли самозванцы и Болотников, и направленное прежде всего против крепостничества. М.Н. Покровский назвал Лжедмитрия II «крестьянско-холопским царем», а саму Смуту — «первой крестьянской революцией». Этот термин на целое десятилетие стал основным в обозначении событий начала XVII в. Какое-либо патриотическое движение в тот период не признавалось, а действия двух ополчений считались «контрреволюционными». Говоря о причинах «революции», историки в целом исходили из концепции С.Ф. Платонова¹.

В 1920-е гг. работы, посвященные событиям начала XVII в., в Смоленске не выходили, поскольку смоленские события не вписывались в современную историографию. М.Н. Покровский считал, что Смоленск держался долго лишь благодаря тому, «что осада его велась очень вяло и неудачно». А. Савич,

---

¹ *Готье Ю.В.* Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 1921. С. 23; *Пичета В.И.* История крестьянских восстаний в России. Минск, 1923. С. 20; *Тхоржевский С.И.* Народные восстания при первых Романовых. Пг., 1924. С. 116; *Покровский М.Н.* Сочинения. Кн. 3. М., 1966. С. 66.

посвятивший свою работу польской интервенции, вообще ничего не пишет о Смоленской обороне¹.

Из местных работ этого периода стоит отметить книгу С.Д. Ширяева «Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII вв.», вышедшую в 1931 г. Автор дал анализ экономического развития Смоленска в XVI в. и пришел к выводу: «оживление смоленского рынка наступает только со второй половины XVI в.». Его слабость историк связывает с «конкуренцией Полоцка и с разгромом смоленских купцов великим князем Василием III». Далее он констатирует: «Смоленск в XVI в. становится посредником между восточными и западноевропейскими рынками». В то же время С.Д. Ширяев повторяет точку зрения С.Ф. Платонова о том, что военно-политический интерес в Смоленске стоял на первом месте, и ему подчинялись все прочие².

В своей работе автор приводит интересные данные о количественном составе смоленских ремесленников. Согласно его подсчетам, в конце XVI в. в 8 городских слободах проживало 1763 человека. Среди них процент ремесленников колебался от 34 до 43 (по слободам), что было выше, пишет исследователь, чем в других городах Центральной России³.

В 1930-е гг., после критики «школы Покровского», появилась возможность говорить о Смоленской обороне. В 1939 г., по поводу 330-й годовщины ее начала выходит одноименный сборник. В. Мальцев постарался показать роль посадских и дворян в обороне города. Но его анализ довольно тенденциозен. Только посадский мир Смоленска, по мысли историка,

---

¹ *Покровский М.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 382.; *Савич А.* Польская интервенция в оценке М.Н. Покровского // *Историк-марксист* № 1. 1938. С. 74—110.

² *Ширяев С.Д.* Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII вв. Смоленск, 1931. С. 7, 12.

³ Там же. С. 21.

был истинным защитником города, он «раньше других городов сумел правильно понять историческую обстановку... организовать посадско-крестьянский оборонительный блок и создать народную армию обороны». Роль дворян в работе сведена к измене в пользу Речи Посполитой.

Остальные работы в сборнике носили, в большой степени, популярный характер. Д. Маковский описал штурмы города, при этом повторяя основные выводы В. Мальцева. Статья И. Хозерова была посвящена развитию смоленских посадов в тот период и строительству смоленской крепости¹.

В 1940 г. В.П. Мальцев посвятил проблемам обороны Смоленска монографию «Борьба за Смоленск». Автор отошел от ряда положений М.Н. Покровского и рассматривает Смуту как противостояние России и Речи Посполитой, и все события 1604—1612 гг. он оценивает как польскую интервенцию. Основной темой исследования является история Смоленского уезда в 1604—1611 гг., где центральное место занимает оборона Смоленска.

В.П. Мальцев впервые рассмотрел вопрос о поместном землевладении в Смоленском уезде на основе смоленских десятин 1574, 1606 гг. и пришел к выводу: «Смоленские помещики, после московских, стояли на самом высоком экономическом уровне». Но историк опирается лишь на поместный оклад смоленских дворян, нет в монографии и анализа положения дворянства в других уездах, что делает его выводы не совсем убедительными. Говоря об экономическом развитии Смоленска, В.П. Мальцев отмечает экономический подъем города в последнем десятилетии XVI в., который он связывает со строительством Смоленской крепости².

---

¹ *Мальцев В.* Историческое значение Смоленской обороны; *Маковский Д.* Оборона Смоленска; *Хозеров И.* Смоленск в начале XVII в. // Смоленская оборона. Смоленск, 1939. С. 5—83, 84—139, 227—258.

² *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 54—59.

В то же время исследователь переоценил развитие хозяйственных связей между городом и деревней. Но такая переоценка дала ему возможность говорить об образовании «политического оборонительного блока крестьян и горожан в годы польского нашествия»¹.

Рассматривая события осени 1606 г., В.П. Мальцев вводит в научный оборот смоленскую десятню 1606 г. и приходит к выводу, что восстание Болотникова явилось причиной ее составления, и она была создана осенью того же года. На ее основе он определяет численность смоленского отряда Григория Полтева².

Значительное место в монографии отведено событиям 1608—1609 гг. Оценивая позицию смоленского дворянства в этот период, В.П. Мальцев приходит к выводу, что оно стало «на путь измены, видя в Польше силу, способную навести порядок в стране». Но данная точка зрения в работе фактически не доказана. Говоря о «заговоре Зубова», историк игнорирует данные источников. Тенденциозный подход к освещению данных событий не позволил автору дать более объективный анализ роли дворян и крестьян в этот период³.

Обращаясь к исследованию обороны Смоленска, В.П. Мальцев определяет численность смоленской армии, опираясь на довольно многочисленные источники. Согласно его анализу, Смоленск защищало 5335 человек (1500 крестьян, 2785 посадских, 550 дворян, 500 стрельцов)⁴. Далее он стремится доказать, что в сентябре 1609 г. в Смоленске существовал Совет, во главе которого стояли посадские, и ему подчинялись воеводы⁵. Но из доказательств, приведенных автором, этого не следует.

---

¹ *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940. С. 50—55, 233, 237.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 166, 169.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Там же. С. 250—251.

Оборону В.П. Мальцев делит на три периода, разделами между которыми являются договоры, заключенные русским дворянством с польским королем 4 февраля и 27 августа 1610 г.¹ Данная периодизация исходит из утверждения историка об измене смоленских дворян в пользу Речи Посполитой, но она не отражает положения в Смоленске в данный период.

При изучении Смоленской обороны автор выделяет две основные проблемы — продовольственная политика смоленского правительства и измена смоленского дворянства. Оценивая продовольственную политику, В.П. Мальцев пишет, что она носила классовый характер и подрывала всю систему обороны города².

Измене смоленского дворянства посвящены многие страницы исследования. Изменническая позиция дворян и решимость посадских отстоять свой город — вот, по Мальцеву, основное противоречие Смоленской обороны.

Причины поражения Смоленска он видит в невозможности смоленского правительства «...поставить народные массы (крестьян и посадских) на один уровень с дворянами и стрельцами». Отсюда вывод: основная причина поражения Смоленска лежит в «противоречии посадско-крестьянского блока и смоленского дворянства»³. Это высказывание вступает в противоречие с основным положением монографии о руководстве обороной посадско-крестьянского блока.

Работа В.П. Мальцева отражает основные черты советской историографии 1930-х гг., резко негативное отношение к классу феодалов и идеализацию крестьянского и посадского движения. Подойдя к проблемам смоленской истории с узкоклассовых позиций, историк не смог дать объективную оценку происходящего на Смоленщине в данный период. Роль

---

¹ Там же. С. 240.

² Там же. С. 259.

³ Там же. С. 328.

всех сословий смоленского населения в работе показана тенденциозно и фактически не выявлена. Основные положения монографии о посадско-крестьянском блоке, о народном правительстве, об измене дворян слабо аргументированы и не доказаны. В.П. Мальцев переоценил роль Речи Посполитой в событиях Смутного времени, что можно объяснить стремлением автора опровергнуть опальную концепцию М.Н. Покровского. В то же время необходимо отметить, что исследователь привлек обширный исторический материал. Источниковедческий анализ ряда документов им дан впервые, и он не утратил своего значения до сегодняшнего дня. В последующие годы работ с привлечением такого большого материала по проблемам Смутного времени на Смоленщине не выходило.

Позже В.П. Мальцев отошел от ряда положений своей монографии относительно количества дворян в отряде Г. Полтева и высказал ряд замечаний о дате составления десяти 1606 г. Ее составление он датировал летом 1606 г., но по-прежнему причиной ее создания он считал восстание Болотникова¹.

В 1940-е гг. крестьянскому движению начала XVII в. посвятил свое исследование И.И. Смирнов. Автор ограничил крестьянскую войну лишь восстанием Болотникова, полагая, что до 1606 г. главными действующими силами были холопы, а после 1607 г. на первое место выходит казачество, которое поддерживало Лжедмитрия II. Это движение по-прежнему рассматривалось как польская интервенция. Данная концепция нашла отражение в «Очерках истории СССР», вышедших в 1950-х гг.²

---

¹ *Мальцев В.П.* Смоленская десяти 1606 г. как памятник раннего периода крестьянской войны в России в начале XVII в. // Проблемы источниковедения. Т. XI. М., 1963. С. 338—345.

² *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. Л., 1951. С. 195—260; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. / Под. ред. А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина. М., 1955. С. 503—604.

Говоря о событиях на Смоленщине, И.И. Смирнов отмечает, что города Вязьма, Дорогобуж и Рославль перешли на сторону повстанцев. Довольно подробно историк показывает деятельность отряда Григория Полтева под Москвой и делает вывод о решающей роли смолян в победе Василия Шуйского¹.

Далее исследователь сообщает, что смоленский отряд зимой 1607 г. был разделен: одна его часть участвовала в осаде Калуги, другая пошла освобождать Смоленский уезд от «воров»². Правда, из источника, на который ссылается И.И. Смирнов, этого не следует.

В 1950-е гг. историки обращаются к изучению экономического развития Смоленской земли в XVI в. С.В. Бахрушин пишет о широком распространении здесь ткачества, о производстве кирпича в Смоленском уезде, о развитии других ремесленных производств. По словам М.Н. Тихомирова, «в Смоленске... сохранились купеческие привилегии, и ремесленные организации... здесь был особый староста смоленских купцов и староста места...». Вяземский посад, по словам историка, насчитывал в конце XVI в. 500 дворов, и Вязьме в то время придавали важное экономическое значение. Рославль представлял собой пограничную крепость, где «...сколько-нибудь большого и деятельного населения не существовало». Исследователь признает торговое значение за Дорогобужем, который был связан со Смоленском речным путем.

Рассмотрев вопрос о землевладении на Смоленщине, М.Н. Тихомиров пришел к выводу, что основным его видом было поместье, где во второй половине XVI в. начинает распространяться барская запашка³.

---

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. 229.

² Там же. С. 232.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 92—102; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 349—369.

Д.П. Маковский, обратившись к проблеме развития товарно-денежных отношений в России в XVI в., собрал значительный материал по экономике Смоленского края. Проанализировав данные «Памятников обороны Смоленска», автор определил, что в городе на рубеже XVI—XVII вв. было 79 видов ремесел. Особенное развитие получили кожевенное, кузнечное и ремесла, связанные с производством питания¹.

Рассмотрев вопрос о смоленской торговле, историк пишет, что «...отделение торговли от ремесла достигло в Смоленске значительных размеров», отсюда он делает вывод о наличии в городе рассеянной мануфактуры, связанной с ткацким производством². Однако данная точка зрения в работе ничем не аргументирована.

Для анализа дворянского землевладения Д.П. Маковский привлек смоленские десятины 1574, 1606 гг., опубликованную часть писцовых книг по Вяземскому уезду и ряд документов из «Архива Масловых», относящихся к Рославлю. На основе сравнительного анализа землевладения в Смоленском и в центральных уездах автор пришел к выводу, что смоленские помещики были обеспечены землей гораздо лучше своих соседей. О землевладении в Вяземском уезде он пишет: «Вяземские помещики считались наиболее обеспеченными рабочими руками...». Необеспеченность рославльских дворян землей историк считает одной из причин их перехода в лагерь Болотникова и самозванцев в период крестьянской войны³. В то же время необходимо отметить, что Д.П. Маковский в своем анализе опирается в большей степени на десятины, а не на писцовые книги, которые как раз и фиксируют экономическое состояние дворянских поместий.

---

¹ *Маковский Д.П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963. С. 52.

² Там же. С. 54—55.

³ Там же. С. 188—192.

В конце 1950-х гг. концепция первой крестьянской войны была пересмотрена. А.А. Зимин, В.И. Корецкий, И.М. Скляр на страницах журнала «Вопросы истории» выступили с критикой точки зрения И.И. Смирнова. Хронологические рамки первой крестьянской войны были расширены от восстания Хлопка до казачьих восстаний 1615 г., движения в поддержку обоих Лжедмитриев стали рассматриваться как определенные этапы крестьянской войны, в которых на стороне восставших действовали и представители господствующего класса. Больше внимания историки стали уделять национально-освободительной борьбе 1610—1612 гг., увидев в ней патриотическое движение, направленное на освобождение Родины¹.

Д.П. Маковский в 1960-е гг. выдвинул собственную концепцию первой крестьянской войны. Историк полагал, что в России в начале XVII в. произошла незаконченная буржуазная революция. Ее движущими силами были «бюргеры и плебеи» северных и украинских городов, которых поддерживали казаки и служилые люди². Не признавая роль холопов в войне, историк довольно критически относится к личности Болотникова, который являлся агентом Речи Посполитой и авантюристом. Отрицает он и какое-либо участие в национально-освободительном движении дворян: «...национально-освободительную борьбу начали не дворяне, не ляпуновы, не пожарские, а народные массы — крестьяне и посадские люди»³.

¹ *Зимин А.А., Преображенский А.А.* Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России // *ВИ.* № 12, 1957. С. 142—144; *Зимин А.А.* Некоторые вопросы крестьянской войны в России // *ВИ.* № 3, 1958. С. 97—112; *Корецкий В.И.* Из истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // *ВИ.* № 3, 1959. С. 118—133; *Скляр М.О.* О начальном этапе первой крестьянской войны в России // *ВИ.* № 6, 1960. С. 98—114; *Фигаровский В.А.* Крестьянское восстание 1614—1615 гг. // *ИЗ.* Т. 73. М., 1963. С. 194—218.

² *Маковский Д.П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 468.

³ Там же. С. 396—400, 438.

В работе Д.П. Маковского имеется ряд интересных наблюдений, но в целом она модернизировала русскую историю XVI—XVII вв. и не была признана историками.

В 1960—1970-е гг. в ряде работ события на Смоленщине в начале XVII в. освещались с позиций концепции А.А. Зимина. В.И. Корецкий в статье «К истории восстания Хлопка» вводит в научный оборот «Наказ Богдану Поликарповичу», который в 1602 г. был послан в Бельский уезд на усмирение разбоев. Историк традиционно рассматривает это движение, характеризуя его как антифеодальное¹.

В статье В.Д. Назарова и Б.Н. Флори «Крестьянское восстание под предводительством Болотникова и Речь Посполитая» были рассмотрены события в Рославле в 1606—1607 гг. Оба автора связывают отъезд смоленских дворян из-под Калуги зимой 1607 г. с грамотой рославльского воеводы Д.В. Мосальского в Мстиславль и с приходом в Рославль воинских контингентов из Белоруссии. Они также пишут об особых отношениях посадского населения Рославля и местного воеводы в период восстания И. Болотникова².

В 1950—1980-е гг. в местном краеведении значительных работ по истории начала XVII в. не выходило. На рубеже 1940—1950-х гг. было издано несколько популярных книг по истории Смоленщины. Но события данного периода в них излагались весьма кратко, за исключением обороны Смоленска, которая рассматривалась в целом на основе выводов В.П. Мальцева. В поздней статье, посвященной Смоленской

---

¹ *Корецкий В.И.* К истории восстания Хлопка // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей, посвященных памяти И.И. Смирнова. Л., 1967. С. 222.

² *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России: Сборник статей под ред. В.В. Мавродина. М., 1974. С. 340—343.

обороне, Д.П. Маковский уже не так прямолинейно повторяет своего предшественника, но по-прежнему выводы его работы опираются на исследование 1940 года¹.

В 1970—1980-е гг. проблемам истории Смоленского края в XVI—XVII вв. посвятил работы А.А. Кондрашенков. Он рассмотрел данные события на основе концепции А.А. Зимина и пришел к выводу, что в этот период в крае происходили крупные крестьянские выступления, особенно сильные в 1602—1603 и в 1606—1607 гг.²

Анализируя оборону Смоленска, А.А. Кондрашенков вступает в полемику с В.П. Мальцевым и высказывает ряд критических замечаний по поводу концепции последнего. Историк считает вывод В.П. Мальцева о «посадско-крестьянском блоке» недоказанным, отвергает он и другой его вывод — о городском земском совете, которому подчинялись воеводы. По повому А.А. Кондрашенков дает периодизацию Смоленской обороны. Он ее делит на два этапа, разделом между которыми является Клушинская битва³.

Не разделяет он и точку зрения В.П. Мальцева и о поголовной измене смоленских дворян: «Конечно, среди дворян были сторонники союза с Речью Посполитой, — пишет автор, — но

---

¹ *Маковский Д.П.* Героическое прошлое Смоленщины. Смоленск, 1946. С. 33—72; *Маковский Д.П., Орлов В.П.* Смоленск с древнейших времен до XIX в. Смоленск, 1948. С. 96—121; *Маковский и др.* Рославль. Смоленск, 1952. С. 50—51; *Маковский Д.П. и др.* Вязьма. Смоленск, 1953. С. 20—21; *Маковский Д.П.* Героическая оборона // *Живет в веках твой подвиг благородный.* Смоленск, 1967. С. 27—57.

² *Кондрашенков А.А.* Смоленский край в годы первой крестьянской войны // *Сельское хозяйство и крестьянство нечерноземного центра РСФСР.* Смоленск, 1976. С. 15—21; *его же,* Смоленский край в XVI—первой половине XVII в. Спецкурс. Смоленск, 1978. С. 34—68; *его же,* Героическое прошлое Смоленска — города русской славы. Смоленск, 1989. С. 48—53.

³ *Кондрашенков А.А.* Смоленский край... С. 51—52, 54.

это не дает оснований считать их всех изменниками и сторонниками союза с польскими интервентами»¹.

Но в целом работы А.А. Кондрашенкова имели небольшой объем, и в них рассматривался довольно узкий круг проблем.

В 1980-е гг. концепция первой крестьянской войны, сложившаяся в 1950-е гг., была подвергнута критике в работах Р.Г. Скрынникова и Л.А. Станиславского. Историки реабилитировали сам термин «Смута» и стали рассматривать события начала XVII в. как гражданскую войну всех сословий русского общества, вызванную кризисом дворянского землевладения, который привел к выступлению против власти привилегированного слоя холопов и вольного казачества. По Скрынникову, кризис, приведший страну к гражданской войне, это, прежде всего, кризис феодального землевладения.

События 1604—1607 гг. он считает движением дворянских низов, и только с появлением Лжедмитрия II начинается новая фаза гражданской войны, и народные выступления приобретают все более выраженный социальный характер. События 1609—1612 гг. историк рассматривает как национально-освободительное восстание против польских интервентов².

А.Л. Станиславский, исследовавший движение казачества в начале XVII в., пришел к выводу: казаки — особый социальный слой русского общества со своими социальными интересами, которые отличались и от интересов дворян, и от интересов крестьянства. «Казаки в начале XVII в. выступали как самостоятельная сила... и рассматривать так же, как крестьян в армиях Болотникова, Лжедмитрия II, в земских ополчени-

¹ Кондрашенков А.А. Смоленский край... С. 55.

² Скрынников Р.Г. Социально-политическое развитие Русского государства в начале XVII в. Л., 1985; *Его же*. Россия в начале XVII в. Смута. — М., 1988; *Его же*. Россия в начале XVII в. Восстание Болотникова. Л., 1988, *Его же*. Смутное время. Крушение царства. М., 1995.

ях... нет никаких оснований. Таким образом, представление о “Смуте”, как о крестьянской войне, нуждается, по-видимому, в решительном пересмотре»¹.

Выводы Р.Г. Скрынникова и А.Л. Станиславского в целом не претерпели существенных изменений в последние годы, о чем свидетельствуют недавно вышедшие исследования О. Тюменцева и В.Н. Козлякова².

В монографии Б.Н. Флори «Польско-литовская интервенция и русское общество» освещен ряд вопросов смоленской обороны 1609—1611 гг. Автор раскрывает причины поддержки смоленскими дворянами Василия Шуйского в 1606—1610 гг. и отказа смолян дать присягу Сигизмунду III в сентябре 1610 г. Большое внимание историк уделяет переговорам под Смоленском осенью 1610 г., где главным вопросом был вопрос о снятии осады города. Анализ переговоров позволил Б.Н. Флори сделать вывод, что смоленские дворяне вне Смоленска не желали признавать власть польского короля и выступали совместно с послами за присягу королевичу, что стало причиной их участия в двух ополчениях³.

Из анализа представленных работ следует, что в местном краеведении пока еще нет работ, рассматривающих события начала XVII в. с учетом тех изменений, которые произошли в отечественной историографии в 1980—2000-е гг. Требуют пересмотра вопросы о крестьянском движении в крае в начале XVII в. и о позиции смоленского дворянства в 1608—1609 гг. Дальнейшего исследования требует и история Смоленской обороны. Ряд положений В.П. Мальцева уже не соответствуют

---

¹ Станиславский Л.А. Гражданская война в России в начале XVII в. М., 1990.

² Тюменцев О. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; Козляков В.Н. Смута в России. М., 2005.

³ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005. С. 102—109, 146—150, 253—254, 300—302.

современным представлениям о Смутном времени. Проблему взаимоотношений смолян и поляков осенью 1610 г. следует решать с учетом тех изменений, которые произошли в стране после 17 августа.

Решение поставленных задач потребовало расширения источниковой базы исследования и введения в научный оборот значительного количества новых документов. Для исследования поместного землевладения был проведен анализ ряда писцовых книг и десятиен, и не только западных уездов, но и центральных и южных.

Важнейшим источником по дворянскому землевладению являются «Вяземские писцовые книги 1586—1595 гг.», хранящиеся в фонде Поместного приказа, под № 618, 619¹. Книга 619 дает описание Вяземского уезда конца 80-х — начала 90-х гг. XVI в., проведенное Василием Вольтинским. Книга состоит из двух частей. В первой дано описание 21 стана уезда 1594—1595 гг., вторая часть датируется 1586—1587 гг., в ней описано еще 3 стана, в том числе самых больших — Пригородного и Волоцкого.

Первая часть книги 618 представляет собой описание Вольтинского 1594—1595 гг., но в ней описано 17 станов, 5 из которых мы находим в книге 619: Заднепреевский, Глухолитвиновский Холмец, Гжельский, Средняя Сторона. Фактически в обеих книгах дано описание почти всего Вяземского уезда (36 станов). Неописанными остаются 7 станов. Вторая часть книги 618 представляет собой дозорную книгу уезда, составленную в 1616 г. подьячими М. Шапиловым и О. Колупановым, о чем говорят слова «литовское разорение», «разорен от литовских людей», т.е. она составлялась после Смутного времени.

Книга 618 была опубликована в первом томе «Писцовых книг Московского государства» в 1872 г.² Ее исследо-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 618, 619.

² ПКМГ. Ч. I. 1. СПб., 1872. С. 568—727.

вали многие историки, считавшие, что она и есть описание всего Вяземского уезда¹. Книга 619 была проанализирована В.Б. Павловым-Сильванским, но он ограничился лишь текстологическим анализом и произвел датировку обеих книг².

Исследование вяземских писцовых книг затрудняется тем, что в них имеются лакуны и описаны далеко не все поместья. Например, поместье В.Б. Сабурова располагалось в двух станах — в Волоцком и Пятницком, но описания Пятницкого стана в книгах нет, при описании поместья Замятни Мицкого сказано, что у него поместье в Пригородном стане, но в этом стане мы его не находим. По данному стану не обнаруживается более 10 помещиков, на которых имеются ссылки при описании их поместий в других станах³.

И все же анализ Вяземских писцовых книг позволяет говорить о характере землевладения у местных помещиков, о количестве земли и крестьянских дворов в поместьях, о степени запустения уезда в 1590-е гг. XVI в.

К написанию работы были привлечены писцовые описания Вяземского уезда в XVI—XVII вв, составленные в 90-е гг. XVII в. Данный документ находится в архиве института истории Академии наук в Санкт-Петербурге под номером 608. В нем представлено описание Вольнского и дозорная книга 1616 г. Последняя дана здесь полнее, в ней описано 72 поместья, в книге 618—66. Здесь же говорится о раздаче дворцовых земель помещикам в 1614 г.⁴

¹ Рожков В.А. Сельское хозяйство Московского государства в XVI в. М., 1899. С. 101—102; Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений... С. 191—192.

² Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книги Русского государства XVI в. М., 1991. С. 78—107.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 770—852, 1142—1143.

⁴ СПБНИИ. Кн. 608. Л. 180, 180 об., 181, 182 об., 183.

Землевладение в Смоленском уезде было изучено на основе «Смоленских десятен» 1574 и 1606 гг. Десятни — основной источник для изучения истории дворянства Московского государства, — составленные в военно-финансовых интересах государства при разборе, верстании и раздаче денежного жалования. Сами десятни представляют собой пофамильные списки всех дворян уезда с перечислением земельного и денежного оклада каждого помещика. Дети боярские в десятне обычно делятся на три разряда: выбор, дворовые и городовые, в некоторых из них отсутствовал выбор. От разряда и земельного оклада дворянина определялся размер его воинской повинности. Фактически десятня устанавливала его место в служебной иерархии. По словам А.А. Новосельского, «нет другого документа, который давал бы более полное и отчетливое представление о помещичьей корпорации, об основах и характере ее строя, городском самоуправлении в специально отведенной ему сфере военной службы»¹.

Списки десятен находятся в собрании Вахромеева в отделе рукописей Исторического музея. Они были опубликованы М.В. Муравьевым и В.П. Мальцевым². Данные десятни позволяют выяснить, когда и из каких социальных слоев формировалось смоленское дворянство. Сравнительный анализ двух десятин дает возможность в динамике проследить развитие смоленского дворянства на рубеже двух веков и увидеть его особенности по сравнению с дворянством других уездов. Их

---

¹ Новосельский А.А. Распад землевладения служилого города в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сборник статей. М., 1961. С. 233.

² ГИМ. Собрание А. Вахромеева № 136; Муравьев М.В. Разборная десятня по Смоленску // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып 1—2. М., 1913. С. 71—99; Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... Приложение № 1—3. С. 349—421.

недостаток, что здесь дан лишь поместный оклад помещиков, который не показывает фактического размера помещичьей земли, не указано в десятне и количество крестьянских дворов в поместьях. Именно поэтому в работе проведен анализ ряда документов «Памятников обороны Смоленска» и жалованных грамот Сигизмунда III смоленским дворянам, в которых указан фактический размер земли у дворян, и они позволяют показать более объективную картину помещичьего землевладения в Смоленском уезде¹.

В работе представлены материалы «Родословной Дивовых», которая была передана в Герольдмейстерскую контору в XVIII в. Они содержат сведения о формировании смоленского дворянства в XVI в. и об участии смоленских дворян в гражданской войне. В документе говорится о службе дворян Дивовых с 1558 по 1619 г.² Этот источник еще на привлекался историками, исследовавшими события Смутного времени на Смоленщине.

О землевладении в Рославльском уезде свидетельствуют данные «Архива Масловых». Архив содержит многочисленные семейные документы рославльских помещиков Масловых и их родственников Строкиных и Дуровых за период 1573—1631 гг. Всего в источнике имеется 167 документов, из них к Рославлю относятся первые 111 за 1573—1612 гг.³ Данные архива позволяют провести анализ поместного землевладения в уезде, из него хорошо видно, что большинство местных боярских детей в конце XVI в. относились к низам служилого сословия. В его состав вошел и ряд документов, свидетель-

---

¹ Смутное время Московского государства. Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. Вып. 5. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912. № 41, 49, 248—252, 257—259, 268—271; АЗР. Т. 4. № 83, С. 327—430.

² РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 60. Л. 81 об. 83.

³ Архив рославльских помещиков Масловых // ЧОИДР. Ч. 2. М., 1916. С. 1—131.

ствующих об участии рославльских помещиков в гражданской войне, причем некоторые из них не дублируются другими источниками.

К написанию работы были привлечены материалы писцовых книг и десятен по Можайскому, Арзамасскому, Нижегородскому, Елецкому, Тульскому, Орловскому, Новгородскому уездам, которые позволили провести сравнительный анализ землевладения в смоленских, центральных и южных уездах¹.

Вопрос об испомещении смоленских дворян после Смутного времени был изучен на основе десятен 1620-х гг., когда «по государеву указу был разбор всей земли»².

Анализ десятен 1620-х гг. дает возможность установить количество смоленских, вяземских, дорогобужских помещиков, получивших земли после Смуты в других уездах и тем самым вошедших в другие дворянские уездные корпорации.

О гражданской войне в Смоленском крае рассказывают документы второго тома «Актов исторических», в котором содержатся материалы за 1598—1615 гг. К истории Смоленщины в сборнике относятся 57 актов (16 %), а число документов доходит до сотни³.

Первостепенным источником по истории Смоленской обороны являются «Ску-Клостерские акты», собранные и опубликованные Ю.В. Готье в 1912 г.⁴ «Ску-Клостерские акты» представляют собой делопроизводство смоленской воевод-

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 18, 270.

² Там же Ф. 210. Оп. 4. Д. 6, 9, 24, 76, 86, 98, Стб. Новгородского стола № 93. Л. 102—103, Стб. Севского стола. Л. 231—232.; Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10815, 10820, 13369; ПКМГ. Ч. I. 1. С. 22—23, 409—411, 732—1073, 1097—1260; ПКМГ. Ч. II. СПб.. 1877. С. 1271—1295; АМГ. Т. 1. М., 1890, № 458.

³ АИ. Т. 2. СПб., 1841.

⁴ Смутное время Московского государства. Памятники обороны Смоленска 1609—1611. Вып. 6. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912. (Далее «Памятники обороны».)

ской избы за 1609—1611 гг. После взятия Смоленска эти документы были вывезены в Польшу. В середине XVII в. они оказались в Швеции в замке Ску-Клостер, которым владел барон Врангель, участник Шведско-польской войны 1655—1659 гг.

В 1890-е гг. изучением «Ску-Клостерских» актов занялся Ю.В. Готье, который разобрал их и определил среди них делопроизводство смоленской воеводской избы, назвав его «Памятники обороны Смоленска».

Всего в «Памятниках обороны» содержится 283 документа, которые разделены на три части. В первой (№ 1—41) собраны материалы до осады города за 1607—1609 гг. Они дополняют данные, содержащиеся в «Актах исторических», о набегах поляков на смоленские земли весной 1609 г., о действии отряда Я. Борятинского и С. Ададунова.

Вторую часть памятника составляют акты, относящиеся к осаде, датируемые 11 августа 1609—31 мая 1611 г. (№ 42—227).

В третью часть (№ 228—283) вошли росписи смоленского гарнизона, артиллерии, хлебные раздачи среди защитников крепости, опись хлебных запасов и челобитные смоленских дворян Сигизмунду III.

Таким образом, «Памятники обороны...» являются одним из основных источников по истории обороны Смоленска. Из содержащихся в них материалов хорошо видна роль воеводской избы в обороне города, которая являлась фактическим штабом смоленской армии. «Памятники обороны...» дают нам и довольно большой материал о жизни самих смолян в условиях осады.

Делопроизводство воеводской избы — не только важный источник по истории обороны Смоленска, в нем содержатся ценные сведения и по экономике города в начале XVII в.

Важнейшим источником по исследованию вопроса об «измене» смоленского дворянства в 1610 г. являются жалованные

грамоты Сигизмунда III русским дворянам, выданные королевской канцелярией с февраля 1610-го по май 1611 г. Данные грамоты опубликованы в 4-м томе «Актов Западной России»¹. Всего пожалований имеется 808, из них дворянам смоленских уездов 353 (43,6 %): смолянам — 178, вязьмичам — 50, дорогобужанам — 55, рославльчанам — 57, бельчанам — 13. Данный источник содержит и сведения о количестве земли у дворян этих уездов в начале XVII в. При отсутствии писцовых книг по Смоленскому, Дорогобужскому, Рославльскому уездам его известия имеют важное значение при изучении помещного землевладения.

К написанию работы были также привлечены сборники «Русского исторического общества», 1-й том «Дополнений к Актам историческим», материалы «Русской исторической библиотеки», 1-й том «Актов Северо-Западной России», сборник документов «Восстание Болотникова», разрядные книги и разрядные записи за Смутное время, опубликованные С.А. Белокуровым, материалы Л.М. Сухотина о четверчиках Смутного времени, «Изборник» М. Попова, известный как Карамзинский хронограф².

В сборнике «Восстание Болотникова» большое значение для исследования вопроса о действии отряда Г. Полтева под Москвой имеют рукопись Филарета, грамота патриарха Гермогена, грамота Василия Шуйского в Свяжск, челобитные Д. Дернова. В совокупности с другими документами (родо-

¹ АЗР. Т. 4. СПб., 1851. С. 320—427.

² ДАИ. Т. 1. СПб., 1846; РИО. Т. 113, 137, 142—М., 1902, 1912, 1913; РИБ. Т. 2. СПб., 1875; Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси. Т. 1. Вильно, 1867; Разрядная книга. 1475—1598. М., 1966; Разрядная книга. 1475—1605. Т. IV. Ч. 2. М., 2003; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907; ЧОИДР. 1912, Кн. 2. М., Попов... Восстание Болотникова. Сборник документов / Сост. А.М. Копанев, А.Г. Маньков. М., 1959.

словной Дивовых, разрядными записями, Карамзинским хронографом) эти источники позволяют создать ясную картину действий смоленского отряда. Челобитные участника отряда Г. Полтева Дмитрия Дернова царю Алексею Михайловичу в 1648 г. дают важные сведения о численности смоленского отряда и его структуре¹.

Смута уже у современников вызывала большой интерес и желание выяснить ее причины, приведшие к разорению государства, что явилось причиной появления различных повестей и летописцев, повествующих о том времени.

Первое место среди летописных сводов занимает «Новый летописец», вышедший в 30-е гг. XVII в. из канцелярии патриарха Филарета и вобравший в себя многочисленные источники по истории Смуты. Правда, его сообщения о Смоленщине в целом носят лапидарный характер².

Пискаревский летописец в некоторых местах дополняет Филаретову летопись. Его данные опровергают устоявшийся тезис, что основными движущимися силами восстания Болотникова были холопы и крестьяне, он прямо указывает — основную часть повстанческой армии составляли дворяне и казаки.

Ряд известий о событиях на Смоленщине содержит Бельский летописец, составленный в городе Белом местными дворянами в 1630-е гг.³

Из русских повестей, где говорится о смоленских событиях, интерес представляет «Смоленская грамота», составленная зимой 1610—1611 гг. и вошедшая в «Новую повесть»⁴.

Смоленская грамота — довольно эмоциональный документ, в котором описываются все беды русского народа, связанные с

---

¹ Восстание Болотникова... С. 219, 220—221, 230—231.

² ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 47—112.

³ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 198—215, 251—260.

⁴ РИБ. Т. 13. СПб., 1891. С. 189—210.

польской интервенцией. Это источник для изучения не только обороны Смоленска, но и национально-освободительного восстания русского народа против польских захватчиков.

Довольно интересным документом, повествующим об участии смоленских дворян в гражданской войне, является «Повесть о победах Московского государства». Она была написана примерно во второй половине 1620-х гг., ряд содержащихся в ней известий позже вошли в «Новый летописец». Автор повести был близок к кругам смоленского дворянства или сам был смоленским помещиком. Смоленские дворяне представлены в ней, как надежный оплот центральной власти. «Повесть», собственно, и рассказывает о действиях смоленских дворян в 1606—1618 гг. Большое внимание автор уделяет походу отряда Григория Полтева под Москву и участию смоленских дворян в 1-м и 2-м ополчениях, при этом ряд ее известий не дублируется другими источниками, что делает их уникальными¹. До последнего времени «Повесть» фактически не привлекалась историками для описания смоленских событий.

Основной массив сведений, относящийся к истории Смутного времени на Смоленщине, содержится в мемуарах иностранных авторов.

В 1830-е гг. Н.Г. Устрялов опубликовал «Сказания современников о Дмитрие Самозванце» в 5 частях. Значительный интерес по истории Смоленщины представляют «Записки» Самуила Маскевича, слонимского писаря. Автор «Записок...» осветил ход первого периода осады Смоленска, оставил он и довольно подробное описание Клушинской битвы, в которой принимал непосредственное участие². Его «Записки» интересны и тем, что события, свидетелем которых был автор, получи-

---

¹ Повесть о победах Московского государства. Издание подготовил Е.П. Енин. Л., 1982. С. 6—9, 26—31.

² ССДС. Ч. 5. Под. ред. Н.Г. Устрялова. СПб., 1834. С. 82—98, 148—149.

ли, по словам Н.Г. Устрялова, довольно объективную оценку: «Он любил говорить правду, и его дневник — один из объективных источников по истории Смутного времени, где нет ни слепой злобы, ни самодовольства; не давая пощады нам, он не щадил и своих»¹.

Большое значение для исследователя обороны Смоленска имеют «Записки о Московской войне» коронного гетмана Станислава Жолкевского, написанные вскоре после 1612 года. В своих мемуарах гетман повествует обо всех важных событиях, происходящих в окружении короля. Из них следует, что С. Жолкевский не всегда соглашался с Сигизмундом III и в цели будущего похода, и в тактических приемах осады Смоленска².

Еще одним польским источником является «Описание похода его королевского величества в Москву 1609 года», в котором поденно дано описание осады города, что делает его, по сути, дневником Смоленской обороны. Он составлялся в королевском лагере под Смоленском непосредственно в ходе осады, и потому сведения, содержащиеся в нем, представляют важнейший интерес для исследователя. Автор — доверенное лицо Сигизмунда III, которому было поручено составление летописи Московской войны, где должны были прославляться подвиги польского короля и польского войска. Тем не менее дневник довольно объективно и точно фиксирует все события, происходящие под Смоленском и на Смоленщине. Первая запись датируется 5 сентября 1609 г. (по новому стилю), последняя — 7 января 1611 г.³

Значение дневника для изучения Смоленской обороны трудно переоценить, многие сообщения содержатся только в данном до-

---

¹ Там же. С. 5.

² Жолкевский С. Записки о Московской войне. 1872. С. 19—35, 100, 126—128.

³ РИБ. Т. 1. СПб. С. 425—720.

кументе, его лаконичные записи во многом свободны от тенденциозности, которой обычно страдает нарративная литература.

Если «Памятники обороны...» показывают контрмеры, которые предпринимали смоляне, и раскрывают специфику жизни в осажденном городе, то дневник осады говорит о мероприятиях польской армии. Параллельное изучение двух источников дает возможность увидеть довольно полную картину обороны и осады города.

Некоторые известия о Смоленской обороне содержит «Дневник Самуила Бельского». Он охватывает период с 5 августа до 15 октября 1609 г.¹

Привлекаемые для написания работы источники в определенной степени обусловили выбор двух главных тем исследования: экономическое положение смоленского дворянства и его позиция в период Смуты; внутреннее положение Смоленска в условиях осады.

ГЛАВА II

СМОЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ГОРОДА: ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVI В.

Анализ Смутного времени на Смоленщине невозможно провести, не обратившись к вопросам экономического развития края и, прежде всего, к анализу поместного землевладения и экономическому состоянию смоленских городов в конце XVI в. Смоленское дворянство и посадский мир Смоленщины сыграли в событиях Смутного времени значительную роль, и анализ экономического положения этих сословий накануне

---

¹ Дневник Самуила Бельского // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М. Оболенским. М., 1848. С. 1—15.

Смуты дает возможность определить причины, которые привели их в тот или иной политический лагерь.

Стратегическую линию внешней политики России в конце XV — начале XVI в. во многом определили интересы внешней торговли, когда шла многолетняя война с Великим княжеством Литовским (ВКЛ), в ходе которой Смоленская земля была присоединена к Московскому государству. Эта территория представляла собой важный экономический регион на путях в Западную Европу. Через Вязьму и Смоленск шли торговые пути в Полоцк, Вильно, Варшаву; кроме этого, здесь имелись и другие торговые сообщения.

2.1. РАЗВИТИЕ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

После присоединения Смоленского края к Московскому государству вся земля поступила в фонд великого князя и стала его полной собственностью, которую московские князья начинают жаловать за службу в условное и вотчинное держание. В Вяземском уезде возникают вотчины членов московской аристократии: Годуновых, Сабуровых, Буйносовых-Ростовских, Тростинских, Вельяминовых, Лыковых¹. Смоленских земцев в этот период переводят в центральные уезды. По данным В.Б. Кобрин, из Смоленского уезда земцев переводили в Московский и Ярославский уезды, из Вяземского — в Медынский². Но до середины XVI в. помещиков из коренных московских уездов в Смоленской земле было немного. Этот факт позволил Л.В. Сухотину сказать, что до 40-х гг. XVI в. «здесь не заметно класса феодалов»³. Дворяне Смоленского уезда не

¹ ТКДТ. М.—Л., 1950. С. 77—78, 187—191.

² Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1985. С. 75, 125.

³ Сухотин Л.В. О списке «Смоленские десятины XVI в.» // ЖМНП. Декабрь 1914. С. 242.

вошли ни в Тысячную книгу, ни в Дворовую тетрадь, которые были составлены в 1550-е гг. В то же время из родословной дворян Дивовых следует, что в 1558—1560 гг. смоленский наместник боярин И.П. Федоров верстал смоленских дворян Дивовых «в большую статью» для несения ими посольской службы. В 1563—1564 гг. Образец Дивов служил приставом при посольстве Ю. Ходкевича¹. Это свидетельствует о существовании в Смоленске в середине XVI в. выборных дворян, входящих в состав Государева двора. Значит, еще до составления десяти 1574 г. в Смоленском уезде имела элитная часть служилого сословия, скорее всего, переведенная сюда из центральных уездов.

Основным видом землевладения на Смоленщине в XVI в. становится поместье. Здесь, как и в Новгороде, основная масса земель была роздана детям боярским в условное держание.

Комплекс источников по смоленскому землевладению относится к последней трети XVI в. Именно в это время в Смоленском крае и формируется поместная система.

Смоленская десятина 7082 (1574) г. дает возможность увидеть, когда и каким образом шло формирование дворянства Смоленского уезда. Согласно десяти в уезде было испомещено 519 служилых людей. В ней также записаны имена четырех начальников стрелецких приказов, 28 стрелецких сотников и 79 дворянских недорослей. Текст десяти дошел до нас в позднем списке со многими разновременными напластованиями, о чем писал В.П. Мальцев и, что затрудняет анализ данного документа². Список десяти впервые был опубликован М.В. Муравьевым в 1913 г.³ Л.В. Сухотин датировал ее 1574 г., основываясь на донесении Оршанского старосты Филона Кмиты от

---

¹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 60. Л. 81 об. РИО. Т. 59. С. 145.

² *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск... С. 50.

³ *Муравьев М.В.* Разборная десятина 1574 года по Смоленску... С. 74—99.

весны-лета 1574 г. «Начиная с 1 марта, он передавал доходившие с рубежа слухи «о великой опатрности (пополнении. — С.А.), которую чинили в Смоленске», о прибытии туда «люду московского войск, люду военного, стрельцов и ездных»¹. В.П. Мальцев не согласился с выводами Л.М. Сухотина и считал, что десятня составлялась в период подготовки Полоцкого похода примерно в 1563—1565 гг.²

Если проследить, откуда переводились в Смоленск введенцы, то увидим, что 102 человека из 310 — это представители опричных уездов (33 %), и больше всего из Костромы и Новгорода — 37 и 43 соответственно, 10 из Суздаля, 9 из Медыни, по одному из Переяславля и Ростова. Костромской и Новгородский уезды вошли в опричину в 1567 и 1571 гг. Еще в 1565 г. из Костромского уезда выселили многих вотчинников в Среднее Поволжье³. По данным писцовых книг в 1566—1567 гг., из Костромы шло выселение местных дворян, часть из которых получили черные земли в Кашине⁴. Скорее всего, именно тогда костромичи и были испомещены в Смоленском уезде. У С.Ф. Платонова есть известие, что в 1571 г. из двух новгородских пятин, взятых в опричину, произошел массовый вывод дворян на литовскую границу⁵.

Отсюда можно предположить, что в эти годы и шло испомещение дворян в Смоленске. Его начало было связано со стремлением литовцев в 1567 г. захватить Полоцк. Составление самой десятни должно было происходить после 1571 г. Если взять во внимание тот факт, что в 1572 г. смоляне выставили против татар 350 помещиков (67,4 % от всей десятни)

¹ Сухотин Л.В. Указ. соч. С. 253—254.

² Мальцев В.П. Указ. соч. С. 52—54.

³ Зимин А.А. Земельная политика в годы опричнины // ВИ. 1962, № 12. С. 71.

⁴ Сухотин Л.В. Земельные пожалования... С. 12.

⁵ Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 156.

и 400 стрельцов, то, возможно, в этот год десятня и была составлена¹.

Свидетельство Л.В. Сухотина, что из 75 дворянских родов, известных по десятне, 57 были впервые записаны в служилое сословие², подтверждает вывод о составлении десятни в годы опричнины. Тогда имелась практика вербовать в дворянство представителей низших сословий, когда «ратных людей набирали из всяких чинов, и многие из них... освобождались от холопства и крестьянства и получали в награду за свою службу небольшие поместья и вотчины»³.

Еще одной особенностью дворянской корпорации Смоленского уезда было полное отсутствие здесь представителей аристократических родов. В Вяземском уезде они составляли в конце XVI в. более 10 %. Отсюда можно сделать вывод — в Смоленский уезд переводились не богатые дворяне, а служилая мелкота, на которую правительство Ивана Грозного сделало основную ставку в усилении своего влияния в западных уездах.

Это говорит о том, что смоленское дворянство формировалось в экстремальных условиях, и его состав создавался не только из дворян, но и из лиц, которых правительство имело под рукой на тот момент.

Кроме 310 введенцев в десятню вошли 209 человек набранных из жителей Смоленского уезда. Все дворяне в десятне разбиты на 7 статей: первые две составляли выбор, следующие две — дворовые и последние три — городовые. Поместные оклады смолян распределялись следующим образом: выборные — 70 человек, имели 550 четей, дворовые по

¹ Сухотин Л.В. О списке смоленской десятни... С. 253.

² Сухотин Л.В. Указ. соч. С. 257.

³ Павлов А.П. Земельные переселения в годы Опричнины. (К вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. № 5, 1990. С. 93.

двум статьям — 450 и 350 четей, (60 и 90 человек соответственно), городовые — по 300, 200 и 100 четей (всего 299 человек). Наличие выборных дворян говорит о том, что правительство стремилось создать в Смоленске опору из служилого дворянства. В конце XVI в. только дворянство центральных уездов имело выбор, а выборных дворян, по данным 1588 г., было всего 680 человек¹.

Смоленские дворяне, согласно десятне, имели довольно высокие оклады, каких не было в других окраинных уездах. Дети боярские Рыльска и Путивля по высшему окладу имели всего 350 четей. Такой же оклад был и у дворян Рославльского уезда. Более низкие оклады имели помещики и ряда центральных уездов. В Звенигороде вообще не было выбора, дворовые и городовые распределялись по 4-м статьям следующим образом: 1 статья — 200 четей, 2—150, 3—100, 4—70. Новики в Звенигороде имели по 3-м статьям 70, 60, и 50 четей². «Здесь нет стройности в окладах, — пишет Д.П. Маковский, — чего нельзя сказать о смоленской десятне, где оклады были строго регламентированы по чинам и статьям. Звенигородские оклады дворовых мало чем отличались от окладов городских»³. Еще меньшими окладами верстались дворяне в южных уездах. По десятне Епифаньевского уезда 1585 г. оклады местных помещиков составили всего 30—40 четей, все дворяне этого уезда были на вербованы из казаков⁴.

Даже помещики «избранной тысячи» не имели таких окладов, как смоляне. Первый разряд этой тысячи — бояре и окольничьи — был равен 200-м четям. Остальным детям боярским

¹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 119.

² ПКМГ. I.1. С. 728—730.

³ Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений... С. 189.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 221. Л. 1—13.

были определены следующие оклады: 1 статья — 200 четей, 2—150, 3—150 четей¹.

Причины столь высоких окладов смоленских помещиков заключались, во-первых, в обострении отношений с Речью Посполитой, когда потребовалось укрепить западные границы государства, во-вторых, в стремлении правительства создать в Смоленске опору из представителей центральных уездов и пресечь сепаратистские тенденции смоленских земцев. Немаловажную роль здесь сыграл и тот факт, что на Смоленщине, в отличие от южных и северских уездов, где поместная система складывалась одновременно со смоленскими уездами, имелось достаточное количество крестьянских дворов, тогда как на юге их не было вообще. И если на юге испомещались в основном казаки и служилые люди по прибору, то на Смоленщине шло испомещение дворян из центральных и северо-западных уездов, пусть и мелкопоместных, но составляющих опору самодержавной власти. Именно за дворянами этих уездов в смоленской десятне и было обеспечено господствующее политическое и экономическое положение.

Таблица 1. Смоленские дворяне-введенцы по десятне 1574 г.

Статья	1	2	3	4	5	6	7	Всего
Оклад в четях	550	550	450	350	300	200	150	
Северо-Запад	14	0	19	11	9	1	4	68
Центр	4	8	16	23	20	7	6	84
Заокские	12	3	10	36	21	10	4	96
Литовская Украина	8	9	7	5	6	0	0	35
Из-за рубежа	0	0	0	0	0	4	5	9
Всего	38(40) *	30	52 (60)	83 (90)	56 (100)	22 (99)	14 (100)	310
%	95	100	86,6	92,2	56	22,2	14	59,7

* В скобках показано общее число дворян в статье

¹ ТКДТ. С. 51—52.

Из 310 дворян, переведенных в Смоленск из других уездов, на центральные уезды приходилось 84 человека, на северо-западные — 68, на окраинные (заокские и западные) — 131 человек. По статьям процент введенцев был еще более значителен: 1 статья — 95 %, 2 — 100, 3 — 86,6, 4 — 92,2, 5 — 56, 6 — 22,2, 7 — 14 %. При этом, чем выше статья, тем больше в ней находилось введенцев. Дворяне из центральных и северо-западных уездов составляли большинство в 1—3 статьях: в первой и второй по — 18 человек, в третьей — 35. Именно они занимали господствующее положение и наделялись самыми большими окладами. В выборе их 36 человек, среди дворовых — 69. Как видим, чем выше разряд, тем больше там представителей центральных и северо-западных уездов. Это говорит о стремлении правительства Ивана Грозного усилить свое влияние в Смоленском крае посредством раздачи здесь земель помещикам из тех уездов, дворянство которых являлось опорой самодержавной власти.

В Смоленской десятне довольно много дворян из заокских уездов, которые до недавнего времени составляли владения служилых князей: Медынский, Воротынский, Перемышльский, а также из окраинных уездов: Муромский, Каширский, Крапивенский, Тульский, Рязанский. В первых трех статьях таких дворян 25 человек, в выборе 15. Но большинство дворян из этих уездов получили оклады в 200—350 четей (67 человек из 84).

Иногородние помещики составляли большинство и в других западных уездах, в том числе в Торопецком и Вяземском. Поместная система здесь еще до конца не сложилась и находилась в стадии становления. В результате таких перемещений помещиков по уездам «происходило постепенное перемешивание феодалов-землевладельцев, уничтожалась их территориальная замкнутость и создавался общерусский класс феодалов»¹.

¹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 131.

Из Смоленского уезда набирались в основном представители низших сословий. 112 человек составляли земцы. По поводу их социального положения в исторической литературе имеются разногласия. В.П. Мальцев относит их к представителям смоленских дворян, владевших землей до составления десятины. В доказательство чего он приводит данные «Литовской метрики», где указаны фамилии смоленских помещиков конца XV в.: Векшиных, Каверзиных, Пешковых, Перфульевых, Колычовых, Шестаковых, Золотиловых. Эти же фамилии имеются и в десятне 1574 г. Б.Д. Греков считает земцев мелкими собственниками земельных владений, которые обрабатывали землю собственным трудом. Д.П. Маковский отождествляет земцев с новгородскими своеземцами, владевшими в конце XVI в. 12,6 чети земли, что составляло средний крестьянский надел¹.

Скудость источников не позволяет точно ответить на этот вопрос. Возможно, среди земцев могли быть и представители бывшего смоленского боярства, и свободные крестьяне.

Другие 88 человек были набраны из служилых людей по прибору и из лиц духовного звания; 41 являлись сыновьями мелких административных лиц (дьяков, подьячих, приставов, рассыльщиков, нарядчиков, померщиков), 12 были выходцами из низших военных слоев (пушкари, затинщики, воротники, казаки), 21 из духовенства (сыновья попов и монастырских служек), 14 человек являлись архиепископскими детьми боярскими.

Довольно большое количество в десятне представителей низших сословий (40,2%), и это только представители Смоленского уезда, что говорит о чрезвычайном характере ее составления. Угроза Смоленску на рубеже 1560—1570 гг., видимо, и

---

¹ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 53; *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Т. 2. М., 1946. С. 503—504; *Маковский Д.П.* Указ. соч. С. 187.

побудила правительство Ивана Грозного не только создать в Смоленском уезде крупную дворянскую корпорацию, но и наделить представителей центральных и северо-западных уездов значительными поместными окладами в ущерб своеземцам.

Все представители Смоленского уезда, согласно десятне, находятся внизу помещичьей иерархии. В выборе их всего 2 человека, среди дворовых — 14, а среди городских они занимают абсолютное большинство — 181 из 299 (60,5 %), при этом оклад в 300 четей имели всего 35 человек, т.е. большинство из них получили оклады 150—200 четей. Такое распределение смолян по статьям и разрядам говорит о стремлении правительства ограничить их политические и экономические права в пользу представителей центральных уездов.

Денежные оклады смоленских дворян по десятне 1574 г. не очень высокие. Выборные по двум статьям получали 8,50 и 7,50 рубля. Денежный оклад по низшей статье был равен 15 алтын 4 деньги (47 копеек). Исходя из того факта, что по Боярской книге 1556 г. дворяне, получавшие 6—8 рублей составляли три низшие статьи, и таких дворян было всего 17 человек¹, можно предположить, что смоленские дворяне десятни 1574 г. не вошли в элитную часть государева двора (четверчиков), которые получали жалование из московских приказов — Четвертей. Скорее всего, это было связано с худородностью почти всех смоленских дворян, так как в четверчики обычно записывали тех, кто получал доступ к занятию административных должностей на всей территории государства.

Анализ смоленской десятни 1574 г. позволяет сделать следующие выводы: 1) Десятня создавалась в чрезвычайных условиях, о чем говорит большое количество среди смоленских помещиков представителей низших сословий. Формирование

---

¹ Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящийся до России, издаваемый Н. Калачевым. Кн. 3. СПб.—М., 1861. С. 25—88.

десятни было обусловлено требованием укрепить Смоленск в условиях обострения отношений с Речью Посполитой. 2) Подбор смоленских дворян и их распределение по разрядам и статьям свидетельствует о стремлении правительства создать в Смоленске опору из дворянства центральных и северо-западных уездов. 3) Худородность смоленских дворян не позволила им в конце XVI в. войти в элитный слой четверчиков.

Эволюцию смоленского дворянства на рубеже XVI—XVII вв. можно проследить, сравнив десятню 1574 г. с десятней 1606 г. Десятня имеет следующий заголовок: «Смоленск. Выбор. Выше статей. Государево цареву и Великому князя Василия Ивановича жалование емлют из четверти. По государевой грамоте за прописью дьяка Истома Карташова велено учинить оклад в 114 году за литовскую службу»¹. Она состоит из двух частей. В первой перечислены 1093 смоленских помещика, верстанных окладами, во второй записаны 124 дворянина «оставленных, которые служат осадную службу в Смоленску».

В десятню вошли не все дворяне Смоленского уезда. В документах времен гражданской войны названы 153 смоленских помещика, не записанных в десятню².

Всего, согласно десятни, в 1606 г. было верстано 826 человек; кроме дворян, расписанных по чинам, — 626 человек, оклады получили 143 новика, 38 архиепископских детей боярских и 12 сотников. В десятню также были записаны 258 дворян, верстанных в 1605 г. Все помещики в десятне разбиты на три разряда и 12 статей.

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. Приложение № 2, 3. С. 364—421.

² Памятники обороны. № 41, 49, 240, 257—259. С. 25, 30 226—233; АЗР. Т. 4. № 183. С. 320—427.; Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе (1610—1611). М., 1911; Подлинное дело о строении Смоленск // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. II. Смоленск, 1911. С. 23—28.

Таблица № 2. Смоленские дворяне по десятне 1606 г.

Оклад в четах	Выбор	Дворовые	Городовые	Новики	Архип. дети боярск.	Служившие с отцов. помест.	Сотники	Всего	%
700	1	0	0	0	0	0	0	1	0,12
600	3	0	0	0	0	0	0	3	0,36
550	2	0	0	0	0	0	0	2	0,24
500	29	97	5	0	0	0	2	133	16,1
450	0	81	45	0	10	0	6	142	17,2
400	0	39	56	0	0	2	3	100(54) *	12,1
350	0	10	68	0	14	2	1	95 (51)	11,3
300	0	1	63	66	8	0	0	138 (56)	16,7
250	0	0	48	36	4	0	0	88 (26)	10,6
200	0	0	46	20	0	0	0	66 (28)	7,9
150	0	0	24	15	2	0	0	41 (27)	4,7
100	0	0	11	6	0	0	0	17 (16)	2,0
Итого	35	228	366	143	38	4	12	826 (258)	100

* В скобках показано число дворян, верстанных в 1605 г.

Большинство помещиков получили оклады в размере 300—500 четей (74,3 %). На высшие оклады, от 500 четей и выше, приходится 16,8 %, на низшие, менее 300 четей, — 25,7 %, средние дворяне (300—450 четей) составляли 57,5 %. На 2,5 % увеличилось, по десятне 1606 года, число помещиков с окладами более 400 четей. Рост числа среднего дворянства заметен и при верстании 1605 года. Из 258 дворян оклады в 300—400 четей получили 161 человек (62,4 %).

Если говорить о разрядах, то необходимо отметить, что в десятне нет строгой привязки статей к разрядам. В выбор вошли дворяне с окладами от 500 до 700 четей, дворовые получили от 350 до 500 четей, городовые — от 100 до 500 четей. Как видим, высшая статья дворовых равна низшей статье дворян по выбору, а высшая статья городских равна низшей статье дворовых. При этом выборных с окладом 500 четей —

29 человек, а дворовых — 97. Интересно отметить и тот факт, что дворовых с высшими окладами 450—500 четьей — 178 из 229 человек. Основная масса городских имела оклады 300—450 четьей — 60,9 %. Об уменьшении значения разрядов говорит и тот факт, что по сравнению с 1574 г. число выборных и дворовых сократилось, при этом их оклады более равномерны как между ними, так и городскими.

В начале XVII в. правительство стремится увеличить поместные оклады дворовых и городских и тем самым снизить напряженность между представителями высшего и низшего разряда. По смоленской десятни поместный оклад значительно вырос по сравнению с 70-ми гг. XVI в., у выборных и дворовых — в 1,2 раза, у городских — в 1,6 раза.

Особенностью смоленской десятни является довольно малый процент мелкопоместных дворян. Помещиков с окладами 100—150 четьей было всего 58 человек.

Если сравнить две смоленские десятни, то увидим, что в 1570-е гг. средние дворяне составляли 48,1 %, а в 1606 г. их число увеличилось до 57,5 %. То же самое можно сказать и о высших окладах, их число возросло на 3 %. Особенно заметно сокращение числа низших окладов. Если в 1574 г. дворян, чьи оклады не превышали 150 четьей — было 19,2 %, то в 1606 г. их число сократилось до 7 %. Таким образом, эволюция смоленского дворянства на рубеже XVI—XVII вв. происходит в сторону усиления среди них среднего и верхнего слоя с окладами от 300 до 500 четьей и выше.

Увеличение числа среднепоместных дворян характерно и для других уездов с развитой поместной системой. В 1601 г. при верстании новиков в Новгороде, Пскове, Великих Луках было решено не наделять землей «худых людей, и мужичих детей, и холопей боярских, и слуг монастырских»¹.

¹ АМГ. Т. 1. М., 1890. № 40; АИ. Т. 2. № 65. С. 80—81.

Таблица 3. Эволюция дворянства Смоленского уезда по десятиям 1574, 1606 гг.

Статья в четах	1574	% к общему кол-ву	1606	% к общему кол-ву
600—700	0	0	4	0,5
550—500	70	13,5	135	16,3
450—400	60	11,5	242	29,3
350—300	190	36,6	233	28,2
250—200	99	19,0	154	18,6
100—150	100	19,2	58	7,0
Итого	519	100	826	100

В 1606 г. произошло верстание дворян в Холме и Торопце. Дворяне этих уездов были разбиты на 11 статей, а их оклады лежали в пределах 100—600 четей, новики получили от 100 до 300 четей. Структура этих десятиен сходна со смоленской. Число средних дворян в них превышало 50 %¹.

Кризис дворянского землевладения в конце XVI в. привел к тому, что правительство стремится усилить именно средние слои дворянства, особенно в центральных уездах.

В окраинных уездах продолжалось верстание в дворяне лиц из низов общества. В Муроме в 1605 г. в дети боярские были зачислены холопы, то же самое имело место в Ельце и в Рязске. В этих уездах поместные оклады были гораздо меньше смоленских. По Муромской десятне 1605 г. оклады не превышали 500 четей, но такой оклад имел лишь один дворянин. В Муроме не было выбора, а из 22 дворовых 16 человек имели оклады 300—400 четей. У городских оклады составляли 100—400 четей, причем почти у половины из них (43 человека из 96) оклады располагались в пределах 200—300 четей, а у некоторых из них были ниже 100 четей².

¹ АМГ. Т. 1. М., № 43.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 6. Л. 2 об, 6, 8, 15, 86; Д. 86. Л. 3—46, 57 об; Д. 98. Л. 1, 95.

То же самое мы видим и в Арзамасской десятне 1597 г. Здесь не было ни выбора, ни дворовых. Из 62-х верстанных дворян оклады в 500—600 четей получили всего 5 человек. Основная масса дворян по этой десятне имела оклады 200—300 четей¹.

Похожая картина была и в Ельце. По десятне 1604 г. выборные помещики (35 человек) имели оклад 200 четей, дворовые (366 человек) — 150 четей, городовые (285 человек) — 100 четей².

Если говорить о фактическом количестве земли у смоленских помещиков, то у нас нет точных данных по всему уезду. В «Памятниках обороны...» и в Жалованных грамотах Сигизмунда III 1610 г. имеются данные лишь в отношении 57 помещиков. Из них 37 человек имели более 100 четей земли, а пятеро — от 300 четей и выше. Александр Груздавцеву принадлежало 450 четей земли³ (приложение № 6).

О количестве живущей пашни у местных дворян свидетельствуют списки даточных, выставленных ими в смоленскую армию обороны летом 1609 г.⁴ Один даточный выставился со 133 четей пашни. Всего помещики должны были собрать 507 даточных с 18 станов и волостей, а общее количество живущей земли у них составляло 68 683 чети⁵. И это только те помещики, которые остались в уезде летом 1609 г., примерно 300 человек, а всего дворян в Смоленске, согласно десятни 1606 г. было более тысячи, и значит, живущая пашня в Смоленском уезде составляла как минимум в три раза больше. В Вяземском уезде по 36 станам за помещиками числилась

¹ *Станиславский Л.В.* Десятня по Арзамасу 1597 года // Советские архивы. № 3, 1976. С. 100—102.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 86. Л. 1—98.

³ Памятники обороны. № 268—276. С. 247—252; АЗР. № 183. С. 320—427.

⁴ Памятники обороны. № 41, 49, 257—259. С. 25, 30, 226—233.

⁵ АИ. Т. 2. № 254. С. 301—302.

114 851 четь. В то же время необходимо отметить, что в источнике указана далеко не вся земля, которой владели местные дворяне. Помещики в документе записаны по станам, а поместья, как правило, располагались в нескольких станах и волостях. По трем станам и одной волости данных нет вообще, по другим станам списки далеко не полные.

Всего из «Памятников обороны...» известно 249 дворян, выставивших даточных в смоленскую армию (приложение № 1). Таблица 4 показывает примерное количество пашни у смоленских помещиков.

Таблица № 4. Количество земли у смоленских дворян, выставивших даточных крестьян в 1609 г.

Кол-во даточных	9	3	2,5	2	1,5	1	Менее 1
Кол-во земли в четях	1170	390	310	260	180	130	Менее 100
Кол-во дворян	1	3	2	22	3	125	92

Здесь необходимо сказать, что количество земли известно лишь у тех, кто выставил 1, 2 или 3 даточных. Но 92 человека выставляли крестьян совместно, чтобы вложиться в указанную единицу 133 чети. Здесь установить точное количество пашни довольно трудно. Можно сказать лишь то, что все дворяне, выставившие менее одного крестьянина, имели, как правило, меньше 100 четей живущей пашни. В то же время в 157 поместьях из 249 (63,0 %) живущая пашня превышала 100 четей.

В целом смоленских дворян можно отнести к среднему слою землевладельцев, что характерно для многих центральных уездов России того времени¹. В то же время колебание земли по отдельным хозяйствам в Смоленском уезде было значитель-

¹ Акты служилых землевладельцев Т. 1—4. М., 1996, 1998, 2003, 2008.

ным. 88 помещиков из тех, кто выставил даточных, имели менее 100 четей пашни, а у 15 из них она не превышала 30 четей¹.

Из 57 помещиков, у которых известно точное количество земли, 28 мы находим в десятне 1606 г. При сопоставлении поместного оклада и надельной земли бросается в глаза небольшой процент фактической земли к окладу. Только у 6 человек он превышал 50 %.

Посмотрим, какое положение с надельной землей было в южных уездах. В Путивле и Рьльске в 1577 г. 69 помещиков (из 168), т.е. 41 %, были «испомещены по окладам не сполна, иные вполы, иные в третий и четвертый жребий, а иным дано на усадище непомногу, а неиспомещено 99 человек». В Рязанском уезде 119 помещиков имели всего по 10—20 четей земли. В 1595—1599 гг. половина дворян этого уезда владела 40 и менее четей земли, в Тульском уезде у 44,4 % дворян поместья не превышали 50 четей, а помещиков, имевших свыше 300 четей, было всего 5,1 %. По данным 1587/89 гг., в Тульском уезде пашня составляла лишь 36 % от всего поместного фонда. В Орловском уезде в 1594—1595 гг. 71,4 % помещиков владело до 50 четей земли, от 50 до 100—24,7 %, свыше 100 — менее 4 %². Похожая картина была и в центральных уездах. По данным Е.М. Колычевой, во Владимирском, Переяславльском, Суздальском, Муромском уездах перелог в помещичьих хозяйствах составлял 60 % посевных площадей. В Вологодском уезде живущая пашня от всей земли составляла всего 12,6 %³. Отсюда можно сделать вывод, что смоленские помещики в конце XVI в. не страдали от земельного голода в такой степени, как их собратья на юге и в ряде центральных уездов.

¹ Памятники обороны. № 41, 49, 257—259. С. 25, 30, 226—233.

² АМГ. Т.1. С. 34; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 396. Л. 70 об—346 об; ПКМГ. Ч. II. С. 853—1073, 1097—1260; Колычева Е.М. Аграрный строй России в XVI в. М., 1987 С. 191.

³ Колычева Е.М. Указ. соч. С. 198.

О количестве крепостных крестьян у смоленских помещиков имеются лишь отрывочные сведения. По подсчетам В.П. Мальцева, в уезде насчитывалось 32 500 крестьянских дворов¹. Это очень завышенные сведения. Если взять во внимание данные по Вяземскому уезду, где у помещиков по 36 станам было 6853 крестьянских и бобыльских двора, не считая холопских, то данные В.П. Мальцева, надо полагать, завышены, как минимум, в 4—5 раз.

Согласно «Памятникам обороны Смоленска», известно количество крестьян у 15 помещиков, которые пришли с ними в осаду². У этих дворян было от 20 до 50 крестьян мужского пола, и все они имели оклад от 500 четей и выше.

Эти данные не дают возможности говорить в целом о количестве крестьян у смоленских помещиков. В то же время необходимо сказать, что в крупных поместьях было достаточное количество крестьян. В южных уездах таких помещиков было несколько человек на весь уезд.

В 1570-е гг. смоленские дворяне не вошли в элитный состав четверчиков. В начале XVII в. представители Смоленского уезда уже фигурируют среди тех, кто получал жалованье из Москвы. По данным Галичской четверти за 1603/4 гг., в четверчики были записаны Андрей Иванович Дедевшин, оклад 25 рублей, Андрей Михайлович Полтев, оклад 15 рублей, Иван Борисович Макшеев, оклад 12 рублей, и Павел Васильевич Уваров, оклад 6 рублей³. Это свидетельствует о возросшей роли смоленских дворян в Государевом дворе в начале XVII в. В этот же период в Смоленском уезде появляются первые представители московской аристократии. Земли здесь получили боярин князь И.С. Куракин и окольничий В.С. Головин. Пожалование их поместьями, скорее всего, произошло

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 241.

² Памятники обороны. № 254. С. 223.

³ ЧОИДР. Кн. 2. М., 1912. С. 12, 20, 24, 32.

при Василии Шуйском. И.С. Куракин в 1605—1606 гг. являлся смоленским воеводой.

Анализ дошедших до нас источников по поместному землевладению Смоленского уезда позволяет сделать вывод, что смоленские помещики накануне Смуты находились по своему экономическому положению в более выигрышных условиях по сравнению с дворянством южных и заокских уездов. Этот факт явился одной из причин того, что в период восстания Болтникова смоленское дворянство не выступило на стороне дворян южных уездов, а осталось верным центральной власти.

Другим районом поместного землевладения в Смоленском крае был Вяземский уезд. Заселение Вязьмы из центральных уездов началось при Василии III. В 1519 г. земли здесь получили Годуновы, Сабуровы, Вельяминовы. К 50-м гг. XVI в. вяземская дворянская корпорация уже состояла из нескольких сот помещиков, из которых 184 человека были представителями центральных уездов. Из них в составе двора, по данным Дворовой тетради, числилось 247 дворян. Здесь вязьмичи занимали второе место после новгородцев, которых было 324 человека. 56 вязьмских помещиков попали в Тысячную книгу, т.е. вошли в элиту Государева двора¹.

В середине XVI в. в Вяземский уезд в основном переводились помещики из Рузского, Дмитровского, Звенигородского и Можайского уездов. В Вязьме поместья получили Г.Г. Плещеев, Д.Г. Плещеев, А.Г. Плещеев, Яков и Андрей Федоровичи Волынские, которые продолжали владеть поместьями и в Рузском уезде². Из других подмосковных уездов в Вязьме оказались А.Д. Басманов, Д.А. Бутурлин, Ф.П. Головин, князь И.А. Рюмин-Звенигородский, Д.И. Годунов, князь И.М. Глинский, князь Б.Я. Бельский, дьяк Поместного приказа П.Ф. Ми-

¹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 125; ТКДТ. С. 77—78, 187—192.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 762—769; Кн. 618. Л. 497—501. ПКМГ. Ч. I. 2. С. 721—722.

трофанов, ближайшие сподвижники Ивана Грозного¹. Вяземская корпорация в середине XVI в. была самой привилегированной из всех дворянских корпораций.

В 1565 г. Вяземский уезд вошел в опричнину. Основной причиной такого перевода можно считать стремление правительства выселить отсюда боярскую аристократию и испоместить здесь мелких и средних дворян — основную опору Государева двора². В 60—70-е гг. XVI в. земли в Вязьме утрачивают представители боярской аристократии: Гагарины, Деевы, Катыревы-Ростовские, Кашины, Репнины, Шеины, а их место занимают опричники: Барятинские, Воейковы, Полевы, Ртищевы, Сабуровы, Толстые, Татищевы, Черемисиновы, Плещеевы, Пушкины, Хитрово³. Представителей всех этих фамилий мы находим в вяземских писцовых книгах 1586—1595 гг. (приложение № 2). В эти годы число дворян в уезде уменьшилось. Если в 1563 г. уезд выставил 314 дворян для похода на Полоцк, то в 1572 г. их число сократилось до 180⁴. В последующие годы вяземское дворянство пополнилось 170 представителями из центральных уездов⁵. В то же время в конце XVI в. мы находим более 10 дворянских родов в уезде, которые имели здесь земли и в 1550-е гг.: Плещеевы, Замыцкие, Ржевские, Годуновы, Безобразовы. Тарбеевы, Загряжские, Вельяминовы, Тихоновы, Хитровы, Захарьины, Наумовы, Усковы, Илешовы, Нееловы⁶. Нахождение Вяземского уезда в опричнине положительно отразилось на развитии поместного землевладения, так

¹ ТКДТ. С. 187—192.

² Зимин А.А. Земельная политика... С. 64—65.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 120, 263 об. 288 об. 436, 1142.

⁴ Витебская старина. Т. 4. Витебск, 1885. С. 37—38.

⁵ Павлов А.П. Указ. соч. С. 91.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 49, 326 об., 374, 556, 627, 919, 939, 1154.

как «опричные уезды находились в привилегированном положении, и не они, а земские уезды подвергались погромам»¹. Деятели опричнины получили в Вязьме значительные поместья. Племянник Малюты Скуратова Богдан Яковлевич Бельский владел 22 деревнями, 16 починками, 975 четями земли и 348 дворами крестьян; Замятне Сабурову принадлежало 23 деревни, 668 четей земли и 222 двора крестьян, Булгак Данилович Бельский имел 700 четей и 158 дворов крестьян. Но больше всего в Вяземском уезде получили Годуновы. У Степана Васильевича было 968 четями земли с 232 дворами крестьян, Дмитрий Иванович имел одно село, 24 деревни, 808 четей земли и 194 двора крестьян².

Согласно писцовым книгам в 36 станах было 362 поместья. В них насчитывалось: 59 сел, 155 селец, 1352 деревни, 242 починка, 772 пустоши. Всего за помещиками числилось надельной земли 114 851 четь. Из них: пашни — 58 957 четей, паханой наездом — 4892 чети, перелогом и лесом поросло — 51 209 чети, сенокоса — 2019,9 десятины³.

Таблица № 5. Количество надельной земли у вяземских помещиков

Кол-во земли в четях	От 1 до 49	От 50 до 99	От 100 до 199	От 200 до 299	От 300 до 499	Свыше 500
Кол-во помещиков	14	42	115	77	75	40
%	3,8	11,5	31,6	21,2	20,6	11,0

Большинство вяземских помещиков имели от 100 до 500 четей земли (73,7 %). Причем большей половине из них, 186 человекам, принадлежало более 200 четей земли, а 115 дворян

¹ Павлов А. П. Государев двор... С. 198.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 969—969 об., 1068—1069 об., 1139—1139 об.

³ Там же. Л. 762—769; ПКМГ. Ч. I. 2. С. 721—722.

владели от 100 до 199 четей. Помещиков, имевших менее 50 четей, было всего 14 человек.

Что касается живущей пашни, то она по уезду составляла 51,3 % от всей надельной земли. Это говорит о достаточной степени запустения уезда в конце XVI в. Пустые земли составляли 48,7%. По отдельным станам процент живущей пашни подвергался большим колебаниям: 46,5 % в Пригородном стане, 54,3 % в Волоцком, 12,7 % в Хмелицком, 71,8 % в Кошчевском¹. Но по сравнению с Северо-Западными и Центральными уездами запустение Вяземского уезда было намного меньше. В Деревской пятине пустые земли составляли 96 %, в Московском стане — 98,2 %, в Рязанском уезде живущей пашни было всего 22 %, в Каширском она составляла 33,9 %, в Тульском — 33,5 %. Из центральных уездов только Коломенский уезд отличался достаточным количеством пашни, где пустые земли составляли лишь 9,9 %².

В то же время колебание живущей пашни по поместьям было значительным. В крупных поместьях Бельских, Сабуровых, Годуновых пустые земли не составляли большого процента. У Богдана Бельского пашня достигала 71 % от надельной земли, у Постника Бельского — 94,8 %, у Замятни Ивановича Сабурова — 73 %, у Василия Ивановича Шуйского 98,5 %³. Но ряд помещиков, владевших более 300 четей земли, имел незначительное количество живущей пашни. Г.В. Богданов, чье поместье составляло 297 четей, имел всего 7 четей пашни, у А.Д. Корнеева ее не было вовсе, а всей земли у него имелось 395 четей;

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 851—852, 873 об. 874, 1157—1207.

² Аграрная история Северо-Западной России. Т. 1. Л., 1974. С. 222; ПКМГ. Ч. II. С. 1201—1202, 1259—1260; *Колычева Е.М.* Указ. соч. С. 185, 201.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 969—969 об., 1068—1069 об., 1139—1139 об., 1142—1143; ПКМГ. Ч. I. 2. С. 670.

в поместье Т.С. Якушкина, насчитывающего 592 чети, пашня составляла 14 четей. В мелких хозяйствах, насчитывающих до 150 четей земли (89 поместий), дело обстояло гораздо хуже. В 18 из них вообще не было живой пашни, в 14 она составляла от 1 до 10 четей. Всего по уезду 59 помещиков не имели живой пашни, что составляло 15,4 %. Причем у 8 из них наделная земля не превышала 50 четей, у 11—100 четей. В 14 поместьях, где наделной земли было свыше 100 четей, пашня составляла менее 10 четей. В целом живущая пашня среди вяземских дворян распределялась следующим образом: 1—10 четей — 26 помещиков; 11—49 четей — 84; 50—99 четей — 76; 100—199 четей — 55; более 200 четей — 47 человек. При этом необходимо отметить, что колебание живой пашни в отношении всей земли было значительным. Так, из 26 помещиков, у которых живущая пашня не превышала 10 четей, только у 8 наделной земли было менее 100 четей, у 9 из них она превышала 200 четей. Если рассмотреть живущую пашню тех, у кого ее было более 300 четей, то увидим, что только у 6 помещиков она на 50 четей была меньше наделной земли. У большинства этот разрыв превышал 100 четей, а у некоторых он доходил до 400 (приложение № 2).

Все это свидетельствует о достаточном запустении помещного фонда в уезде, только 28,4 % вяземских дворян имели более 100 четей живой пашни. И в то же время наличие поместий с пашней, превышающей 100 четей, говорит, что в Вязме запустение не носило столь разорительного характера как в южных уездах.

В конце XVI в. вяземские помещики стали заводить свою запашку. По данным Д.П. Маковского, из 18 202 четей живой пашни (по 17 станам), 3174 были помещичьи (17,4%). Из 177 помещиков собственную запашку имели 77 человек (43,5%). У дворян с окладом в 150 четей барская пашня была у всех, у кого имелась живущая земля (20 из 31). Из 28 помещиков с

окладом свыше 500 четей своя запашка имела у 17 человек. Среди средних помещиков она значится в 40 поместьях. Максимальную запашку имел Григорий Лазарев — 195 четей (67,7% от всей пашни), минимальную — Алексей Гельдеев — 5 четей (1,3%). Характерно, что среди мелких дворян свою пашню, как правило, заводили те, кто не имел зависимых крестьян¹.

Для сравнения приведем данные по Новгородскому уезду. В Деревской пятине в 1582 г. барская пашня составляла 877 четей из 1570 четей живущей пашни (55,8%). Всей надельной земли у помещиков этой пятины было 39 490 четей. Барскую запашку имели 134 помещика из 237 (57,8%)². Рост барской запашки характерен для уездов затронутых общим разорением 1570—1580 гг. Небольшой процент барской запашки в Вязме свидетельствует о том, что помещичье землевладение в уезде находилось в лучшем положении, и местное дворянство в меньшей степени страдало от земельного голода. В Деревской пятине пустые земли составили 96 %. По всему Новгородскому уезду процент «порозжих» земель превышал 43 % от всего поместного фонда, а число помещиков по сравнению с 1540-ми гг. сократилось на 220 фамилий (63 %) ³. Данные Новгородских писцовых книг конца XVI в. свидетельствуют о бедственном положении многих местных помещиков. Р.И. Бiryков «обнищал, кормится меж двор», Образцовы «сошли в государеву Полотницкую волость, кормятся меж двор», Сукин «сволокся в Москву бити челом государю о пустоте», Трофим «ходит меж двор, просит про Христа, людей и крестьян нет в поместье». Ряд новгородских дворян сбежали в Переяславль, Кашин, Углич, Кострому, Бежецкий Верх⁴.

¹ *Маковский Д.П.*: Развитие товарно-денежных отношений... С. 194—195.

² *Аграрная история...* С. 222.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 972. Л. 159, 567, 572 об., 573. 574, 574 об.

Вяземский уезд выделяется достаточно большим числом крестьянских хозяйств. В 36 станах насчитывалось 6853 живущих двора (крестьянских и бобыльских), холопских 547, пустых 1699 (24,7 %), с холопскими 22,9 %¹. В семи крупных владениях Бельских, Сабуровых, Годуновых, Шуйских имелось 1023 живущих крестьянских и бобыльских двора, пустых 47 (4,5%). Больше всего дворов имел Богдан Бельский — 358, в остальных крупных владениях их число колебалось в пределах 150—250².

Таблица № 6. Количество крестьянских дворов в поместьях вяземских дворян

Кол-во дворов	0	От 1 до 10	От 10 до 50	От 50 до 100	Свыше 100
Кол-во помещиков	68	71	157	56	18
%	18,8	19,6	43,4	12,7	5,2

Процент бескрестьянских хозяйств в 36 станах Вяземского уезда не был высоким, основная масса помещиков владела от 10 до 100 крестьянских дворов. Поместий, имевших более 100 дворов, в уезде было довольно мало. Во владениях, вообще не имевших зависимых крестьян, которых было 68, наделенная земля в основном не превышала 200 четей. В то же время в 43 поместьях из 68 не было живущей пашни.

Характерной особенностью конца XVI в. был рост бобыльских хозяйств. Но в Вяземском уезде он не составлял большого процента. Бобыльских дворов здесь было 1398 (20,3%)³.

Процент бескрестьянских хозяйств по 36 станам Вяземского уезда довольно мал по сравнению с другими уездами. В Бежецкой пятине пустые дворы составляли 61,3 %. В Ка-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 618 Л. 762—769; Кн. 619. Л. 497—501; ПКМГ. Ч. I. 2. С. 721—722.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 49, 326 об., 374, 556, 627, 919, 939, 1154.

³ Там же. Л. 762—769; ПКМГ. Ч. I. 2. С. 721—722.

ширском уезде из 497 поместий в 161 не было крестьянских дворов (32 %). В Тульском уезде таких поместий насчитывалось 204 из 521 (39 %). Всего в этих уездах имелось: в Каширском — 2589 крестьянских дворов, в Тульском — 2177. В Дедиловском уезде в 128 поместьях было всего 407 живущих дворов¹.

В Бежецкой пятине в 49 поместьях, имевших до 50 четей земли, был всего 51 крестьянский двор, даже в 4 крупных поместьях этой пятины, владевших до 1000 четей земли, насчитывалось 149 крестьянских дворов — в среднем 37 на поместье. Здесь выделяются 109 хозяйств, владевших от 200 до 500 четей земли, в которых имелось 1482 крестьянских двора. Всего 507 помещиков Бежецкой пятины располагали 2893 дворами крестьян и бобылей, что намного меньше, чем помещики Вязьмы. В целом в Новгородском уезде число крестьянских дворов в XVI в. сократилось с 25 до 6 на одно поместье².

В южных уездах положение было еще хуже. В Орловском уезде 60 % дворянских жребиев не имели крестьян. Помещиков, владевших 1 двором, здесь было 18,1%, 2-мя — 10,2%, 3-мя — 5,2%, 5-ю — 2,2%, 9-ю — 1,4%, 7-ю — 0,7%, 8-ю — 0,5 %, свыше 8-ми — 0,9 %. В 666 поместьях этого уезда насчитывалось всего 1337 дворов крестьян и 91 двор бобылей. В Дедиловском уезде более 10 дворов крестьян было только в 3 поместьях, от 5 до 10 — в 7, от 1 до 5 — в 10. Здесь выделяются два поместья: князя А.И. Голицына, который имел 168 живущих дворов, и Ф.А. Писемского, владевшего 33 дворами крестьян³. В Путивльском уезде на одного помещика приходилось 1,6 крестьянских дворов, в Белгородском 1,8, «т.е. у

¹Аграрная история... С. 223; ПКМГ. Ч. II. С. 1135—1152, 1201—1202, 1225—1226.

²Аграрная история... С. 223.

³ПКМГ. Ч. II. С. 853—1012, 1259—1260.

большинства помещиков, — пишет В.И. Корецкий, — не было ни крестьян, ни бобылей»¹.

Таким образом, дворяне Вяземского уезда были обеспечены крестьянами гораздо лучше помещиков соседних уездов, и многие из них не испытывали нехватки рабочих рук в поместьях.

Анализ вяземских писцовых книг 1587—1595 гг. позволяет утверждать: поместное землевладение в Вяземском уезде занимало господствующее положение, и основная часть вяземских дворян состояла из помещиков, владевших от 100 до 500 четей земли (267 человек, 73,7 %). Кризис поместного землевладения, охвативший ряд уездов России, затронул и Вяземский уезд, о чем говорит наличие пустых земель (48,3%), и недостаточный процент живущей пашни по отдельным поместьям. Но запустение Вяземского уезда не было таким значительным, как в южных и северо-западных уездах. Об этом свидетельствует небольшой процент барской запашки, которая была распространена в мелких поместьях, имевших менее 150 четей земли. Немного здесь было и бескрестьянских хозяйств по сравнению с другими уездами.

Отсутствие служилой мелкоты и довольно хорошая обеспеченность значительной части дворян рабочими руками делало Вяземский уезд стабильным регионом в условиях надвигающейся гражданской войны.

Районом мелкого поместного землевладения был Рославльский уезд. Заселение Рославльского уезда помещиками из центра страны, как и других западных уездов, началось в середине XVI в., возможно, несколько позже. Какие-либо данные о поместном землевладении до 1570-х гг. неизвестны. Согласно архиву Масловых о поместном землевладе-

---

¹ *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 86—87.

нии в уезде можно говорить с 1569 г. Тогда в город пришла грамота из Поместного приказа о размежевании поместий П.М. Роговцева и П.С. Боранцова. По данным 1573 г., 5 помещиков — Нечай Зубов, братья Михаил и Иван Кубышкины, Осип Колдюков и Петр Грамышов владели 4-мя с половиной деревнями: Голшино, Кубышкино, Рагозино, Тюменец и половина деревни Боровые. В них имелось 14 крестьянских и 7 холопских дворов. Всеи земли у этих помещиков насчитывалось 225 четей. В 1578 г. Константину Маслову принадлежало 2 деревни — Астапковичи и Ермолино в 93 чети земли, и в этом же году он получил вводную грамоту на деревню Рагозино (30 четей)¹.

Согласно двум книгам «Сбора ямских денег с Рославля и посада» за 1584 и 1586 гг., составленным городовым приказчиком Даниилом Дуровым, известна живущая пашня у 114 рославльских помещиков из 120 (приложение 4).

Таблица № 7. Живущая пашня рославльских дворян

Живущая пашня в четях	Количество дворян	% от общего кол-ва
0	7	6,2
От 1 до 10	12	10,5
От 10 до 49	81	71,0
От 50 до 99	12	10,5
Более 100	2	1,8

Согласно данным таблицы № 8, у более 17 % рославльских дворян жувущая пашня не превышала средний крестьянский надел (в XVI в. он составлял 1 выть, примерно 10—16 четей), основная масса помещиков имела от 10 до 49 четей живущей пашни. 44 помещика (39,3%) были вынуждены пользоваться посадской землей. Дворян, владевших более 100 четей пашни, в уезде фактически не было².

¹ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 4—6, С. 13—15.

² Там же. № 2, 41. С. 1—7, 43.

Поместные оклады рославльских дворян не превышали 350 четей и, скорее всего, лежали в пределах 100—300 четей. Оклад в 350 четей имел Константин Маслов, который служил по выбору. У Григория Боборыкова он составлял 250 четей, у Ерофея Камчатова — 100 четей. По данным 1587, 1598 гг., К. Маслов имел 154 чети земли (44 % от оклада), Г. Боборыков — 97 четей (38,8 %), Е. Камчатов — 35 четей, А. Дуров — 61 четь, М. Боборыков — 176 четей. У ряда помещиков часть их владений составляли пустые земли. У Михаила Боборыкова из 176 четей 66 «лесом поросли», у Е. Камчатова таких земель было 15 четей из 35, в поместье М. Камчатова из 70 четей 65 лежало в перелог¹.

В «Архиве» имеется еще несколько свидетельств о количестве наделной земли в 1590-е гг. В поместье Василия и Никиты Моковниных было всего 47 четей, у Лукьяна Субботина 94 чети, из них 64 было в перелог, Ф. Дуров владел 138 четьми земли, при окладе 300. В эти годы поправилось положение К. Маслова, к 1599 г. его владения выросли до 333 четей и 7 деревень. В то же время, по данным 1600 года, в поместье К. Маслова было всего 85 четей живущей пашни. В 1599 г. он был приписан к Галичской Четверти по минимальной статье, с денежным окладом 6 рублей². Но по всей вероятности, К. Маслов на тот период был единственным из рославльских помещиков, переведенный в разряд четверчиков.

Рославльские помещики, так же как и вяземские, начали заводить свою запашку. В деревне Голшино, которой владели братья Зубовы, братья Кубышковы и Афанасий Колдюков с сыном, имелось 37 четей помещичьей пашни и 53 крестьянской, в деревне Кубышковой тех же помещиков было 18 четей помещичьих и 8 крестьянских. Правда, появление барской за-

¹ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 5, 6, 27, 70. С. 14—15, 33—34, 58—60.

² Там же. № 73. С. 61.

пашки в Рославльском уезде не было повсеместным. У Петра Грамышова в деревне Рогозино была общая помещичья и крестьянская пашня. В описании земель Боборыковых, Е. Камчатова, Матюшкина также не говорится о отдельной пашне¹.

О количестве крестьянских дворов в помещичьих хозяйствах в «Архиве Масловых» имеются лишь отрывочные сведения. В 1575 г. за помещиками Нечаем и Василием Зубовыми, Михаилом и Иваном Кубышковыми, Афанасием Колдиюковым с сыном в деревне Голшино было 4 двора людских и 5 крестьянских дворов. У Петра Грамышова в деревне Рагозино был один крестьянский двор и два пустых. В деревне Кубышковой, принадлежавшей братьям Зубовым и братьям Кубышковым, имелось «два двора помещиковых, два двора людских, два двора крестьянских». По данным писцовой книги 1579 г., за Елизаром Дуровым числилось 8 дворов крестьян, у стрелецкого сотника Строкина было 6 крестьянских дворов и 1 двор пустой. По данным 1583 г., Константин Маслов имел 4 крестьянских двора, Михаил Боборыков в 1587 г. — 7 дворов крестьян и 1 людской. Лукьян Субботин в 1599 г. владел 6 дворами крестьян, Андрей Дуров — 7. По данным 1600 г., за К. Масловым числилось 19 крестьян. Часть дворян вообще не имели крестьян. В архиве названо четыре таких помещика².

Эти данные охватывают лишь 13 поместий, и только поместья Е. Дурова, Строкина, К. Маслова, М. Боборыкова и Л. Субботина даны полностью. По ним невозможно выявить количество крестьянских дворов у помещиков по всему уезду. В то же время, исходя из того факта, что во всех перечисленных хозяйствах число дворов не превышало 10, можно предположить, что большинство рославльских дворян владело от 1 до 10 дворами крестьян. О нехватке рабочих рук в поместьях

¹ Там же. № 6, 27. С. 15, 33—34.

² Там же. № 6, 9, 27, 70, 76, 87. С. 15, 17—18, 33, 46, 58—60, 63, 71—72.

свидетельствует наличие «людских» (холопских) дворов. Возможно, в начале XVII в. у некоторых из них положение поправилось, о чем свидетельствует увеличение числа крестьян у К. Маслова, но, скорее всего, это коснулось далеко не всех помещиков.

«Архив Масловых» позволяет сделать вывод, что рославльские помещики были гораздо хуже обеспечены землей и крестьянами, чем дворяне Смоленска и Вязьмы. В то же время их земельные владения были выше наделов ряда окраинных уездов, где помещики зачастую владели несколькими десятками четей земли. В Рославльском уезде у некоторых из них владения превышали 100 четей. Рославльчане были ближе к дворянству Северских уездов. Это подтверждает и тот факт, что Рославль во второй половине XVI в. в разрядах перечисляется в числе Северских городов наряду с Брянском, где поместные оклады не превышали 300 четей. И здесь нельзя однозначно сказать, что необеспеченность дворян уезда землей явилась причиной перехода рославльчан в лагерь Болотникова и Лжедмитрия II в период гражданской войны. Рославльские дворяне, как мы увидим ниже, служили в двух противоборствующих лагерях, и такой выбор диктовался не социальным положением, а конкретной политической ситуацией и географической близостью Рославля в тот или иной момент к тому или иному политическому лагерю.

О землевладении в Дорогобужском и Бельском уездах источников не сохранилось. Известно, что дорогобужские и бельские дворяне входили в избранную тысячу, по 3 статье, т.е. имели оклад 100 четей, дорогобужан 9 человек, бельчан — 12. В Государевом дворе в 1550-е гг. дворян этих уездов было 46 и 100 соответственно¹. Правда, аристократических родов здесь было намного меньше, чем в Вязьме. В Дорогобуже —

¹ ТКДТ. С. 78—79, 191—194.

князя Звенигородские, Мещерские, Салтыковы, Годуновы, в Белом — князя Хворостинские, Елецкие и Колычевы. В то же время среди дворян этих уездов мы встречаем фамилии известные по смоленским десятям и по писцовым книгам Вязьмы: Наумовы, Шушеринны, Нееловы, Бертеньевы, Ржевские, Губины, Костеровы, Тарбеевы, Хлудневы, Валуевы, Дедевшины, Татищевы, что свидетельствует об одновременности их испомещения в этих уездах. В обеих дворянских корпорациях имелись выборные дворяне, которых, по данным 1577 г., в Белом было 56 человек, в Дорогобуже — 50¹.

Известным бельским помещиком являлся Малюта-Григорий Скуратов-Бельский, он был записан в Дворовой тетради по Белому². Два его брата — Третьяк и Нежин — также попали в Дворовую тетрадь. По Бельскому уезду проходят и племянники Скуратова-Бельского Верига и Богдан. Часть бельских помещиков оказалась в опричнине, кроме Бельских это князя Хворостинины и Овцины.

Владения опричников появляются и в Дорогобужском уезде: Басмановых, Бельских, Клепниных, Годуновых. А.П. Клепнин владел селом Семлево и 963 четями земли³. Басмановы — селом Тучковым, а после опалы их владения перешли к другому опричнику — князю П.Т. Шейдякову⁴.

До нас дошла челобитная дорогобужского дворянина Афанасия Неелова Сигизмунду III о пожаловании его же поместьем и поместьем брата Даниила, погибшего под Калугой в 1606 г.⁵ В челобитной сказано, что поместный оклад Афанасия Неелова составлял 700 четей. Поместные оклады дорогобужан,

---

¹ Разрядная книга 1475—1605. Т. 2. С. 479—480.

² ТКДТ. С. 194.

³ Павлов А.П. Указ. соч. С. 183—187, 197.

⁴ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеология. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. С. 63.

⁵ РИБ. Т. 2. СПб., 1891. С. 703—704.

как видим, сопоставимы с окладами смоленских помещиков по десятне 1606 г. По данным жалованных грамот Сигизмунда III русским дворянам в 1610—1611 гг., известно количество земли у 10 дорогобужских помещиков. Только один из них, Василий Бертенев, имел 50 четей, двое — более 300, Семен Колычев — 600 четей, Иван Никитич Салтыков — 325 четей. У остальных семи владения лежали в пределах 100—270 четей¹.

Эти данные свидетельствуют, что социальное положение дорогобужских дворян было сопоставимо с положением помещиков Смоленска и Вязьмы.

Характеризуя в целом экономическое положение дворянства Смоленского уезда в конце XVI в., можно сказать, что оно было достаточно стабильным. Обеспечение смоленских дворян землей было намного лучше, чем дворян южных и ряда центральных уездов, и потому земельный голод, характерный для заокских уездов, в Смоленском уезде ощущался гораздо меньше.

Похожую картину наблюдаем и в Вяземском уезде, где большую часть дворян составляли помещики, владевшие от 100 до 500 четей земли. Дворянство этого уезда было одним из самых обеспеченных рабочими руками.

Таким образом, дворянство Смоленского и Вяземского уездов в меньшей степени страдало от кризиса поместного хозяйства конца XVI в. и не было заинтересовано в каком-либо переделе феодальной собственности, к чему стремились мелкопоместные помещики юга. Дворянство этих уездов в конце XVI в. представляло собой обеспеченную часть господствующего класса.

Данные по Дорогобужского и Бельскому уездам довольно отрывочны, но тот факт, что здесь в конце XVI в. имелись поместья представителей высшего слоя Государева двора, и по-

---

¹ АЗР. Т. 4. № 183. С. 320—427.

местные оклады местных помещиков превышали 500 четей, может свидетельствовать, что и в этих уездах поместное землевладение находилось в лучшем состоянии, чем на окраинах государства.

В худшем положении находились дворяне Рославльского уезда, которых по количеству живущей пашни можно отнести к мелким землевладельцам.

2.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

В XVI в. на территории Смоленского края было всего 5 городов: Смоленск, Вязьма, Дорогобуж, Рославль и Белый.

Самый крупный из них — Смоленск. Он был не только центром Смоленского края (Литовской Украины), но и являлся одним из крупнейших городов Русского государства. Экономическое восстановление Смоленска было связано с рядом постановлений правительства ВКЛ в первые годы XVI в. В 1500 г. смоленские купцы были освобождены от торговых пошлин на территории Польши и ВКЛ на 15 лет. В 1502, 1506 гг. смоленские мещане получили привилегии, согласно которым они освобождались на 6 лет от всех податей¹. «Эти мероприятия, — пишет Д.П.Маковский, — оказали известное влияние на развитие торговли в Смоленске. Смоленские купцы установили довольно прочные связи как с городами Литвы и Польши, так и с европейским торговым миром»².

После перехода Смоленска в состав Московского государства в нем сохранились прежние порядки литовского времени. Жалованная грамота Василия III во многом повторяла жало-

---

¹ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовском государстве. Т. 1. М., 1917. С. 48—49.

² Маковский Д.П. Указ. соч. С. 50.

ванную грамоту (привелей) великого литовского князя Александра. Посадские люди по ней получили «вещее с воска, меда, соли» и с другого товара, они освобождались от пошлыны в 100 рублей, которую платили в Литву, их запрещалось брать в заложники, освобождались они и от гужевой повинности¹.

Но в 1514 г., после заговора епископа Варсонофия, основная часть богатых смоленских купцов была переселена в Москву, где образовала особый разряд купцов — «смольнян»². Этот факт ухудшил экономическое положение Смоленска. Вообще после присоединения Смоленска к России торговые отношения между двумя странами были парализованы, о чем говорил на Сейме в 1523 г. Михаил Венгаило: купцы «ту дорожку смоленскую все опустили, а ездят к Ризе со всякими куплями», и предлагал «купцам тою дорогою старой к Москве ездить на Минск и на Смоленск»³. Упадку города способствовало и закрытие Полоцком свободного пути для немецких купцов. Доминирование Полоцка в торговле с Прибалтикой продолжалось до Ливонской войны, т.е. до середины XVI в. Слабость смоленской торговли, пишет С.Д. Ширяев, вела к распространению закладничества. Привилей 1505 г. запрещал «в закладничество людей примати»⁴.

Экономический рост Смоленска начался с середины XVI в., чему способствовало разорение Полоцка в годы Ливонской войны, а также перемещение основных торговых путей русской торговли с Западной Двины на Белое море и Волгу, после чего на первый план в торговле с Западом выдвигается Смоленск, а главное значение в торговле с ВКЛ приобретает «Оршанский шлях». С этого момента город превращается в один из крупнейших торгово-ремесленных центров Русского

---

¹ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 349.

² РИО. Т. 35. № 93. С. 635.

³ Документы Московского архива юстиции. Доп. 1. № 3.

⁴ Ширяев С.Д. Указ. соч. С. 8.

государства, чье экономическое возвышение было связано с посредничеством между восточными и западноевропейскими рынками.

Возвышению Смоленска способствовало и распространение посевов льна и конопли в Смоленской земле в середине XVI в., большая часть этого сырья поступала на европейский рынок.

В этот период Смоленск имел прочные торговые связи с Мстиславлем, Кричевом, Мозырем, Минском, Слуцком, Ригой. Основными товарами, которые шли через Смоленск из Европы, были сукна, ткани, кружева, металлы и драгоценные камни¹. Среди сельских и других товаров, поступавших на Смоленский рынок в конце XVI в., встречаются овес, сено, скот, мясо, рыба, соль и изделия сельских ремесленников. Продавали здесь привозную деревянную и глиняную посуду. По словам Д. Флетчера, в 1580-е гг. Смоленск занимал одно из ведущих мест в Русском государстве по экспорту кожи, сала и пеньки. Наряду с продукцией сельского хозяйства смоленские купцы отправляли за границу большое количество дегтя. Большинство смоленских товаров поступало на рижский рынок, особенно много скота и мяса².

В 1580-е гг. Смоленск, как пишет Д. Флетчер, по своим торговым оборотам уступал только Москве, Пскову, Казани и платил торговых пошлин в приказ Большого прихода 8 тыс. рублей, тогда как Москва и Псков — 12 тыс.³

Но Смоленск в этот период богател лишь за счет транзитной торговли между Литвой и Москвой. Определенная часть товаров поступала на смоленский рынок из Новгорода. Этот факт С.Ф. Платонов и С.Д. Ширяев связывали с тем, что в

¹ РИО. Т. 35. № 102; РИБ. Т. 27. № 266.

² Флетчер Д. О государстве Русском // Накануне Смуты. История отечества в романах, повестях, документах. М., 1989. С. 409, 492.

³ Там же. С. 522.

XV—XVI вв. экономическое развитие Смоленска шло при постоянной борьбе города-крепости и рынка¹. Но такое положение было обусловлено не столько военно-стратегическим положением города, сколько недоверием Московского правительства к местным купцам, особенно во время войны с Речью Посполитой. Только в период обострения русско-литовских отношений литовским и польским купцам разрешалось торговать в Смоленске. В 1563 г. купцы из Шклова и Могилева были высланы из Москвы в порубежные города². В таких случаях Смоленск превращался из передаточного пункта в торговый центр.

В 1580-е гг. торговое значение Смоленска усиливается, что явилось причиной указа 1590 г., по которому было запрещено «пускать из Литвы далее Смоленска «с невеликими товарами» простых «торговых людей, а пропускались в Москву лишь именитые гости с большими товарами с узорочными, с камнем дорогим, и с жемчугом, и с сукны скорлаты»³. Согласно указу купцы с предметами роскоши могли ехать дальше Смоленска, а все прочие товары должны были продаваться на местном рынке.

Этот указ был довольно выгоден смоленскому купечеству, которое получало монопольное право на покупку польско-литовских товаров. Можно сказать, что с этого времени вся торговля Речи Посполитой с Россией товарами широкого потребления сосредоточивается в Смоленске. Поэтому военно-стратегический интерес не являлся основным в развитии Смоленска. Выгодное положение города в центре торговых путей сделало его во второй половине XVI в. крупным центром ре-

---

¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты... С. 52; Ширяев С.Д. Указ. соч. С. 12.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1832. С. 912.

³ Платонов С.В. Указ. соч. С. 54.

месла и торговли, но пограничное положение оказывало определенное влияние на его экономическое развитие.

Развитию ремесла и торговли в городе на рубеже XVI — XVII вв. способствовало и строительство Смоленской крепостной стены, которое началось в 1596 г. Строительство потребовало огромного количества материалов. Было необходимо: «320 тысяч свай, 32 тысячи куб. сажень бутового камня, 620 тысяч облицовочных камней, 1 миллион штук кирпича, 320 тысяч пудов полосового железа, 15 тысяч пудов пруткового железа, 320 тысяч бочек извести, 1 миллион гвоздей, 5 тысяч бревен шестисаженных, 37 тысяч бревен четырехсаженных, 100 тысяч бревен трехсаженных, 25 тысяч досок двухсаженных и 1 миллион возов песку»¹. Это способствовало развитию кирпичного, кузнечного, деревообрабатывающего, пищевого производств.

Кирпичное производство в Смоленске в конце XVI в. было развито не только в городе, но и в уезде: были «печи... владычные, монастырские, и всяких людей, где делали кирпич и известь»². Производство кирпича в Смоленске производилось казенными ремесленниками или отхожими промышленниками.

Смоленск располагался на двух берегах Днепра, на южном была крепость. Количество дворов в Смоленске, по сведениям иностранцев, достигало 8 тыс. Большинство из них располагалось на посадах, которых было 4. Самый крупный из них — Заднепровский — насчитывал до 6 тысяч дворов³. Другим крупным посадом был Пятницкий конец в западной части города. По словам С.П. Писарева, этот посад до обороны 1609—1611 гг. играл довольно важную роль в экономике Смоленска, но после похода Филона Кмиты под Смоленск в 1579 г.

¹ Акты писцового дела. Т. 1. М., 1870. С. 465.

² Бахрушин С.В. Научные труды... С. 92.

³ РИБ. Т. 1. С. 446.

он стал хиреть, и с этого времени большая роль переходит к Заднепровскому посаду¹. Сюда был переведен Литовский двор из Троицкого монастыря, здесь же образовалась Новая Загородецкая слобода, которая выставила для обороны 83 человека². Однако запустение Западного посада надо связывать не только с внешним воздействием, но и с внутренними причинами. Это, прежде всего, обмеление Смядынского устья, что привело к переводу пристани в Заднепровье. Кроме вышеперечисленных посадов были еще Чуриловский и Рачевский. Последний был достаточно обширным — здесь находилось 6 церквей.

В городе имелось 17 слобод. Самой крупной из них была Городецкая. Она располагалась в Заднепровском посаде в районе Петропавловской церкви. Эта слобода выставила для обороны города больше всего человек — 383. Основным населением этой слободы были ремесленники различных специальностей: хлебники, кузнецы, коновалы, гончары, рукавичники, пряничники, портные, кожевники, булавочники, квасники³. Рядом с Городецкой слободой находилась Кукуева слобода, где жили в основном иноземцы. В восточной части Заднепровского посада, вдоль Московской дороги, располагалась Ямская слобода.

На реке Чуриловке в западной части города, в районе Богословской башни, находилась Вязовеньковская слобода, примыкавшая к Пятницкому концу. С.П. Писарев пишет, что ее название происходит от слова «везти», т.е. здесь жили посадские, промышленявшие извозом⁴. Рядом со слободой находились дворы архиепископа и Архиепископская слобода. В XVI в. ее жителей переселили на Рачевку. В начале XVII в. в ней насчитывалось 120 дворов, для обороны она выставила 178 человек⁵. Ряд

¹ Писарев С.П. Княжеская местность... С. 105, 118.

² Памятники обороны. № 232. С. 151.

³ Там же. С. 151—158.

⁴ Писарев С.П. Указ. соч. С. 105.

⁵ Памятники обороны. № 233. С.158.

слобод в городе принадлежал монастырям: Авраамиевскому, Архангельскому, Петровскому, Покровскому, Воскресенскому, Троицкому, Спасскому, Борисоглебскому.

Кроме посадов и слобод в Смоленске были так называемые полусохи, из названия которых следует, что основным занятием их жителей было сельское хозяйство. На Рачевке располагались Крылашовская и Воровская полусохи, они находились возле Крылашовских ворот. Обе полусохи выставили для защиты города 307 человек. Кроме них были еще Пятницкая, Новая Городецкая и Ямская полусохи в западной части города и в Заднепровье, которые поставили в смоленскую армию 121, 88 и 113 человек соответственно¹.

Торгово-ремесленная деятельность в Смоленске сосредоточивалась на базарах, которых было 4. Самый крупный из них — Заднепровский, на котором находился Литовский торговый двор, где торговали иностранными товарами и товарами из Москвы. В самом городе имелось еще три базара. Большой торг располагался между Крылашевскими и Пятницкими воротами (современные улицы Соболева и Краснофлотская). За Пятницкими воротами на посаде — Малый торг. Здесь торговали ремесленными товарами широкого потребления. Еще один базар находился у Молоховских ворот в южной части города, где в основном торговали сельскохозяйственной продукцией.

Довольно большое количество посадов, слобод и базаров в Смоленске свидетельствует, что ремесленники и купцы составляли значительный процент смоленского населения. Правда, источники не содержат точных данных о количестве посадских людей в Смоленске. Сотенные списки посадских и роспись гарнизона 1609 г. дают далеко не полный состав ратных посадских людей. Но и неполные данные показывают,

---

¹ Там же. № 232. С.151—158.

что численность посадских людей в Смоленске была весьма значительна. Только Смоленские слободы выставили для обороны 1910 человек¹. Большинство этих людей являлись ремесленниками. Согласно описи Смоленского гарнизона и артиллерии, из 2517 посадских людей, перечисленных в ней, ремесленников насчитывалось 443 человека, т.е. 17,6 %. Из 268 человек Воскресенской сотни 116 были ремесленниками. В Вязовеньковской сотне ремесленников было 51 человек из 104². К посадскому населению города можно отнести и жителей церковных слобод, которых в городе было 7. Согласно осадной росписи, все эти слободы выставили 290 человек ратных людей³.

С посадским населением Смоленска были тесно связаны стрельцы и пушкари. Из 204 стрельцов, известных из «Памятников обороны», ремесленной деятельностью занимались 43 человека, из 100 пушкарей — 36 человек⁴. Среди ремесленных специальностей мы видим портных, шапочников, сапожников, рукавичников, седельников, войлочников, мясников, хлебников, калачников, кузнецов, прасолов.

В других крупных городах ремесленников по сравнению со Смоленском было значительно меньше. В Коломне из всех дворов ремесленных было 159. В Туле собственно посадских людей было 108 человек из 781 живущих на посаде. Из 294 дворов служилых людей по прибору ремесленной деятельностью занимался лишь 81 человек⁵.

Анализ ремесленных специальностей в Смоленске провел Д.П. Маковский. По его подсчетам, в городе работали ремес-

¹ Памятники обороны. № 232. С.151—158.

² Там же. №, 234, 235. С. 140—147, 158—165.

³ Там же. № 232. С. 151—158.

⁴ Там же. №, 232, 242. С. 151—158, 185—197.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 200. Л. 80—150; ПКМГ. Ч. I. 1. С. 627—629.

ленники 79 специальностей. Из 443 ремесленников, перечисленных в «Памятниках обороны», 122 изготавливали предметы питания (27,4 %), 95 являлись скорняками (21,4 %), 85 человек шили одежду (18,7 %), 58 делали изделия из металла (13 %), 38 занимались обработкой дерева (8,5 %), и 53 человека были заняты в других отраслях производства (11 %)¹.

Из «Памятников обороны» также следует, что в XVI в. в Смоленске в среде ремесленников стала намечаться тенденция ко все большей специализации труда. Наибольшей величины она достигла в пищевой промышленности, где насчитывалось 19 ремесленных специальностей. В деревообделочном производстве имелось 6 специальностей, в металлическом производстве — 14. Наибольшее количество металлистов было занято в кузнечном деле — 55%².

Говоря о кузнечном производстве, Д.П. Маковский приходит к выводу, что в Смоленске в период обороны существовала мануфактура по ремонту пушек с капиталистическим разделением труда, где работало 10 кузнецов³. Но они могли производить ремонт пушек и в собственных кузницах. Из источника не следует вывод о капиталистическом разделении труда. Е.И. Заозерская по этому поводу пишет: «... Если мануфактурное разделение труда отсутствовало при изготовлении новых орудий, то вряд ли о нем можно говорить, когда речь идет об их ремонте»⁴.

Из «Памятников обороны» устанавливается и специализация смоленских купцов. Д.П. Маковский подсчитал процентное соотношение купеческих специальностей в Смоленске: прасолы — 42,5 %, барышники — 10%, мясники — 7,6 %,

¹ Маковский Д.П. Указ. соч. С. 52

² Там же.

³ Там же. С. 51—52.

⁴ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности в XVI—XVII вв. М., 1970. С. 247.

калачники — 6 %, хлебники — 5,6 %, шапочники — 3,8 %, пушники — 3,8 %, кирпичники — 3,8 %, рыбники — 1,8 %, овощники — 1,8 %, иконники — 1,8 %, котельники — 1,8 %, кузнецы — 1,8 %, пивовары — 1,8 %, сырмятники — 1,8 %, овчинники — 8 %¹.

Большинство смоленских купцов являлись прасолами. Д.П. Маковский считает их скупщиками деревенского холста и делает вывод о наличии в Смоленске в XVI в. рассеянной мануфактуры, но доказательств своей версии он не приводит². Из «Памятников обороны» профессиональная деятельность прасолов не устанавливается. Вообще прасолами назывались скупщики рыбы, мяса, холста, хлеба, торговцы скотом³. «Памятники обороны» не конкретизируют, о каких именно прасолах идет речь. Среди ремесленных специальностей они не называют ни одного ткача.

Е.И. Заозерская, анализируя развитие ткацкого производства в XVI в., не соглашается с выводами Д.П. Маковского и пишет: «...прямых сведений о торговле в Смоленске изделиями местных текстильных промыслов не имеется»⁴. Правда, ткачество на Смоленщине в крестьянских хозяйствах было развито довольно широко. В самих «Памятниках обороны» при описании пограбленного имущества у крестьян перечисляется более 10 наименований полотняных изделий: зипуны, рубахи мужские и женские, кушаки, чепы, портки, накидки, скатерти, поневы, рушники. О широком развитии ткачества в смоленских деревнях говорят и данные крестьянских челобитных о грабежах литовских людей. В деревнях Жуково и Внуковичи поляки забрали 332 локтя полотна, в деревне

---

¹ *Маковский Д.П.* Указ. соч. С. 55.

² Там же.

³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. СПб.—М., 1882. С. 382.

⁴ *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С. 387.

Высокой — 1015 локтей, в Рославльском уезде у двух крестьян было пограблено 90 локтей холста¹. По этому поводу С.В. Бахрушин писал: «городское население Смоленщины... специализировалось на окраске тканей, поступающих из деревни»².

Но наличие ткацкого производства в деревне и скупщиков холста, если такие в Смоленске имелись, еще не свидетельствует о наличии рассеянной мануфактуры, в которой задействованы освобожденные от другого труда работники. Крестьяне могли поставлять излишки холста в города, но это еще не означало, что они были объединены в единую сеть, основанную на простой кооперации. Источники не содержат никаких данных о капиталистическом производстве в то время.

Другой подсобной отраслью смоленских крестьян было производство сукна. В 1605 г. в деревнях Жуково и Внуково поляки забрали 575 аршин сукна, которое крестьяне вывозили на рынок или продавали скупщикам. За 4 года смоленские купцы продали 37 615 аршин полотна и 12 070 аршин сукна³.

Еще одной важной отраслью смоленских купцов была торговля хлебом. Они закупали для государства большие партии хлеба в Дорогобуже, Вязьме и Белом⁴.

Но все-таки основными видами товаров в Смоленске являлись товары широкого потребления. В 1580—1590-е гг. Болдинский монастырь закупал в Смоленске сельди в бочках, треску в мехах, имбирь, проволоку железную и медную, финифть (эмаль), гвозди, сусальное серебро и золото, белила, овчины,

¹ Памятники обороны. № 5, 8, 11. С. 3—6; *Антилогов Г.Н.* Указ. соч. С. 433—441; ЧОИДР. Ч. 2. 1916. С. 100.

² *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 92.

³ *Антилогов Г.Н.* Указ. соч. С. 433—437; *Маковский Д.П.* Указ. соч. С. 55.

⁴ РИБ. Т. 28. Кн. 1. СПб., 1912. С. 3—4.

холст, образа, вишни и сливы в патоке, топоры, рогатины, бумажки, сукно¹.

Экономическое развитие Смоленска во второй половине XVI в. свидетельствует, что город переживал экономический подъем. Во многом это было связано с изменением основных торговых путей в середине XVI в. и с прекращением монополии Полоцка, после чего Смоленск занимает центральное место в торговле с Западом. Данный факт стал причиной указа 1590 г. Строительство крепостной стены также способствовало экономическому подъему города. Оно, прежде всего, дало толчок развитию ремесленного производства и привело как к появлению новых ремесленных специальностей (кирпичное производство), так и к развитию уже существующих.

Крупным городом в XVI вв была Вязьма. Город состоял из крепости, которая стояла в устье реки Бебря, и посада. Вяземский посад в конце XVI в. состоял из 3 слобод, насчитывал 500 живущих дворов и платил в казну 234 рубля 24 алтына 5 денег ежегодно, оброку с торговых мест 137 рублей 8 алтын 2 деньги². Это был довольно крупный торговый центр. В соседнем Можайске имелось 205 посадских дворов и 127 пустых. Город платил в казну лишь 49 рублей 15 алтын и 5 денег, а торговых пошлин всего 17 рублей 2 алтына и 5 денег³.

Вязьма находилась на пересечении нескольких важных сообщений. Через нее проходили дороги на Москву, Смоленск, Тверь, Путивль и Рыльск, что способствовало развитию торговли. На вяземский рынок в основном поступала продукция сельского хозяйства. Сюда для продажи вывозил пеньку Болдинский монастырь.

¹ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 304, 307; Т. 37. Пг., 1924. Стб. 35, 102, 103, 116, 128, 146, 156, 263.

² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Вязьма. Л. 1—1об; АПД. Т. 1. № 227.

³ ПКМГ Ч. I.1. С. 628—630.

Развито здесь было и ткачество. Вязьма снабжала округу холстом и крапешениной, которую, в частности, покупали Болдинский и Волоцкий монастыри. По данным приходно-расходных книг Болдинского монастыря монахи покупали крапешенину в следующих объемах: в 1591 г. — 51 аршин, в 1592 г. — 10 аршин, в 1598 г. — 165 аршин¹.

В обработке дерева Вязьма имела собственную специальность — производство саней. Сани были парадные и простые. Вот описание одних из них: «садки вяземские подвлочены бархатом немецким алым... дуги и оглобли вязовые... хомут ременной и с кистями... возжи ворванные... польба подложены зернью желтые, обручья сафьяновые»². Такие сани Иван Грозный подарил Волоцкому монастырю. Вяземские сани имели широкое распространение, их покупали многие монастыри. Трое саней купил Болдинский монастырь в 1586 и в 1591 гг.³ Свои сани вязьмичи также вывозили для продажи в Москву.

Вяземское купечество занималось скупкой и продажей сельскохозяйственной продукции. Григорий Шорин закупал хлеб на сумму 2968 рублей, купцы Матвей Васильев и Лазарь Голинищев — на 841 рубль. Иван Никифоров покупал пеньку в Болдинском монастыре. Ряд купцов продавали большие партии пеньки за пределами Вяземского уезда. Часть ее шла и за рубеж⁴.

Дорогобуж располагался на обоих берегах Днепра, на левом находилась крепость. В городе были лавки и ремесленники. В торговом отношении Дорогобуж был связан со Смоленском, с которым имел речное сообщение. Из ремесленных промыслов в Дорогобуже известно производство деревянной посу-

¹ СПБИИ. Ф. 284. Д. 4. Л. 89; РИБ. Т. 37. Стб. 100, 110, 114, 122.

² Цит. по: *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С.102.

³ РИБ. Т. 37. Стб. 28, 32, 108—109.

⁴ РИБ. Т. 28. Стб. 3—4; *Флетчер Д.* Указ. соч. С. 491.

ды. В 1694 г. Болдинский монастырь купил «ложки здешнего дела». В Дорогобуже монастырь также закупал рыбу, калачи, продукцию животноводства¹.

Дорогобужские купцы, как и вяземские, скупали у местных крестьян их продукцию. Андрей Клешнин и Михаил Карпов покупали в Болдинском монастыре пеньку, выплачивая по 100 и более рублей. Дорогобужская пенька также шла за пределы Смоленщины².

Рославль не имел того торгового значения, которое имели Вязьма и Дорогобуж. Город представлял собой приграничную крепость — русско-литовская граница проходила от него примерно в 25 км. В XVI в. Рославль подчинялся Северскому разряду. В 1578 г. через брянского наместника Д.Б. Салтыкова передается опала на рославльского наместника Ивана Никитича Карамышева за невыполнение указа о размене пленных³.

С.Ф. Платонов пишет: Рославль «защищал Северу от покушений со стороны Смоленска»⁴. В 1585 г. в городе под руководством Г.Г. Давыдова была построена новая деревянная крепость⁵. Рославльский гарнизон в конце XVI в. насчитывал 300 человек, на крепостной стене имелось много пушек. «Архив Масловых» называет 5 рославльских пушкарей. В 1580-е гг. в городе стоял стрелецкий приказ Елизара Безобразова и казаки, которым была отдана одна из городских церквей⁶.

¹ РИБ. Т. 37. Стб. 134.

² РИБ. Т. 28. Стб. 3—4.

³ РИО. Т. 35. № 102. С. 739; 638—639; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 128—136.

⁴ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 70.

⁵ Разрядная книга 1475—1598. Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1966. С. 359.

⁶ ССДС. Ч. 5. С. 35; ЧОИДР. Ч. 2. 1916. С. 31; Акты Юшкова. М., 1848. № 229.

В Рославле имелся посад, была посадская пашня и выгон, посадская община управлялась посадским старостой¹. Но, по словам М.Н. Тихомирова, «сколько нибудь большого и деятельного населения в городе не было... основное население состояло не из посадских, а из ратных людей: дворян, стрельцов, казаков». Из промыслов известен лишь мукомольный, на реке Гузомойке (современное название — Глазомойка) стояли мельницы².

Торговали в Рославле хлебом, солью, мясом, рыбой, сукном и холстом. Интересные данные содержит доходный список рославльского наместника Никиты Алексеевича Клокачева 1587 г. Наместник получал по 3 деньги со двора три раза в год — на Рождество, Пасху и Петров день, также ему поступал посошный корм по 2 деньги со двора. Денежный счет в документе указан в пенезах, что говорит о торговых связях Рославля с городами Белоруссии³. С городами Смоленского края Рославль был связан слабо, он находился в стороне от основных торговых путей. Этим во многом объясняется слабость рославльской торговли.

Оценивая экономическое положение смоленских городов в тот период, можно сказать следующее. Смоленск в конце XVI в. являлся одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Русского государства, значительную часть населения которого составляли купцы и ремесленники.

Вяземский и Дорогобужский уезды в то время играли важную торговую роль в связи с поставками пеньки на внешний рынок. Вязьма являлась крупным центром торговли, где имелось несколько ремесленных производств, изделия которых находили сбыт за пределами Смоленщины. Вяземская продук-

¹ ЧОИДР Ч. 2. 1916. С.32—33, 68, 100, 101.

² Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии... С. 369.

³ Акты Юшкова. № 229.

ция имела значение и на местном рынке в торговле деревенским холстом, хлебом и другими товарами.

Рославль представлял собой, прежде всего, пограничную крепость с небольшим посадским населением, которое было гораздо беднее посадских Смоленска и Вязьмы, что явилось одной из причин перехода его населения на сторону Болотникова.

Таким образом, Смоленский край в конце XVI в. являлся стабильным регионом, где не возникло тех противоречий, которые привели страну к гражданской войне, а если они и отмечались, то не достигли такой остроты, как в южных уездах. Население Смоленского края в конце XVI в. находилось в более выгодном экономическом положении, чем население ряда регионов и, прежде всего юга, дворянство которого стало основной движущей силой на первом этапе гражданской войны. Экономическое состояние края в определенной степени и определило позицию, которую заняло дворянство Смоленского, Вяземского, Дорогобужского, Бельского и Рославльского уездов в период восстания Болотникова.

ГЛАВА III

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ В 1603—1609 ГГ.

3.1. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1603—1607 ГГ.

Гражданская война в России, начавшаяся со вторжения отрядов Лжедмитрия I, «была порождена глубоким кризисом, возникшим на почве ломки старой структуры и становления крепостнической системы»¹. Главными ее причинами были

---

¹ *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута»... С. 249.

экономическое разорение страны, вызванное политикой Ивана Грозного, и пресечением законной династии русских царей.

Царствование Ивана Грозного привело к разорению значительной части дворянства, что, в свою очередь, вызвало кризис всего поместного землевладения. Мелкие, а зачастую и средние дворяне в конце XVI в. переходят в разряд боевых холопов и теряют свой социальный статус. Происходит глубокое расслоение всего служилого сословия, часть которого готова с оружием в руках выступить против государства. Особенно тяжелое положение было среди дворян южных уездов, они и стали движущей силой повстанческого движения.

Следствием политики Ивана Грозного стало разорение крестьян, которые бежали на юг и превращались в казаков. Отсутствие рабочей силы в поместьях вело к закреплению крестьян, оно же толкало правительство на путь усиления кабального холопства, что еще в большей степени обостряло отношения между верхами и низами общества.

Закрепостительная политика правительство в 1580—1590 гг. привела к похолоплению огромных масс населения и, прежде всего, мелких дворян, детей боярских, служилых людей по прибору.

Холопство стало основным слоем, из которого формировалось русское казачество, и оно, наряду с мелкопоместным дворянством юга, стало одной из главных сил повстанческого движения.

В 1598 г. умер царь Федор Иоаннович — последний представитель династии Калиты. На место государя, наследовавшего трон по рождению, сел царь, избранный Земским собором. «Осознание этого факта произвело переворот в общественном сознании... прекращение династии стало катастрофой для государства, основанного на началах вотчинной монархии.

Царская власть в одночасье утратила священный ореол»¹. Избрание царем Бориса Годунова вызвало кризис в среде московской аристократии.

Эти причины и привели страну к гражданской войне.

Голод 1601—1602 гг. резко обострил отношения как внутри господствующего класса, так и между феодалами и низами общества. Социальные отношения достигли такой остроты, что достаточно было любого повода, чтобы народ пришел в движение. Голодом были охвачены многие районы России, в том числе и Смоленский край. Население Смоленщины, спасаясь от голода, бежало в ВКЛ, и Борис Годунов приказал укрепить «заставы бьяша Смоленска по всему Смоленскому рубежу... наипаче повелел крепить заставы и прибавиша до Брянска, чтоб никто из Литвы и в Литву не ходил, все укрываючи, чтоб вести не было на Москве». Царь направил в Смоленск для «поправления» бедных граждан «лекаря и потребное количество лекарств», а также 20 тыс. рублей².

Следствием голода стало социальное движение низов. Им были охвачены многие уезды России. Под Москвой действовали отряды Хлопка. Неспокойно было и в западных уездах. По свидетельству И. Массы, «все дороги в Литву и Польшу сделались опасными»³. В 1602—1603 гг. повстанческое движение охватило Вяземский и Бельский уезды. В конце 1602 г. в Вязьму против «воров» были посланы князь И.А. Татев и А. Мелентьев⁴. По данным Р.Г. Скрынникова, «сыск разбойни-

¹ Коваленко Г. Печальная хроника Смутных времен // Родина. № 4. 1999. С. 46.

² ПСРЛ. Т. 14. С. 61.

³ Массы И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 71.

⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 61; Маржарет Я. Записки. М., 1982. С. 189; Разрядная книга 1475—1605... С. 60.

ков в Вязме имел место в декабре 1602—1603 гг.»¹. В Бельский уезд был направлен Богдан Поликарпович. В царском наказе, который он получил, говорилось: «...На Белой по дорогам разбои великие, проезжих людей разбойники разбивают и побивают до смерти, и проезду, и проходу всяким людям нет, да и села, и деревни многие на Белой разбойники разбивают, и людей многих побивают до смерти»².

Неспокойно было и в вотчинах Болдинского монастыря. В приходской книге за 1603—1604 гг. сказано: «Привез с Москвы келарь старец Серапион четыре рубля шесть алтын две деньги, что взято в Разбойной избе Усвятского разбою вытей». В.И. Корецкий считал, что «деньги, привезенные келарем Серапионом из Разбойной избы, были не чем иным, как компенсацией монастырю за понесенный от разбойников ущерб»³.

До последнего времени считалось, что движение в Западных уездах 1602—1603 гг. носило антифеодальный характер. Опираясь на наказ, данный Богдану Поликарповичу, Р.Г. Скрынников пришел к выводу, что он «должен был использовать тот механизм, который и в обычное время служил для преследования разбойников и уголовных дел»⁴. Из наказа также видно, что от разбоев страдали не только купцы, но и бельские крестьяне. Характер действий разбойников не свидетельствует о крестьянских восстаниях. В наказе говорится: «А промеж дорог им для разбойников в сыску стояти утоясь и про разбойников, и про всяких лихих людей проведовати всякими сыски накрепко, чтоб по тем дорогам разбойников перимати»⁵. Разбойники, как видим, действовали на дорогах,

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 61.

² Корецкий В.И. К истории восстания Хлопка... С. 219.

³ АЮБ. Т 2. С. 280; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 211.

⁴ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве... С. 67.

⁵ Корецкий В.И. Указ. соч. С. 220.

они не громили дворянские усадьбы и не устанавливали контроль над сельской округой, что обычно происходит при крестьянских восстаниях. Действуя против разбойников, Богдан Поликарпович должен был опираться на приказчиков, старост и крестьян «из дворцовых, черных, церковных и помещичьих владений».

Таким образом, наказ не дает оснований говорить об антифеодальном движении в Бельском уезде в 1602—1603 гг. Это движение было вызвано трехлетним голодом, и в нем приняли участие представители многих социальных групп, оказавшиеся на грани нищеты — от холопов до детей боярских. Социальный характер этого движения проявился в том, что оно было порождено угнетением и голодом, и было направлено не против феодалов, а в целом против богатых.

Движение 1602—1603 гг. было прелюдией к гражданской войне. Сама война началась с вторжения на территорию России войск Лжедмитрия I осенью 1604 г. Оно стало сигналом к восстанию в Северских городах, население которых признало в самозванце истинного царевича Дмитрия и выступило против Бориса Годунова. «Начавшаяся гражданская война, — пишет Р.Г. Скрынников, — расколола страну надвое. Население южных окраин выступило против центра. Повстанческое движение, охватившее окраины, объединяло самые разные социальные слои, включая крестьян, холопов, казаков, стрельцов, детей боярских. Кризис, лежавший в основе «Смуты», поразил как низы, так и верхи общества»¹.

Если южные уезды безоговорочно поддержали Лжедмитрия I, то на Смоленщине движение в его поддержку не нашло сторонников. Население южных и смоленских уездов было различным по своему социальному положению. На юге его основу составляли выбывшие из дворянского ополчения

---

¹ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. Смута... С. 67.

дети боярские, служилые люди по прибору (казаки, стрельцы, пушкари, затинщики), беглые боярские послужильцы, ставшие основой формирующегося казачества. Дворянство юга в основе своей было мелкопоместным и бескрестьянским и находилось в довольно тяжелом экономическом положении. Помещики же Смоленского и Вяземского уездов составляли обеспеченную часть русского дворянства.

Различным было и население городов. На юге только Воронеж, Елец и Белгород имели посадское население, в остальных городах основную массу городских жителей составляли казаки и стрельцы. В отличие от них, Смоленск и Вязьма являлись крупными торговыми центрами с большим посадским населением, которое имело устойчивые торговые интересы, и не было заинтересовано в каких-либо потрясениях.

Таким образом, различные интересы населения смоленских и южных уездов — с одной стороны и отсутствие каких-либо сил, способных выступить в поддержку самозванца, — с другой делало Смоленский край довольно стабильным регионом, где зимой 1604—1605 гг. не было выступлений в поддержку Лжедмитрия I.

Еще одной немаловажной причиной, не способствующей переходу смолян на сторону самозванца, была отдаленность Смоленщины от основного театра военных действий. Непонятность ситуации, отсутствие достоверной информации о Лжедмитрии I зимой 1605 г., контрмеры правительства не способствовали развитию повстанческого движения в тех городах и уездах, до которых еще не дошли войска самозванца.

Население городов в тот период кормилось всевозможными слухами о Лжедмитрии I. В январе 1605 г. смоленский воевода Василий Кордонукович Черкасский объявил город на осадном положении и велел жителям свезти свое имущество в крепость. Данный приказ возбудил в Смоленске всевозможные слухи о

самозванце. Дьякон Егорьевской церкви говорил: «...Что де у нас теперь ни хлеба, ни оного запаса нет, и что камаринские мужики государю изменили», в Смоленске «...посадские люди ужаснулись, и меж себя ходя, неведомо что шепчут». Вскоре дьякон Андрей и городской приказчик Василий Петрыкин были арестованы, но следствие никакой измены среди смолян не выявило. На допросе Петрыкин говорил, что «в посадских никакой измсны не видывал». То же самое показал и Никифор Ефимьев: «сносился дьяк с Василием Петрыкиным, и Василий почал ему говорить: мужики-де камаринские заворовали, в местах не сидят, а про то, что придет новый царь, ничего не ведают»¹. Скорее всего, дело о «шатости» в Смоленске было вызвано слухами, распространяемыми на городских посадах, и дальше разговоров оно не пошло.

В этот период в Смоленске разбиралось дело Елисея Ефимьева, который сбежал в Северскую землю. Но, как выяснилось, он и раньше там жил «в северских городах в Путивле, и во Брянску, и в иных городех... да опять в третий раз збежал»². И это дело не выявило никакой измены в городе. Смоленск оставался верен Борису Годунову и признал Лжедмитрия I лишь тогда, когда он оказался в Москве.

Летом 1606 г. начался второй этап гражданской войны, когда казаки и дворянство Северских уездов выступили против Василия Шуйского, увидя в нем узурпатора царской власти, свергнувшего законного, с их точки зрения, государя. Если первый этап (1604—1605 гг.) можно охарактеризовать как движение служилой мелкоты, к которому присоединились низы общества, и прежде всего беглые холопы и крестьяне, то второй этап характеризуется более активным участием в движении социальных низов.

---

¹ АИ. Т. 2. № 53. С. 62—64.

² Там же.

Первый этап начался с вторжения в Россию иностранных войск, поддерживающих Лжедмитрия I. Правда, вскоре фактор иностранной интервенции сошел на нет. Немногочисленные наемные войска самозванца растворились в отрядах казаков и детей боярских. Второй этап гражданской войны начался без какой-либо помощи извне и на всем его протяжении, до осени 1607 г., иностранное вмешательство в войну отсутствовало.

В сентябре 1606 г. восстание охватило огромную территорию, захватило центральные уезды и подошло к Смоленской земле. 23 сентября Болотников попытался переправиться через Угру в районе Калуги, где был разбит армией Ивана Шуйского. Но воспользоваться своей победой царские воеводы не смогли. Жители города «...царские войска в Калугу не пустили, заворовали, и крест целовали вору»¹. Из Калуги Болотников двинулся к Москве на соединение с Пашковым. «...Аз другую сторону пошли ис Калуги атаман Солома казак, да Васька Шестаков, холоп Андрея Кашина... и города взяли многие Боровск, и Верею, и Можайск, и Волок». В то же время под Вязьмой появился отряд казаков Федьки Бересеня, и те казаки «Вязьму и Можайск смутили». Тогда же был взят и Дорогобуж. А.А. Кондрашенков писал, что отряды Соломы и Шестакова осенью 1606 г. действовали между Дорогобужем и Рославлем². Говоря о событиях осени 1606 г. в уездах западнее Москвы, И.И. Смирнов считал, что здесь действовали не отдельные отряды казачьих атаманов, а более крупные силы под единым командованием³. Но тот факт, что смоленский отряд, примерно 1,5 тыс. человек, нанес поражение казакам, освободил Вязьму и Дорогобуж и без особого труда дошел до Москвы, позволяет не согласиться с мнением советского историка. В западных

¹ ПСРЛ. Т 14. С. 62.

² ПСРЛ. Т. 34. С. 215; *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С.10; *Кондрашенков А.А.* Смоленский край... С. 48.

³ *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова... С. 190.

уездах осенью 1606 г. действовали отдельные отряды повстанцев, без общего командования, и их успехи были обусловлены слабостью местных ратных сил.

Говоря о действиях казаков на Смоленщине, ряд историков отмечал, что они носили антифеодальный характер и были направлены, в первую очередь, против дворян, а под казаками они понимали беглых холопов и крестьян. Но «Пискаревский летописец» прямо указывает на социальные слои, которые пришли с Соломой и Шестаковым: «Аз другую сторону от Калуги, пошли Солома казак, да Васька Шестаков... а с ними многие дворяне, и дети боярские, и казаки»¹. Тем самым, социальный состав этих отрядов был довольно разнообразным. Наличие среди них дворян и детей боярских говорит о том, что они не имели антифеодальных целей и шли свергать Василия Шуйского, а не уничтожать социальный строй.

И.И. Смирнов относил Вязьму и Дорогобуж к городам, поддержавшим восстание Болотникова. Историк ссылается на разрядные книги, где сказано, что Федька Бересень Вязьму и Можайск «смутил»². Но слово «смутил» можно трактовать и как то, что казаки Бересеня захватили эти города, и горожане были вынуждены целовать крест «царю Дмитрию».

Говоря о северских и других городах, источники отмечают деятельность самих горожан в поддержку восставших. В Чернигове «...придоша вси ратные люди, и его (воеводу. — С.А.) поимали, и сами здались растриге». То же самое мы видим в Калуге, когда ее жители не пустили царские войска в город. О Туле разряды сообщают: «...А дети боярские все поехали по домам... и на Туле заворовали, стали крест целовать вору»³. В сообщениях о Калуге и Туле используется слово «заворовали», которое показывает действие самих горожан и детей

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 215.

² Смирнов И.И. Указ. соч. С. 195.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 61—62; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 9.

боярских. В грамоте царя Василия Шуйского в Свияжск сказано, что города западнее Москвы перешли на сторону «царя Дмитрия», «боясь от воров убийства и грабежу»¹. Это опять же свидетельствует о пассивности местного населения, которое признает власть самозванца из-за боязни быть ограбленным. Поэтому доказательства И.И. Смирнова, что жители Вязьмы и Дорогобужа стали инициаторами перехода на сторону повстанцев, малоубедительны. Тем более, когда Вязьма и Дорогобуж были освобождены отрядом Григория Полтева, дворянство этих городов присоединилось к смолянам и пошло к Москве на помощь Василию Шуйскому. Источники ни разу не упоминают в числе восставших вязьмичей и дорогобужан. О том, что эти города не поддержали восстание, писал И. Массса². По всей вероятности, казаки захватили эти города, а их жители были вынуждены признать новую власть.

Таким образом, у нас нет достаточных оснований относить Вязьму и Дорогобуж к городам, поддержавшим восстание. В то же время необходимо признать: появление казаков в смоленских уездах могло способствовать переходу на сторону восставших какой-то части населения, которое затем вместе с казаками ушло к Москве. Скудость источников не позволяет составить точную картину событий в Вязьме и Дорогобуже осенью 1606 г.

Если Вязьма и Дорогобуж были «смущены» казаками Бересня и Шестакова, то в Смоленске местное дворянство безоговорочно встало на сторону Василия Шуйского. В родословной Дивовых сказано, когда «пришли вору из Ярославля на смоленские места, и боярин князь Иван Семенович Куракин (воевода Смоленска. — С.А.) послал Воина Дивова, да с ним дворян и детей боярских, да сотника стрелецкого Василия

¹ ААЭ. Т.II. № 58. С. 132.

² Массса И. Указ. соч. С. 80.

Полтева с стрельцами, и на Лучась, на реке воров побил, и с сенучем от Воина Дивова послан был Осип Языков»¹. В Смоленской земле есть две реки с названием Лучеса. Одна в районе Белого, другая — под Дорогобужем. Поэтому сложно сказать к какой именно реке водил свой отряд В. Дивов. Белому осенью 1606 г. угрожали отряды Болотникова, занявшие Ржев, Зубцов и Старицу², в Дорогобужском уезде действовали казаки Шестакова и Бересеня. Такой поход был возможен в двух направлениях. Численность отряда, скорее всего, насчитывала несколько сотен дворян и стрельцов. Здесь не совсем понятно упоминание Ярославля, можно предположить, что это Малый Ярославец.

Тогда же в Смоленске началось формирование дворянского ополчения для похода к Москве. «Новый летописец» сообщает: «Во граде же во Смоленске слышаху архиепискуп, и воеводы, и все ратные люди такую настоящую беду над государством, что хотят те вору царя и бояр побить, и возопиша единогласно, поидоша под Москву, выбрав себе старейшего Григория Полтева. Идучи же грады очистиша Дорогобуж и Вязьму»³. Вот как об этом пишет автор «Повести о победах Московского государства»: «дворяне и земцы и все ратные люди совет совещати, как бы им государю помощи подати, и государство московское очистити от тех воров, и от Москвы отогнати»⁴.

Анализируя сообщение «Нового летописца», В.П. Мальцев писал: «...Летописец особенно подчеркивает их единодушие в борьбе против революционного крестьянства»⁵. С этой точкой зрения трудно согласиться. Во-первых, восстание Болотникова нельзя рассматривать как чисто крестьянское восстание. Это

¹ РГАДА. Ф. 260. Оп. 2. Д. 60. Л. 82.

² ААЭ. Т. II. № 58. С. 132.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 72.

⁴ Повесть о победах Московского государства... С. 7.

⁵ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 145.

было движение всех слоев русского общества, недовольных закрепостительной политикой государства. Именно эти слои в 1605 г. возвели на трон Лжедмитрия I. После свержения самозванца они посчитали необходимым выступить против правительства, которое, по их мнению, свергло законного царя и тем самым поставило себя вне закона. Во-вторых, интересы населения смоленских и южных уездов были различны, и смоляне не были заинтересованы в выступлении против центральной власти. Приход же повстанцев на территорию Смоленщины создавал угрозу как для поместного землевладения, так и для торгового населения смоленских городов.

Таким образом, смоляне осенью 1606 г. выступили не против крестьян, а против определенной части русского общества, среди которой крестьяне не составляли большинства, и чьи интересы не совпадали с интересами смоленских дворян и купцов. Антагонизм между мелкопоместным дворянством юга и более обеспеченным дворянством севера, в том числе и Смоленска, — вот главное противоречие, вызвавшее гражданскую войну и приведшее к расколу господствующего класса.

Анализируя смоленскую десятню 1606 г., В.П. Мальцев определил численный состав отряда Г. Полтева, в который вошли все дворяне 1606 г. верстания — 700 человек. Здесь же историк пишет, что десятня была составлена осенью 1606 г., в период восстания Болотникова, и ее составление было обусловлено стремлением смоленских дворян выступить на помощь Василию Шуйскому¹.

В статье, опубликованной в 1963 г., В.П. Мальцев пересмотрел свои выводы. Здесь он датирует составление десяти летом 1606 г. и пишет, опираясь на данные челобитных Д. Дернова, что дворян в отряде было 640 человек. Командиром отряда историк называет Ивана Макшеева, так как его оклад был

¹ Там же. С. 146—149.

выше, чем у Григория Полтева¹. Но о Г. Полтеве как о командире отряда сообщают «Новый летописец» и разрядные записи, и не доверять им нет достаточных оснований².

Причиной составления десяти В.П. Мальцев по-прежнему считал восстание И. Болотникова и что ее составление было направлено против «народного движения, возбудителем которого считались литовцы», отсюда и слова «за литовскую службу»³. Но здесь не совсем понятно, почему в десяти названо 1093 помещика, а в походе на Москву участвовало 640 дворян, и почему смоляне уходят к Москве только в конце октября 1606 г. Скорее всего, смоленские дворяне готовились в другой поход, где было необходимо большее число ратных людей.

Упоминание в заголовке десяти царя Василия Шуйского говорит о том, что она была составлена между 18 мая — 1 сентября 1606 г. Какую же «литовскую службу» могли совершить смоленские дворяне за этот период? Восстание Болотникова началось летом 1606 г. в южных уездах. У правительства на юге тогда было достаточно войск, которые собрал Лжедмитрий I для войны с Турцией. И значит, летом 1606 г. необходимость верстать смоленских дворян для похода на Москву еще не возникла. И вряд ли составители десяти поход к Москве могли назвать «литовской службой», к столице выступили не враждебные силы из-за рубежа, а жители южных уездов. Только в сентябре восстание стало реальной угрозой для новой власти, и правительство могло послать в Смоленск грамоты с требованием направить местных детей боярских к Москве.

К составлению десяти, на наш взгляд, правительство побудили майские события в столице. Убийство Лжедмитрия I,

---

¹ *Мальцев В.П.* Смоленская десятина 1606 г. как памятник раннего периода крестьянской войны в России начала XVII в. // Проблемы источникововедения. Т. XI... С 339—340.

² ПСРЛ. Т. 14. С. 72; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 90.

³ Там же. С. 342.

поляков, прибывших на царскую свадьбу, взятие в плен посольство А. Гонсевского могли вызвать враждебную реакцию со стороны Речи Посполитой. Правительство Василия Шуйского опасалось прихода в Россию отрядов шляхты, которая в то время выступила против Сигизмунда III. Поэтому было необходимо усилить охрану западной границы. К тому же, новому правительству было необходимо заручиться поддержкой провинциального дворянства, особенно тех уездов, которые не поддерживали Лжедмитрия I в 1604 г. Отсюда довольно большое количество верстанных дворян и наделение их высокими поместными окладами.

В 1606 г. верстание проводилось в Торопецком и Холмском уездах (эти уезды также входили в состав Литовской Украины). Если сравнить структуру трех десятен, то увидим, что дворяне в них поделены на 11 статей, а оклады лежат в пределах 100—600 четей. В смоленской десятне высший оклад составлял 700 четей, но такой оклад имел лишь один дворянин — Иван Борисович Макшеев. Одинаковые оклады в этих десятнях получили и новики: 100—300 четей¹. Напрашивается вывод, что верстание в Смоленске, Холме и Торопце происходило в одно и то же время — скорее всего, летом 1606 г., и все эти дворяне должны были нести службу на литовской границе.

Отметим еще один момент смоленской десяти. В ней записано 258 дворян, верстанных в 1605 г. Все смоленские дворяне, как сказано в ее заголовке, «емлют жалование из четверти», т.е. они вошли в разряд четверчиков — элиту Государева двора. Тем самым дворяне 1605 г. верстания были приравнены к тем, кто был верстан в 1606 г. Как известно, денежное жалованье четверчиков было выше, чем у городских дворян, и они стояли в служебной иерархии на более высокой ступени, чем рядовые городские дворяне, и обычно в четверчики входили выборные

¹ АМГ. Т. 1. № 43.

и дворовые. В смоленской десятне в четверчки записаны и городовые¹. Это свидетельствует о стремлении правительства Василия Шуйского заручиться поддержкой смолян.

Таким образом, составление смоленской десятни 1606 г. было связано не с восстанием И. Болотникова, а со стремлением верховной власти укрепить западную границу и найти опору среди провинциального дворянства в условиях разобщенности всего служилого сословия.

Формирование отряда Г. Полтева началось, скорее всего, в октябре 1606 г., что было связано с подходом повстанческой армии к Москве. Отправляя дворян к столице, смоленские воеводы посчитали необходимым оставить для обороны границы значительные силы. Именно поэтому в отряд вошли далеко не все дворяне, верстанные летом 1606 г. Помня осень 1604 г., воеводы западных городов боялись прихода военных отрядов из Речи Посполитой.

В смоленский отряд также вошли даточные ратники и стрельцы. Исходя из того факта, что осенью 1610 г. под Смоленск из Москвы прибыли смоленские стрельцы приказа Оболенева, а в 1609 г. на соединение с армией М.В.Скопина-Шуйского ушли приказы В. Чихачева и А. Зубова, то, скорее всего, приказ Оболенева (450 человек) входил в отряд Г. Полтева и оставался в Москве с 1606 г. В походе к Москве участвовали и дворяне Рославля. Андрей Маслов писал в челобитной 1611 г.: «как посланы под Можайск... 1606 осенью»², что можно связать с участием в походе Григория Полтева. Число ратников В.П. Мальцев определил в 280—300 человек³. Общая численность отряда, надо полагать, достигала 1,5 тыс. человек.

30 октября смоленский отряд выступил к Москве. В его авангарде было 640 «лучших слуг», за которым шли «иные

¹ ЧОИДР. Кн. 2. 1912. С. 5—187.

² ЧОИДР. Ч. II. 1916. № 97. С. 79

³ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... С. 149.

отряды смолян, составленные из служилых людей и стрельцов»¹. По пути отряд освободил от «воров» Дорогобуж и Вязму. В родословной Дивовых сказано, что на реке Осме, под Дорогобужем, смоляне разгромили отряд болотниковцев. «Повесть о победах Московского государства» говорит о бое под Царевым Займищем: «...и ту множество воров и их людей побиша, и иных поимаша...»². К смолянам присоединилось дворянство Вяземского и Дорогобужского уездов, а также дворяне Серпейска. В состав отряда вошли и даточные Болдинского монастыря. 16 декабря 1606 г. у старца Таисия было взято 2 гривны, «что у него остались за расходом как ездили в Дорогобуж с даточными людьми»³.

15 ноября отряд прибыл под Можайск, где соединился с войсками И.Ф. Крюк-Кольчева и князя Д.И. Мезецкого, посланными сюда из Москвы и освободившими Волок Ламский «и прочие окрестные грады». И вновь смоляне «воров побили, и Можайск взяли»⁴. Из Можайска три полка двинулись к Москве.

В поддержку Василия Шуйского выступили и бельские дворяне, правда, в источнике не названо ни их количество, ни время выступления⁵.

Точная дата прихода отряда Г. Полтева к Москве неизвестна. В рукописи митрополита Филарета сказано: «егда же воеводы начальницы московского воинства по повелению цареву идоша против северских людей на Котел, и тогда придоша к царю Василию смоляныне, и царь повелел им итти на рязанцев

¹ Восстание Болотникова... С. 320.

² РГАДА. Ф. 260. Оп. 2. Д. 60 Л. 82 об; Повесть о победах Московского государства... С. 6.

³ РИБ. Т. 37. Стб. 252.

⁴ Разрядная книга. 1475—1605... С. 103; РГАДА. Ф. 260. Оп. 2. Д. 60. Л. 82 об.

⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 244.

и каширян»¹. Наступление царских войск началось 29 ноября и, согласно рукописи, именно в этот день смоляне пришли к Москве. Эту дату называет Р.Г. Скрынников². По данным «Нового летописца», смоляне были в Москве еще за день до генерального сражения: «На завтрее же прихода смолян боярин Михайло Васильевич Шуйский (Скопин-Шуйский. — С.А.) с товарищами поиде к Коломенскому на воров...». Похожее известие находим у Н.М. Карамзина: «смоляне пришед стали в Новодевичьем монастыре»³. Если бы смоляне пришли 29 ноября, то они, скорее всего, сразу были бы посланы в бой. Став у Новодевичьего монастыря, смоленский отряд оказался в тылу. Дату 28 ноября приводил И.И. Смирнов. Историк также считал, что 28 числа подошел лишь передовой отряд смолян, и их подход продолжался до 1 декабря, что и нашло отражение в грамоте Гермогена⁴. Но если смоляне уже 29 числа были посланы в бой, то, скорее всего, весь отряд уже был под Москвой, посылать смолян в бой по частям не было необходимости. В.Н. Козляков датой прибытия смолян в Москву также называет 28 ноября⁵. По всей вероятности Смоленский отряд прибыл в столицу именно в этот день.

Сражение под Москвой в конце ноября — начале декабря 1606 г. в источниках освещено крайне лапидарно. Многие историки постарались восстановить его ход. И.И. Смирнов строит свои умозаключения на основе «Иного сказания», Р.Г. Скрынников привлекает другие источники. В нашу задачу не входит подробное изложение событий 29 ноября — 2 дека-

¹ Восстание Болотникова... С. 122—123.

² Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. Иван Болотников... С. 143.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 72; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. М., 1990. Пр. № 82. Стб. 22.

⁴ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 315.

⁵ Козляков В.Н. Смута в России... С. 205.

бря 1606 г., мы лишь постараемся выяснить, где же конкретно смоленский отряд вел бои с повстанцами. Сражение под Москвой началось 26 ноября, когда Пашков попытался занять Красное село и Рогожскую слободу, стремясь окружить Москву со стороны Ярославской дороги. Здесь произошел бой у села Карачарова на Яузе. Но взять Красное Село повстанцы так и не смогли. На следующий день войска Василия Шуйского атаковали болотниковцев в Замоскворечье, но все свелось лишь к перестрелке. 28 ноября подошли отряд Г. Полтева и другие ратные силы, о чем писал Гермоген, что усиливало правительственные войска, и воеводы решились на генеральное наступление. Царские войска, стоявшие южнее Москвы, были разделены на два полка. Серпуховскую дорогу занял полк И.И. Шуйского, где воеводами были князь Иван Васильевич Голицын, Михаил Борисович Шеин, Иван Крюк-Колычев. Восточнее, ближе к Коломенскому, был выдвинут полк князей М.В. Скопина-Шуйского, А.В. Голицына и Б.П. Татеева. Смоленяне были определены в полк И.И. Шуйского и стали у Новодевичьего монастыря на Сетуне¹.

29 ноября началось генеральное сражение. Основные силы Болотникова располагались у сел Коломенское и Заборье, последнее находилось недалеко от Данилова монастыря. По словам И. Массы, Заборье было сильно укреплено «шанцами, и у них (казаков — С.А.) было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда, плотно набили их сеном и соломой, полили водой, что все смерзлось, как камень»². 29 ноября полк И.И. Шуйского наступал от Донского монастыря по Серпуховской дороге. Смоленяне, находясь в авангарде, атаковали казачий лагерь в Заборье. Полки И. Шуйского два дня осаждали болотниковцев, «но не смогли одержать победу, а сами

¹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 90.

² Масса И. Указ. соч. С. 162.

понесли большие потери»¹. В эти дни М.В. Скопин-Шуйский занял Данилов монастырь, что ухудшило положение осажденного войска. На третий день осады к Заборью выступил Истома Пашков, но в тот же день перешел на сторону Василия Шуйского. Это произошло 1 декабря, а на следующий день И.И. Шуйский и М.В. Скопин-Шуйский, оставив часть сил под Заборьем, атаковали Болотникова в Коломенском. В этом сражении принял участие и отряд Г. Полтева, о чем говорят слова «Нового летописца»: «и смоляне пришед в сход Шуйскому (Скопину-Шуйскому. — С.А.)». Повстанцы потерпели полное поражение. После чего воеводы «со всеми ратными людьми приступаху к Заборью»². Казаки не выдержали атаки, часть из них сдалась «за крестным целованием», и царские дружины ворвались в обоз. Участник этого боя, смоленский дворянин Воин Дивов сообщал: «пришед к Москве, ходили бояре на Болотникова в передовом полку... и перед собой послали в эртауле (авангарде. — С.А.) Воина Дивова, а с ним посланы были головы с сотнями Матфей Романов сын Уваров, да Дмитрий Полуектов, да Павел Головачев. И воров в Заборье побили и с сенучем к боярам послан от Воина Дивова Юрья Григорьев сын Башмаков»³.

Таким образом, смоленский отряд принял активное участие в разгроме повстанческой армии. Григорий Полтев получил чин думного дворянина.

После московской победы дворяне Смоленского уезда стали одной из важных сил правительственного лагеря, что не могло не сказаться на изменении их статуса. Б.Н. Флоря, опираясь на слова «Повести о победах Московского государства», что Василий Шуйский под Тулой «близ своих царских шатров повеле смолянам ставиться, видя их к себе многую службу и ра-

¹ *Масса И.* Указ. соч. С. 163. ПСРЛ. Т. 14. С. 73.

² Там же.

³ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 60. Л. 82 об.

дение, и многим дворянам града Смоленска повеле близ себя, государя, быти...», считает, что с этого момента смоленские дворяне вошли «в состав тех дворянских корпораций, представители которых имели доступ к занятию военных и административных должностей на всей территории государства». В 1610—1611 гг. некоторые представители смоленского дворянства числились в боярском списке, т.е. входили в высший слой Государева двора — «московских дворян»: Петр Иванович Чихачев, Андрей Михайлович Полтев, Андрей Иванович Дедевшин, Василий Иванович Самарин, и возможно, они оказались в этом списке в 1607 г., после разгрома Болотникова¹.

После поражения под Москвой Болотников отступил к Серпухову, а затем к Калуге. 13 декабря к Калуге выступил князь Иван Шуйский, в авангарде шел князь Д.И. Мезецкий со смоленским отрядом. Об участии смолян в преследовании повстанцев говорит рукопись Филарета: «А северские люди и смоляне гнашися по ним и множество побиша, а многих поимаша... останцы же поидоша до града Калуги»². В грамоте пропущено слово «побегоша», и ее следует читать: «северские люди побегоша и смоляне гнашася по ним...».

Правда, Д.П. Маковский считал, что «... смоленские полки после боя под Москвой вернулись в Смоленск через Можайск, Вязьму и Дорогобуж, где подавляли восстания, и под Калугой они не могли быть»³. Но данное высказывание противоречит источникам. О своем участии в осаде Калуги и Тулы пишет Д. Дернов. Дорогобужский помещик Афанасий Неелов в челобитной, датированной зимой 1611 г., сообщал, что его брат погиб под Калугой четыре года тому назад, т.е. зимой 1607 г. Об участии смолян в осаде Калуги сообщают и польские ис-

¹ ЧОИДР. Кн. 3. 1909. С. 119—120.

² Восстание Болотникова... С. 123.

³ *Маковский Д.П.* Первая крестьянская война в России... С. 365.

точники: «Смоляне не прямили царю, разъехались по своим домам с под Калуги»¹.

Согласно точки зрения И.И. Смирнова, смоленский отряд в декабре 1606 г. был разделен. Одна его часть пошла к Калуге, другая в Смоленск, где участвовала в подавлении крестьянских восстаний. Похожее высказывание находим у А.А. Кондрашенкова: «По всей вероятности, часть повстанческих отрядов после Московского сражения ушла в пределы Смоленского края, что привело к активизации борьбы местных повстанческих отрядов крестьян и холопов», для подавления которых и использовались смоленские дворяне².

Говоря о восстании на Смоленщине, историки ссылаются на письмо старосты Орши Андрея Сапеги Петру Воловичу, в котором литовский магнат сообщал: «... Северяне собравшись с иными, казаки донские ходили весной и взяли было Дорогобуж, и Вязьму, и Борисов город, и Вязьму, и около Москвы воеводы... тех северян многих побили, больше 20 000, а иные побежали к Калуге, и за ними пошли государевы братья, и в Калуге их осадили. А к Дорогобужу, де и к Вязьме, и к Можайску ходили смоляне на тех воров, и те города опять государю отворотили»³. На первый взгляд выходит, что смоляне ходили к Дорогобужу, Вязьме и Можайску уже после сражения под Москвой. Но, во-первых, непонятно, почему А.Сапега, перечисляя города, первым городом от Москвы называет Дорогобуж, а не Можайск. Во-вторых, союз «а» отделяет первую часть сообщения, где говорится о восстании в целом, от второй части, в которой сообщается о походе смолян. Противопоставление двух частей свидетельствует о том, что вторая часть является

¹ Восстание Болотникова... С. 320; РИБ. Т. 2. С. 703; РИО. Т. 137. С. 380.

² Смирнов И.И. Указ. соч. С. 329; Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 43.

³ РИО. Т. 137. С. 360.

новым сообщением, и она не следует из первой части. И потому слова письма о походе смолян нельзя рассматривать как тот факт, что смоляне ходили к вышеперечисленным городам после разгрома восставших под Москвой. Данный вывод подтверждают слова «на тех воров», т.е. на «воров», которые были под Москвой. Тогда становится понятным, почему города перечисляются в таком порядке, а не в обратном.

Таким образом, письмо А. Сапеги не подтверждает вывода И.И. Смирнова о походе смолян назад в декабре 1606 г. И потому нет достаточных оснований говорить о крестьянских восстаниях в Смоленском крае зимой 1606—1607 гг.

Ничего не говорит о походе смоленских дворян назад и «Повесть о победах Московского государства». Автор повести пишет, что они после победы под Москвой ходили в полку И.И. Шуйского и И.Н. Романова под Калугу и стояли там до весны¹.

В конце февраля 1607 г. смоленский отряд Г. Полтева участвовал в сражении на реке Вырке под Калугой. В этом бою смоляне снова были в авангарде: «Боярин Иван Никитич (Романов. — С.А.) послал Воина Дивова перед собой с сотнею на воров, и воров побили — на голову, и воевод их поимали». На этом деле В. Дивов был ранен в руку, вскоре он был пожалован по московскому списку, и государь «велел ему ходить в переднюю, свои государския очи видети»². Осенью 1606 г. смоленские дворяне участвовали в осаде Болотникова в Туле.

Но вернемся к событиям зимы 1607 г. В этот период начался второй этап восстания И. Болотникова, который связан с появлением нового самозванца — Лжепетра. О нем Н.И. Костомаров писал: «явление Петра поддержало восстание, а ина-

¹ Повесть о победах Московского государства... С.7.

² РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 60. Л. 82 об.

че оно могло бы угаснуть, когда не появился Дмитрий. Новое лицо царского достоинства, удачно спасшееся, не давало успокоиться взволнованному воображению»¹.

Лжепетр еще летом 1606 г. с донскими и терскими казаками выступил к Москве и в ноябре прибыл в Путивль. В декабре он побывал в Белоруссии, где встречался со старостой Орши Андреем Сапегой. Здесь самозванец пытался найти поддержку своей интриге среди польских магнатов. И.О. Тюменцев высказывает мнение, что в Белоруссии его готовили на роль Лжедмитрия II². На обратном пути Лжепетр, возможно, посетил Рославль, как и ряд других приграничных городов, где заручился поддержкой местного воеводы князя Д.В. Мосальского³.

Вскоре Д.В. Мосальский направил грамоту в Мстиславль местному старосте Петру Пацу с просьбой прислать в Рославль «... всяких людей на государевых изменников на смолян, на дорогобужан, на серпян... а прислал... к нам своих ратных людей с тысячу». В Мстиславль для набора ратных людей поехали посадские люди Дмитрий Суханков и Григорий Кровоупсков⁴. Из данной грамоты следует, что Рославль на втором этапе восстания перешел на сторону повстанцев. Мятеж возглавил воевода Д.В. Мосальский, которого поддержало посадское население города. В мятеже приняли участие и рославльские дворяне. В летней грамоте Мосальского во Мстиславль упомянут местный дворянин Лев Челюсткин. Мятеж поддержали и казаки (летом 1606 г. в Рославле находилась казачья станица Шимова, в количестве 70 человек)⁵.

¹ Костомаров Н.И. Смутное время... С. 351.

² Тюменцев. О. Смута в России в начале XVII в. ... С. 78—79.

³ Крашенинников В. Взгляд через столетия. Очерки по истории Брянского края. Тула, 1990. С. 140.

⁴ АИ. Т. 2. № 75. С. 100—100.

⁵ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 89. С. 74.

Не до конца решен вопрос о датировке грамоты Д.В. Мосальского. В.Д. Назаров и Б.Н. Флоря относят ее к калужскому периоду восстания Болотникова, т.е. декабрь 1606 — апрель 1607 гг. В.В. Крашенинников датирует грамоту первой половиной января 1607 г. А.А. Кондрашенков относит ее к зиме 1607 г.¹ Скорее всего, грамота была написана вскоре после поездки Лжепетра в Белоруссию и посещения им Рославля, тогда же Мосальский и был втянут в самозванческую интригу, и вряд ли воевода откладывал написание грамоты до апреля. Скорее всего, мятеж в Рославле и написание грамоты произошли одновременно в январе или феврале 1607 г. Нельзя отрицать и факт посылки таких грамот в другие города Белоруссии — Оршу, Могилев, Кричев.

Весной 1607 г в Рославль из Мстиславля прибыли два ротмистра, Ботвинья и Фурс, с двумя ротами солдат (170 человек). Именно с этим событием В.Д. Назаров и Б.Н. Флоря связывают отъезд смолян из-под Калуги: «смоляне не прямил царю, и разъехались по домам»². Но надо полагать, далеко не все смоленские дворяне покинули армию Василия Шуйского, о чем свидетельствует челобитная Д. Дернова, где он сообщает о своем участии в осаде Тулы. Об этом говорит и «Родословная Дивовых»: «...и как государь стоял под Тулою, и Воин Дивов из государева полку был письменная голова с сотнею». В «Повести о победах Московского государства» сказано, что царь Василий Шуйский под Тулою «близ своих царских шатров повелел смольнянам ставиться, видя к себе многую службу и радение»³.

¹ Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Крестьянское восстание... С. 342; Крашенинников В. Указ. соч. С. 141; Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 43.

² Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 340.

³ Восстание Болотникова... С. 320; РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 60. Л. 82 об.; Повесть о победах Московского государства... С. 8.

О событиях в Рославле зимой 1607 г. Д.П. Маковский пишет: «Собрав шайку воров и убийц, Мосальский грабил беззащитное население Рославльского и Смоленского уездов. Мало того, этот авантюрист и изменник Родины... подговорил Мстиславльского воеводу Петра Паца выступить с ратными силами на захват Смоленска и других городов, чтобы расчислить путь второму самозванцу, тоже польскому ставленнику»¹. С данной точкой зрения согласиться невозможно. Чтобы понять политику Д.В. Мосальского, необходимо остановиться на личности рославльского воеводы.

Князь Дмитрий Васильевич Мосальский являлся ближним родственником князя Василия Рубец-Мосальского, который был одним из первых бояр при Лжедмитрии I. Князь Дмитрий сам служил первому самозванцу. Весной 1605 г. Лжедмитрий послал его взять Калугу, а в начале 1606 г. он служил воеводой левой руки в Кашире².

После свержения самозванца Василий Рубец-Мосальский был послан воеводой в Карелу. Дмитрий Мосальский прибыл на Рославльское воеводство при Василии Шуйском летом или осенью 1606 г. В начале его царствования рославльским воеводой разряды называют С.И. Башмакова³. Карьера воеводы в приграничном городишке вряд ли могла удовлетворить человека, занимавшего не последнее место в московской иерархии. Рославльское воеводство фактически ставило крест на будущей карьере князя. Поэтому появление Лжепетра явилось для него возможностью вновь обрести утерянное положение. Но Д.В. Мосальский не был ставленником Речи Посполитой и изменником родины, он служил законному, с его точки зрения, государю.

---

¹ *Маковский Д.П. и другие.* Рославль. Смоленск, 1952. С. 50—51.

² *Белокуров А.С.* Указ. соч. С. 139, 155.

³ Там же. С. 84.

Логика гражданской войны создавала новые рамки поведения. Раскол страны на два лагеря порождал стремление у ряда лиц добиться улучшения своего положения, опираясь на всевозможных самозванцев.

Весной 1607 г. Болотникову удалось вырваться из Калуги, он отошел в Тулу, где стоял «царевич Петр». В мае от «царевича» в Рославль пришла грамота, в которой он благодарил «за радение и службы прибывших в Рославль из Мстиславля ротмистров Ботвинью и Фурса...». Им Лжепетр приказывал и идти «в Брянск на соединение с брянским головой Третьяком Балобановым», и далее «под Мещовск нашим делом промышляти и з головами вместе за один»¹. Литовские ротмистры вместе с брянчанами должны были выступить против воеводы Артемия Измайлова, который, став в Мещовске, создал угрозу брянским и рославльским коммуникациям восставших.

Лжепетр также просил Д.В. Мосальского направить грамоту в Мстиславль с просьбой прислать еще ратных людей. Во второй грамоте Д.В. Мосальский писал: «Послати вам в литовские грады о том, чтоб вам лучшим панам, собравшимся с великим войском, литовскими людьми итти государю нашему служить против их царских изменников, и велена нам вам послати посланцев своих из Рославля нароком, и велено у вас в городе, и по торгам, и по слободам охочих всяких людей кликати. Набранные войска часа немедлючи должны итти под Тулу»². Пришли ли новые польские отряды в Рославль летом 1607 г., неизвестно.

Анализируя комплекс «рославльских грамот», В.Д. Назаров и Б.Н. Флоря приходят к выводу, что обе грамоты были составлены от всех сословий города, которые в годы гражданской войны представляли собой «межсословное объединение

---

¹ Цит. по: Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 342.

² Там же. С. 343.

населения Рославльского уезда (рославльские дворяне и дети боярские, стрельцы, казаки, пушкари, затинщики и всякие посадские и желецкие люди)». Далее историки, ссылаясь на грамоту Д.Т. Трубецкого в Рославль от 3 сентября 1611 г.¹, пишут, что в 1611 г. главную роль в межсословном объединении играло рославльское дворянство, тогда как в 1607 г. «реальные отношения между отдельными сословными группами должны были носить иной характер»². Правда, какой характер должны были носить эти отношения, они не указывают. И.С. Шепелев, анализируя события в городах в период гражданской войны, пишет: «В соответствующих условиях развитие форм местного сословного представительства способствовало укреплению позиций социальных низов. Формально находившиеся у власти воеводы были вынуждены действовать в соответствии с пожеланиями социальных низов»³.

Данные высказывания характерны для советских историков, которые рассматривали восстание Болотникова как составную часть крестьянской войны, где, по их мнению, социальные низы играли главную роль. Но на первом этапе гражданской войны, в том числе и в восстании Болотникова, главной движущей силой выступали дворяне и казаки северских уездов, к которым по своему социальному положению было близко и дворянство Рославля, и когда воевода предложил им перейти на сторону восставших, они согласились, предвидя улучшение своего материального положения. Об этом говорит упоминание в грамоте Льва Челюсткина и переход рославльских дворян на сторону Лжедмитрия II летом 1607 г. Рославльский посад был малочисленным и, скорее всего, зависимым от воеводской власти. Поэтому агитация воеводы могла спровоцировать

---

¹ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 98. С. 79—80.

² Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 351.

³ Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 250.

рославльское население к переходу на сторону Болотникова. Из источников следует, что все управление городом в 1607 г. находилось в руках Д.В. Мосальского. Поэтому главную роль в межсословном объединении в Рославле в 1607 г. играло местное дворянство, о чем говорит грамота 1611 г. Посадские в Рославле занимали подчиненное положение, что объяснялось участием в мятеже как дворян, так и воеводы. И нет достаточных оснований противопоставлять события 1607 и 1611 гг. Восстание в северных городах в 1609 г. против Лжедмитрия II произошло в условиях раскола уездного дворянства, часть которого поддерживала самозванца, и тогда главную роль в межсословных объединениях играл посадский мир. Но сравнение этих событий с рославльскими некорректно. Посады северных городов были намного богаче посада Рославля, и посадское население на севере в 1609 г. чувствовало себя намного свободнее, чем посадские Рославля в 1607 г.

Но как бы то ни было, Рославль являлся единственным городом Смоленского края, открыто поддержавшим восстание Болотникова, где в восстании приняли участие все слои рославльского населения. Переход Рославля на сторону восставших был обусловлен как небольшой обеспеченностью дворян уезда землей, так и отсутствием в городе большого посадского населения с устойчивыми торговыми интересами. Нельзя отрицать и тот факт, что агитация Лжепетра и собственные интересы Д.В. Мосальского оказали немалое влияние на отношение рославльчан к правительству Василия Шуйского. Экономическая задавленность рославльчан с одной стороны и агитация Лжепетра и Мосальского с другой способствовали переходу Рославля в лагерь самозванца.

Осенью 1607 г. завершился второй этап гражданской войны, Болотников и Лжепетр капитулировали в Туле. Лжедмитрий II, объявившийся к этому времени в Стародубе, еще не имел достаточных сил противостоять царским войскам.

Смоленский край на втором этапе гражданской войны оказался в эпицентре важных событий. Дворянство Смоленского, Вяземского, Дорогобужского и Бельского уездов не поддержало Болотникова, приняло сторону Василия Шуйского и сыграло важную роль в разгроме повстанцев под Москвой. В то же время Рославль зимой 1607 г. перешел на сторону повстанцев и на некоторое время стал тыловой базой восстания. Здесь формировались воинские контингенты, отсюда посылались отряды на помощь Болотникову, а воевода Д.В. Мосальский стал связующим звеном между повстанческой армией и польско-литовской шляхтой.

Говоря о крестьянском движении в крае в данный период, необходимо отметить, что современное состояние источников не позволяет говорить о крупномасштабном крестьянском движении. Письмо А. Сапеги не является доказательством этого. Отсутствие оппозиционных выступлений в смоленских деревнях было связано, в первую очередь, с удаленностью Смоленского края от основного театра военных действий; казачьи отряды, действовавшие на Смоленщине, были малочисленными и не могли создать серьезной угрозы помещичьему землевладению. Второй причиной отсутствия такого движения была поддержка местным дворянством центральной власти. В заокских уездах сами дворяне выступили против центра, и в таких условиях крестьянам было намного легче войти в состав повстанческой армии, тем более что сама эта армия проходила через эти уезды. На Смоленщине помещик продолжал осуществлять всю власть в деревне, и в таких условиях, при отсутствии внешних повстанческих сил, смоленское крестьянство оказалось неспособным выступить в поддержку восставших.

Раскол Смоленской земли в 1606—1607 гг. произошел не по классовому принципу, а по отношению населения к получаемому доходу. Гражданская война разделила, прежде всего, более обеспеченное дворянство северных уездов Смоленщины

и экономически слабое дворянство Рославлавльского уезда. Раздел произошел и между богатыми посадами Смоленска и Вязьмы и бедным посадом Рославля. В то же время необходимо отметить, что переход Рославля на сторону восставших в значительной степени был обусловлен его близостью к эпицентру восстания и той связью, которая установилась между Лжепетром и Д.В. Мосальским зимой 1607 года.

3.2. УСИЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПЕРИОД ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II. 1607—1609 ГГ.

Осенью 1607 г. начался третий этап гражданской войны, который связан с именем второго Лжедмитрия. Если Григорий Отрепьев обладал определенными способностями и талантами, о чем пишут его современники, то его тезка, вышедший из Могилевской тюрьмы, был совершенно не способен выполнять ту роль, на которую его выдвинули. С самого начала своего «царствования» он попал в полную зависимость от польско-литовской шляхты. Огромная роль поляков при Лжедмитрии II является особенностью третьего этапа гражданской войны.

Еще одной особенностью третьего этапа было постепенное ослабление движения социальных низов. Этому способствовали действия отрядов польской-литовской шляхты, которые все больше олицетворяются с польской интервенцией, а сам самозванец в глазах простого народа теряет имидж «добраго царя».

Лжедмитрий II объявился в Стародубе в июне 1607 г. с несколькими десятками белорусских шляхтичей. Вскоре к нему стали прибывать ратные люди из окрестных городов. Среди прибывших были дворяне Рославля Василий Саврасов с детьми и Василий Рыков, которые получили жалованные грамоты на поместья. В сентябре Лжедмитрий II прислал грамоту

в Рославль воеводе и окольниковому Дмитрию Мосальскому: «Дать поместье Остапковичи вдове Константина Маслова» в 70 четей¹. Связь Д.В. Мосальского со Стародубом говорит о том, что рославльский воевода, который был связующим звеном между центром восстания и Речью Посполитой, теперь становится таким же звеном между Болотниковым и Лжедмитрием II, и уже летом 1607 г. получил от последнего чин окольногого². Известный из рославльских грамот Лев Челюстин в 1607—1610 гг. также служил Лжедмитрию II. Он был воеводой в Почёпе, и после занятия города поляками отъехал к королю под Смоленск³.

В то же время часть рославльских дворян в эти годы находилась в лагере Василия Шуйского. В жалованных грамотах Сигизмунда III 1610 г. женам рославльских дворян Ивана Дурова и Андрея Маслова сказано, что их мужья служат в Москве. А. Маслов в своей челобитной 1611 г. писал о своей службе Василию Шуйскому во время «московского сидения», т.е. летом 1608 г.⁴ Скорее всего, это были те дворяне, которые входили в состав отряда Григория Полтева.

В начале сентября 1607 г. самозванец с 8-тысячной армией выступил к Брянску. Еще до подхода его армии в город прибыл отряд Е. Безобразова из Мещовска, сжег крепость и ушел назад. 18 сентября Василий Шуйский направил грамоту в Мещовск воеводе Г.Ф. Самбулову с приказом идти в Брянск. В ней было сказано: «из Смоленска велели послати во Брянск всех детей боярских и стрельцов всех...»⁵. Лжедмитрий II, не задержавшись в Брянске, двинулся к Туле, но в октябре вернулся в Стародуб, а затем снова пошел к Брянску

¹ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 91. С. 74—75.

² ЧОИДР. Ч. 1. 1848. С. 74—75.

³ АЗР. Т. 4. № 183. С. 334

⁴ АЗР. Т.4. № 183. С. 334; ЧИОИД. Кн. 2. 1916. № 97. С. 79.

⁵ Акты Юшкова. № 41. С. 289—290.

и осадил его 9 ноября. «И тесноту велику Брянеску сделаша». К этому времени город был занят воеводами М.Ф. Кашиным и А.И. Ржевским, в войске которого находились смоленские дворяне из отряда Г. Полтева, о чем свидетельствует челобитная Д. Дернова, и дворяне и стрельцы из Смоленска¹. Осада Брянска продолжалась до 15 декабря. В этот день к городу подошел воевода князь В.Ф. Литвинов-Мосальский, переправился через Десну и разбил войска самозванца. 16 декабря Лжедмитрия II атаковал князь И.С. Куракин, но успеха не добился. После чего воеводы отошли к Карачеву, а самозванец — в Орел.

Скорее всего, в конце 1607 — начале 1608 г. царские войска заняли Рославль. В 1608 г. мы здесь видим воевод, прибывших из Москвы: князя Юрия Дмитриевича Хворостинина и Ивана Романовича Безобразова². Князь Д.В. Мосальский продолжал служить самозванцу. Есть известие, что в 1609 г. он был воеводой Костромы и погиб во время восстания горожан³.

Осенью 1607 г. в Россию хлынул поток польско-литовской шляхты, которая спешила на помощь Лжедмитрию II. Польские отряды действовали не только на Северщине, но и на Смоленском направлении. Об этом свидетельствует грамота, присланная воеводе М.Б. Шеину в Смоленск. Ю.В. Готье датирует ее 1607 г. Упоминание в грамоте М.Б. Шеина говорит о том, что она была написана не раньше октября, так как до этого времени воевода находился под Тулой. В ней сообщалось: «Петр Пац... с мстиславской шляхтой хочет идти под Смоленск, пан Глебович тягнет с людом и с силой великой до Дубровны, и мает итти под Смоленск зимой... пан Миностимский с другим старостой Сенецким хотят добыть Москву под

¹ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 12; Восстание Болотникова... С. 320.

² Белокуров С.А. Указ. соч. С. 98.

³ ААЭ. Т. 2. № 94. С. 192.

копом великим санным, а как не добудут и хочут отступить под Смоленск с войсками»¹.

Угроза Смоленску со стороны Речи Посполитой осенью 1607 г. заставила правительство Василия Шуйского назначить воеводой в Смоленск боярина Михаила Борисовича Шеина. Остановимся на личности воеводы более подробно.

М.Б. Шеин принадлежал к московской боярской аристократии. Родоначальником рода Шеиных был воевода московского князя Семена Гордого — Семен Иванович, от которого пошли многие боярские фамилии: Морозовы, Филимоновы, Салтыковы, Скрябины, Тучковы, Шеины. Последние вели свой род от Василия Михайловича Шеи, воеводы великого князя Василия Васильевича Темного. При Иване Грозном Шеины входили в состав Боярской думы, где имели чин боярина. Боярином был и отец смоленского воеводы Борис Васильевич, который погиб в 1579 г. Михаил Шеин впервые упомянут в разрядах в 1595—1596 гг. в качестве царского рынды. Отсюда можно сделать вывод, что он родился во второй половине 70-х гг. XVI в., так как обычно рындами были юноши до 20 лет. С 1603 г. М.Б. Шеин служит в южных уездах, сначала воеводой Передового полка в Новосиле, затем воеводой Большого полка в Мценске, откуда он был послан против Лжедмитрия I. Участвовал Шеин в бою под Добрыничами (21 января 1605 г.), где спас главнокомандующего, князя Ф.И. Мстиславского, и был им отправлен в Москву с вестью о победе. Борис Годунов пожаловал вестника в чин окольничего и назначил воеводой в Новгород-Северский. Летом 1605 г. М.Б. Шеин снова воевода Большого полка во Мценске при Василии Шуйском он был послан воеводой Большого полка в Ливны, где его и застало восстание Болотникова. Из Ливен «Михайло Борисович... утек душой и телом, а животы ево и дворянские пограбили». Позже его по-

---

¹ Памятники обороны. № 1. С. 1.

сылают под Елец против «воров» воеводой Передового полка. Осенью 1606 г. М.Б. Шеин — воевода Передового полка под Москвой. В 1607 г. он участвует в осаде Калуги и Тулы. Из-под Тулы М.Б. Шеин в октябре 1607 г. был направлен воеводой в Смоленск вместе с князем Петром Ивановичем Горчаковым¹. Тогда же он получил чин боярина.

Направление М.Б. Шеина в Смоленск было не случайным. Несмотря на молодость (ему было примерно 30 лет), Михаил Борисович участвовал во многих сражениях, где проявил себя способным военачальником. Не был он связан и с теми, кто поддерживал обоих самозванцев. Аристократическая принадлежность восводы не позволяла ему перейти в лагерь служилой мелкоты. В условиях обострения обстановки на западных границах кандидатура М.Б. Шеина на пост смоленского воеводы была одной из лучших, и, как показали последующие события, Михаил Борисович блестяще справился с возложенными на него задачами.

Прибыв в Смоленск, М.Б. Шеин первым делом создает агентурную сеть за рубежом, прежде всего в Восточной Белоруссии, для получения достоверной информации о действиях польско-литовских войск и настроении шляхты. Уже весной 1608 г. лазутчики Романенков и Хохряков начали доставлять сведения из-за рубежа.

Весной 1608 г. произошло резкое изменение обстановки в России, которое втянуло в водоворот гражданской войны и Смоленскую землю. В апреле Лжедмитрий II со своим воинством двинулся к Москве и 11 мая под Болховом разбил армию Ивана Шуйского, после чего его войска перешли Угру. Вскоре ему сдался Можайск, и уже 1 июня передовые части самозванца стали подходить к столице. «Царик» обосновался в Туши-

¹ Разрядная книга 1475—1605. Т. IV. Ч. 2. С. 60, 67, 79, 82, 97; Белокурова С. А. Указ. соч. С. 7, 10, 12, 75, 85; Массе И. Указ. соч. С. 90; ПСРЛ. Т. 34. С. 244.

но (северо-западная окраина Москвы). Его успехи привели к тому, что огромная территория к югу от Москвы признала его власть.

Наступление Лжедмитрия II потребовало от М.Б. Шеина принятия ряда мер по укреплению Смоленска. Тем более, что в апреле в город пришла грамота от самозванца, в которой он просил смолян «служить и прямить ему по прежнему»¹. Во избежание какой-либо «шатости» среди жителей воевода дал две наказные памяти посадским людям. Городскому голове Казимирову было приказано: «... ездить в Смоленску, и на посаде, и в слободах, и от Городни до Щекиной в старом деревянном городе, от Крылашовских ворот по Пятницкие ворота, и от Днепровских ворот до Духовские ворота (Лазаревские. — С.А.) по все дни, по утру, и вполден, и вечером и беречи того накрепко, чтоб единолично на посаде, и в слободах воровства, и грабежей и всякого дурна, и корчем, и зерни, и блядни ни у кого не было... изб и мылен летом не топили... и в ночи б никто с огнем ни сидел». Такая же память была дана и посадским старостам Даниилу Жилину и Купру Щихину: «... чтоб на всех дворах ставили бочки с водой, и у мастеровых людей кузницы запечатати... и в городе, и на посаде переписать дворы посадские, чтоб от того дня, и в городе, и на посадах было бережение и воровства никакого не было»².

Летом 1608 г. положение Москвы было сложным. Город второй раз за годы гражданской войны оказался в осаде. Василий Шуйский обратился к смолянам с призывом идти к Москве и освободить ее от «воров».

В защите Москвы летом 1608 г. принимал участие и смоленский отряд Г. Полтева. Об этом сообщает «Повесть о победах Московского государства». 25 июня 1608 г. он участвовал

¹ РГАДА. Ф. 289. Оп. 1. Ч. 2. Д. 596. Л. 161—165.

² АИ. Т. 2. № 349. С. 416—417.

в бою на Ваганьковом поле. «И тогда смольяны и иные грады литовских людей от Москвы отогнали, и многих побили, и живых побрали, и гнали их до Тушина»¹.

Но ратных людей в Москве, по всей вероятности, было немного, и Василий Шуйский обратился к М.Б. Шеину прислать в столицу новые отряды дворян. В июле в Смоленск прибыл воевода Семен Ададуrow с приказом послать к Москве «дворян, и детей боярских, и всяких ратных людей». Такие же грамоты были посланы в Вязму, Дорогобуж и Белый, чтобы дворяне этих городов «попомнив бога, и свои души, и государево крестное целование ехали бы к Москве со всею службою»². Но поход летом 1608 года не состоялся.

В июле стало известно, что к Смоленску с 7-тысячным войском идет Ян-Петр Сапега; по другим данным, у него было 1700 солдат³. 5 августа он прибыл в Любно и послал к Смоленску Яна Забоклинского с письмом Шеину, чтоб тот присягнул Лжедмитрию. 8 августа Сапега подошел к Смоленску и стал у Троицкого монастыря (на Кловке), через два дня он перешел Днепр и простоял под Прудниками до 15 августа⁴. Против Я. Сапеги М.Б. Шеин выслал стрельцов, которые имели несколько мелких стычек с поляками. После 15 августа польский отряд двинулся к Богородицкому монастырю и далее к Дорогобужу. В условиях подхода войск Я. Сапеги М.Б. Шеин не мог послать какие-либо силы под Москву, да и ратных людей в Смоленске тогда было немного.

В сентябре угроза со стороны Я. Сапеги отпала. 13 сентября Василий Шуйский посылает вторую грамоту в Смоленск с приказом «отпустить воеводу Семена Ададуrowа з дворяне, и з детьми боярскими, и со всеми ратными людьми к Москве».

---

¹ Повесть о победах Московского государства... С.9.

² Памятники обороны. № 2. С.2

³ АИ. № 92, 95. С. 123, 127.

⁴ Редков Н. Указ. соч. С. 127.

М.Б. Шеину также приказывалось послать грамоты о наборе ратных людей в Вязьму и Дорогобуж¹. Но положение к этому времени изменилось: польские отряды и казаки самозванца уже заняли вышеназванные города.

Когда конкретно были заняты Вязьма и Дорогобуж, неизвестно. По Тюменцеву, эти города были взяты в начале лета, когда войска самозванца подходили к Москве. В то же время он опровергает точку зрения И.С. Шепелева, что жители западных уездов с энтузиазмом встретили повстанческую армию. Местные дворяне, как сообщает «Новый летописец», отправили свои семьи в Москву и Смоленск². В заключение И.О. Тюменцев пишет: «Не следует придавать значение боярской и дворянской шатости в начале лета 1608 г., дворяне в то время в основной массе сохраняли верность Шуйскому»³. И это вполне естественно, так как вокруг самозванца объединились в основном те, с кем дворяне воевали год назад под Калугой и Тулой.

Изменение позиции дворянства произошло после поражения правительственных войск под Рохманцевым, недалеко от Ростова, 22 сентября 1608 г. После этого боя тушинцам открылась дорога в Замосковные уезды, что стало причиной массового исхода дворян из армии Василия Шуйского по своим домам: «И поидоша государевы люди каждо по своим градам, смолянне в Смоленск, а иные по разным градам», заявив «нашим де домам от литвы и от русских воров быть разоренными»⁴.

Вяземские и дорогобужские дворяне, вернувшись в свои уезды, уже занятые тушинцами, были вынуждены признать

¹ Памятники обороны. № 3. С. 3.

² Тюменцев О. Указ. соч. С. 156—157; Шепелев И.С.. Указ. соч. С. 191; ПСРЛ. Т. 14. С. 79.

³ Тюменцев О. Указ. соч. С. 167.

⁴ Повесть о победах Московского государства... С. 10; Казанское сказание... С. 227.

власть Лжедмитрия II. И.О. Тюменцев считает одной из основных причин перехода дворян на сторону самозванца осенью 1608 г. стремление спасти свою собственность и имущество¹.

В конце августа к самозванцу перешел Белый, бельские посадские «своровали» и сдали город в Бельском уезде, «в селе Воскорине собрались воры со всех волостей»².

Положение под Белым беспокоило правительство Василия Шуйского, в сентябрьской грамоте М.Б. Шеину царь писал: «... а если бельчане не вернуться к тебе, послати на них Семена Ададурова и впредь промыслять им под Белую, сколько бог помощи подаст, смотря по тамошнему делу». Воевода послал в Бельский уезд дворян и стрелецкие сотни. Об их деятельности ничего не известно, но в то же время «воры в Смоленском и Бельском уездах» приводили «дворян и крестьян к крестному целованию». В Бельском уезде сложился очаг мятежа, к которому стекались дворяне из близлежащих уездов³.

Таким образом, осенью 1608 г. часть дворян и посадских Дорогобужского, Вяземского и Бельского уездов перешла на сторону самозванца. Позиция этих слоев населения объясняется их стремлением защитить свою собственность от «воровских» отрядов и улучшить свое материального положения. Определенную роль здесь сыграла и сложившаяся летом 1608 г. ситуация в России. В 1606 г. раскол произошел между бедным дворянством юга и более богатым дворянством севера, и этот антагонизм был четко выражен в период восстания Болотникова. В 1608 г. при захвате войсками самозванца огромной территории, в том числе и ряда смоленских уездов, он получает возможность жаловать своим приближенным (т.е. польско-литовской шляхте) земли, и чтобы спасти свою соб-

¹ Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 241.

² АИ. Т. 2. № 93. С. 124—125.

³ Там же.

ственность, часть русского дворянства была вынуждена признать власть Лжедмитрия II и перейти к нему на службу.

Легкость, с которой дворяне центральных уездов перешли на сторону самозванца, свидетельствует о существенной перемене в настроении дворян, и эта перемена была вызвана шедшей уже 4-й год гражданской войной. Русское дворянство, разделенное на ряд сословных группировок, еще далеко не консолидированное, в период Смуты стремилось, прежде всего, улучшить свое материальное положение, независимо от того, самозванец или нет занимал русский престол. Получив ряд льгот от Лжедмитрия I и потеряв их при Василии Шуйском, часть русского дворянства теперь стремилась их вернуть при Лжедмитрии II. Вера в царя как помазанника божьего исчезла, теперь любая ватага могла провозгласить царем любого проходимца. Летом 1608 г. в России действовало более десятка «сыновей» и «внуков» Ивана Грозного. Ореол высшей власти рухнул, и каждый дворянин получил возможность выслужиться при дворе очередного самозванца. Ослабление авторитета верховной власти и материальная неудовлетворенность большей части русских дворян — вот причина, приведшая их в лагерь Лжедмитрия II.

В то же время дворянство Смоленского уезда в 1608 г. осталось верно Василию Шуйскому. Правда, В.П. Мальцев считает, что «смоленские дворяне и стрельцы склонились на сторону польских интервентов»¹. Историк ссылается на их отказ выступить к Москве в октябре 1608 г. Но отказ произошел 24 октября, а уже 30 октября смоленский отряд выступил к Дорогобужу. По этому поводу М.Б. Шеин писал царю: «Отпустили мы из Смоленска твоих государевых воевод Якова Барятинского, да Семена Ададурова, а с ними смолян, и брянчан, и серпян детей боярских восемьсот человек, архиепископских и

¹ *Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... С. 167.*

монастырских служек, и со вдов, и недорослей даточных сто тридцать семь человек, голову стрелецкого Федора Зубова, и с ним его приказ четьреста двадцать один человек стрельцов, всего тысяча триста пятьдесят ратных людей... чтоб твоим государевым восводам Дорогобуж от воров очистить, к тебе государь к Москве»¹. Мотивируя свой отказ 24 октября, дворяне говорили: «не очисти Смоленского уезда от воров и дорогобужан идти к Москве не мочно». То есть они не желали покидать Смоленский уезд в условиях, когда соседние уезды были наводнены «воровскими отрядами», но их поход к Дорогобужу свидетельствует о том, что они не признают власть самозванца и продолжают служить законному государю. Первоначальный отказ смолян, скорее всего, был продиктован не политическими соображениями, а чисто местническими интересами. Прямая угроза дворянским владениям и заставила дворян выступить к Дорогобужу.

11 ноября смоленский отряд разбил тушинцев на реке Уж — «язык, и знамена, и литавры поимали», и освободил Дорогобуж². После чего Я. Борятинский и С. Ададулов простояли в бездействии целый месяц. Этот факт ясно показывает: смоленские дворяне, прежде всего, вели борьбу с тем воинским контингентом, который напрямую угрожал их дворянскому землевладению.

Таким образом, смоленское дворянство не изменило Василию Шуйскому, но и не спешило к Москве. В первую очередь оно стремилось не допустить какие-либо ратные силы в Смоленский уезд. Осенью 1608 г. в среде смоленских дворян на первое место выходят чисто местнические интересы, что было связано с новым этапом гражданской войны, когда соседние уезды оказались в руках мятежников.

---

¹ Памятники обороны. № 4. С. 3.

² Там же.

При рассмотрении позиции смоленских дворян осенью 1608 г. возникает вопрос: почему они не перешли на сторону самозванца?

Здесь было несколько причин. Основные силы тушинцев осенью 1608 г. действовали в Замосковье, тогда как в западных уездах были лишь небольшие отряды поляков и русских «воров», которые не имели возможности захватить Смоленск. В таких условиях смолянские дворяне могли сами организовать защиту города и уезда.

В 1608 г. значительная часть смоленского дворянства служила в уезде, на защите западной границы, в то время как дворяне центральных уездов вели борьбу с войсками самозванца. Когда дворяне центральных уездов в сентябре ушли по своим домам и их уезды были захвачены тушинцами, они были вынуждены признать власть нового царя. Смоленск продолжал сохранять верность Василию Шуйскому, и у смоленских дворян не возникало желания переходить на сторону самозванца. Если дворянство центральных уездов осенью 1608 г. оказалось в самом эпицентре политической борьбы и в его среде возникли различные политические группировки сторонников и противников Лжедмитрия II, то дворяне в Смоленске находились вне этой борьбы и не делились на сторонников и противников самозванца.

Еще одной причиной, не способствующей переходу смолян на сторону Лжедмитрия II, можно считать те льготы, которые они получили в 1606—1607 гг., и они не хотели их терять. При новом царе они вряд ли могли рассчитывать на улучшение своего положения.

В условиях угрозы со стороны Речи Посполитой, при отсутствии политических группировок в среде дворянства, при наличии высокого статуса местных дворян в Государевом дворе в Смоленском уезде не могло возникнуть каких-либо проявлений измены. Отсюда можно сделать еще один вывод: в

Смоленске в 1608 г. главную роль в борьбе против тушинцев играло местное дворянство, а посадское население, поддерживающее данную позицию, занимало второстепенное положение. Этим Смоленский уезд отличался от центральных уездов, где в условиях перехода части дворян на сторону самозванца главную роль в борьбе с тушинцами играл посадский мир, который и поднял восстание против Лжедмитрия II зимой 1609 г.

В декабре 1608 г. в Смоленск от Я. Барятинского и С. Ададунова пришло известие, «что в Дорогобуже ратные люди издрагались (испугались. — С.А.) и из Дорогобужа разъехались»¹. Верный своей версии измены дворян, В.П. Мальцев пишет: «Причиной этого поступка послужила попытка представителей высшего и среднего слоя смоленского дворянства совершить переворот в Смоленске, захватить в нем власть в свои руки и перейти на сторону польских интервентов из Тушинского лагеря»². Источник, на который ссылается историк, — это письмо М.Б. Шеина в Москву от 24 января 1609 г.³

В письме воевода сообщал, что смоленский дворянин Иван Зубов шел из Москвы с царским гонцом Ладыжинским и с 29 смоленскими дворянами. В районе Боровска они были захвачены и отведены в Тушино, где И. Зубов получил грамоту от самозванца и чин думного дворянина. Из показаний сопровождавшего его человека Смирки Бордукова известно: «Иван один к вору ходил и не единого, и его Смирку укреплял, чтоб смоленских посадских людей к крестному целованию приводил, а про дворян сказывал, что его дворяня и дети боярские послушают». И. Зубов говорил, что сам напросился в Смоленск, «взял грамоты, в которых ему приказывалось взять в Смоленске царскую казну, и у смолян, у посадских, у торго-

¹ АИ. Т. 2. № 140. С. 161—162.

² Мальцев В.П. Указ. соч. С. 169.

³ АИ. Т. 2. № 140. С. 161—162.

вых, у всяких людей животы и товары взять, прислать же к вору в полки». Придя в Дорогобуж, он возбудил дворян, и «от той смуты... дворяне и дети боярские, и стрельцы, и всякие ратные люди издрагались, и из Дорогобужа разъехались». Далее М.Б. Шеин сообщает: «...И мы в Дорогобуж для оберегания от воров голов Василия Зиновьева и Гаврилу Чебышева послали, и с ними дворян, и детей боярских двести шестьдесят два человека, и двести стрельцов, и Ивана Зубова велели посадить в тюрьму... а Ивана Безстужева с товарищами привести к крестному целованию... велели подавати на поруки с записями».

Из документа следует, что никакого дворянского заговора в конце 1608 г. в Смоленске не было. Дворяне и стрельцы пришли в Дорогобуж и просто-напросто арестовали И. Зубова. Что касается дворян из отряда Я. Борятинского и С. Ададурова, то, возможно, агитация Зубова вызвала среди них какие-то разногласия, но они крест «вору» не целовали и разъехались по домам. О самом Иване Зубове можно сказать, что он действовал на свой страх и риск, пытаясь воспользоваться своими связями в Смоленске. Согласно десятни 1606 г. два его брата, Алексей и Матвей, служили по выбору и имели оклад 500 четей. Но в целом Зубов никакой опоры среди смоленских дворян не имел, смоляне остались верны Василию Шуйскому, о чем и пишет М.Б. Шеин: «...а в Смоленске все люди воровской смуте не поверили, стоят за тебя государь». Всего только два человека перешли на сторону самозванца — Андрей Викентьев и Петр Жидовинов, но это не дает права говорить об измене смоленских дворян.

Анализируя «заговор Зубова», В.П. Мальцев делает вывод: зимой 1609 г. в Смоленске начал складываться блок посадских и крестьян. По этому поводу он пишет: «Органы посадского самоуправления стали играть крупную роль в политической жизни Смоленска. Посадские старосты сде-

лались помощниками воеводы в управлении городом... смоленские воеводы, архиепископ и посадские старосты в конце 1608 г. составили правительство»¹. В доказательство своей версии историк приводит слова М.Б. Шеина: «...а мы холопы твои Ивана Зубова перед твоим государевым богомольцем, перед архиепископом Сергием и перед посадскими людьми распрашивали...»².

Но данная грамота, как и памяти, данные воеводой посадским в апреле 1608 г., лишь показывают, что посадские привлекались к решению важных городских дел, но отсюда не видна их роль в этих делах. И привлечение посадских к решению таких дел — в условиях изоляции города, при разногласиях воевод и дворянства — вполне естественно. Воеводы в этот период стремятся опираться на два смоленских сословия. Но отсюда не следует, что власть посадских старост выходила за рамки их компетенции и, тем более, ущемляла власть воевод. Посадские люди в Смоленске в 1608—1609 гг. занимают традиционное положение в структуре феодального города. Власть в Смоленске в то время осуществлялась воеводами через воеводскую избу, с привлечением посадских старост. Это лишний раз доказывает, что никакой измены в Смоленске не было. Смоленское дворянство и посадский мир видели в воеводе выразителя своих интересов, и у смоленского населения не возникало необходимости создавать новые органы власти.

Разобравшись с делом Зубова, Я. Барятинский и С. Ададу-ров вновь набрали дворян для похода к Дорогобужу. Численность отряда составила 432 человека. 2 января воеводы вышли из Смоленска, а 19 января выступили к Вязьме из Дорогобужа. В последних числах января смоляне разбили стоящего под

---

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 172—173.

² АИ. Т. 2. № 140. С. 161—162.

Вязьмой ротмистра Плошку, взяли его в плен, а вместе с ним еще 154 человека¹. Но дальше дворяне идти отказались и «при-слали челобитчиков Ададурову и Барятинскому в Дорогобуж, и били челом... что им к Вязме и Москве без прибавочных людей пройти не мочно». 11 февраля воеводы прибыли в Смоленск, а дворяне разъехались по домам. М.Б. Шеин и П.И. Горчаков потребовали от них снова идти к Москве, но «дворяне и дети боярские всем городом отказали, что им до просухи идти не мочно»².

В.П. Мальцев здесь снова видит факт измены дворянства, которое «...не имело сил для захвата власти в Смоленске... После подавления заговора Зубова его сторонники не решились выступить открыто... дворянам пришлось прибегнуть к тактике отговорок и оттяжек»³. Но данная точка зрения безосновательна. Если бы смоленские дворяне решили перейти на сторону Лжедмитрия II, то вряд ли они стали бы прибегать к «тактике отговорок и оттяжек». Имея военную силу, дворяне могли захватить Смоленск или уйти в Тушино. Однако ничего подобного не происходит, и это лишний раз доказывает: измены среди смоленского дворянства зимой 1609 г. не было. Из дворянских челобитных видно, что смоляне требовали «прибавочных людей». И надо признать это требование справедливым: общая численность отрядов Барятинского и Ададунова и Зиновьева и Чебышева, стоявших в Дорогобуже, составляла 894 человека. Этих сил было достаточно, чтобы разбить небольшие отряды тушинцев, но явно мало, чтобы пробиться к Москве, когда все подмосковные уезды были в руках мятежников.

Отказ дворян выступить в поход до весны подтверждает, что и зимой 1609 г. они не желали покидать пределы Смолен-

---

¹ АИ. Т. 2. № 152. С. 177.

² Там же.

³ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 174.

ского уезда в условиях, когда все соседние земли были наводнены «ворами» и существовала реальная угроза польского вторжения.

21 мая очередной смоленский отряд с воеводами Я. Барятинским и С. Ададуrowым выступил к Вязьме. Перед ним стояла задача соединиться с войсками М.В. Скопина-Шуйского. Поход этого отряда В.П. Мальцев считает поспешным, так как М.Б. Шеин и посадские не могли доверять дворянству в деле обороны Смоленска¹. Но в своей грамоте в Москву воевода сообщал, что он писал М.В. Скопину-Шуйскому о соединении ратных сил в Новгороде. Из Новгорода М.В. Скопин-Шуйский вышел 10 мая, и значит, М.Б. Шеин писал ему в конце апреля или начале мая, и надо полагать, с этого времени и шла подготовка похода, и она не была поспешной.

О соединении со смолянами писал в Москву и М.В. Скопин-Шуйский, который велел Барятинскому и Ададуrowу «со смоленскими, со всеми людьми сходиться с собой в Твери»².

Нельзя согласиться и с положением В.П. Мальцева о том, что дворян просто выслали из Смоленска. Если смоленское дворянство, по мысли историка, «спало и видело», как перейти на сторону Речи Посполитой, то почему оно безропотно покидает Смоленск, и как раз накануне польского вторжения, но не идет в Тушино, а наоборот, спешит на соединение с армией М.В. Скопина-Шуйского и в дальнейшем участвует в боях с тушинцами?

Какова же причина того, что в мае 1609 г. смоленские дворяне выступают на соединение со Скопиным, тогда как раньше они всячески противились покидать пределы Смоленского уезда? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмо-

¹ Там же. С. 179.

² ААЭ. Т. 2. № 122. С. 226.

треть события зимы-весны 1609 г., происходящие в Центральной России.

Осенью 1608 г. власть «тушинского вора» распространилась на огромную территорию. Ее признали не только южные уезды, но и уезды, находящиеся севернее Москвы. Повсюду — от Нижнего Новгорода до Вязьмы и от Москвы до Вологды — действовали всевозможные «воровские» отряды, нередко никому не подчинявшиеся. Польские войска Я. Сапег и А. Лисовского осадили Троицкую лавру. Если первоначальная поддержка Лжедмитрия II была связана с борьбой против Василия Шуйского бывших болотниковцев, то к 1609 г. выяснилось, что за самозванцем стоит польско-литовская шляхта, и ее деятельность стала олицетворяться с польской интервенцией.

«Вера в “доброто царя” заколебалась. На собственном опыте народ убедился, что литовские люди и тушинские воеводы несут еще худшие притеснения, чем старая власть»¹. О грабежах и погромах тушинцев говорят многие документы. Воеводы Плещеев и Просовецкий писали Я. Сапеге: «...похолики... литовские и казаки стоячи в Суздале воруют, дворянам, и детям боярскими, и монастырским, и посадским людям из Суздальского уезда разорение и насильство великое... женок емлют, и села государевы, и дворянские, и дети боярские, и монастырские вотчины выграблены и пожжены, и нам господине от похоликов литовских и от казаков позор великий». Воевода Владимира Ф.К. Плещеев доносил в Тушино: «Литва, и казаки, и литовские загонные люди людишек посадских, и крестьян, и жонок, и девок, и робят емлют... и достальный хлеб сами молотят, и сено отвозят в таборы ж»². Из Ярославля воевода Ф.П. Барятинский сообщал: «поляки и литва и казаки в Ярославле... насильство чинят великое, людей грабят и

¹ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 299.

² РИБ. Т. 2. Стб. 697.

побивают»¹. Крестьяне Окружной волости Переяславльского уезда в своей челобитной писали, что литовцы у них убили 122 человека, забрали большое количество лошадей, коров и свиней, «вымучили» у них 632 рубля 8 алтын и 3 деньги. Подобную челобитную подали крестьяне Слободской волости того же уезда². В Вологде поляки приказали «собрать... с посаду и всего уезда ... с сохи по осьми лошадей, да по осьми человек с сохи, и им велено идти в полки... и велено собрать... с выти по чети муки, по чети круп, по чети толокна... по два хлеба... по туши коровы... по пуду рыбы...». В Ярославле тушинцы брали с сохи по 18 рублей³.

Не только тяглые люди, но и дворяне стали отходить от Лжедмитрия II, который не мог их ни обеспечить поместьями, ни навести порядок в стране. О том беспорядке, который царил в Тушино при раздаче земель, писал Н.И.Костомаров: «Они (дворяне. — С.А.) бы держались за это дело дружнее, если бы в раздаче поместий не происходило путаницы: один выпрашивал себе поместье, данное уже другому... и по... челобитным одно и то же поместье доставалось нескольким лицам. Новый владелец выгонял прежнего силой, и через несколько дней был выгоняем сам... иногда получивший поместье по грамоте Сапсги терял его оттого, что являлся другой дворянин... с грамотой от царика»⁴. Тушинский царь не стремился раздавать земли уездным дворянам, он, в первую очередь, давал жалованные грамоты на поместья своей знати. В Переяславльском уезде вотчины получили его окольные Ф.Ф. Мещерский и М.А. Молчанов, Закубенскую волость он раздал ближним боярам: М.И. Вельяминову, князьям Р.Ф. Троекурову и Ю.Д. Хво-

¹ АИ. Т. 2. № 173, С. 199—200.

² Там же. № 226.

³ Памятники Смутного времени. М., 1909. С. 44—45.

⁴ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 448.

ростинину¹. Лжедмитрий II не решил земельной проблемы местных дворян.

Зимой 1609 г. недовольство Лжедмитрием II стало всеобщим. Во главе восстания против самозванца и поляков стали северные города, где большую роль играл посадский мир. Посадские и стали движущей силой восстания.

В начале декабря 1608 г. был освобожден Галич, вскоре к галичанам присоединились костромичи, вологодцы, шуяне, кинешемцы. Движение охватило Углич, Бежецкий Верх, Кашин, Ярославль, Белоозеро. Всю зиму в Замосковье шли бои с тушинцами с переменным успехом. На сторону восставших перешло местное дворянство. В марте 1609 г. был освобожден Ярославль, а вскоре Молога, Бежецкий Верх, Кострома, Кашин, Углич, Рыбная слобода, Романов, Пешехонье. Фактически все Верхнее Поволжье признало власть Василия Шуйского. При этом вышеназванные города признали центральную власть «...не по симпатии к Шуйскому, и не по уверенности, что Тушинский Дмитрий — самозванец, восстают они за порядок, против нарушителей его»². В мае на поддержку восставших из Новгорода выступил М.В. Скопин-Шуйский со шведскими войсками.

Таким образом, обстановка в Центральной России весной 1609 г. кардинальным образом изменилась. Население городов выступило на борьбу против самозванца и польско-литовской шляхты. Появление армии М.В. Скопина-Шуйского увеличило шансы восставших на успех.

Изменения в центре должны было повлиять и на позицию дворян в Смоленске, тем более что весной 1609 г. стало известно о скором вторжении в Россию войск польского короля.

---

¹ АИ. Т. 2. № 123, 124 С. 150—151; СПб. ФИРИ РАН. К. 124, Оп. 1. Ед. хр. 462.

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1995. С. 289.

При начале открытой интервенции Смоленская земля могла оказаться между двух огней: с одной стороны — самозванец, с другой — польский король. Поэтому было необходимо как можно быстрее избавиться от Тушино, установить связь с Москвой и общими силами выступить против Сигизмунда III. Понимая, какая опасность угрожает Смоленску при вторжении польских войск в условиях изоляции города, смоленское дворянство соглашается выступить на соединение с армией М.В. Скопина-Шуйского. Пока Смоленский уезд находился в полной изоляции от центра, местное дворянство проводило политику защиты своего уезда от разбойничьих вторжений, но при изменении обстановки, когда появилась возможность прорвать блокаду, смоленские дворяне выступили к Москве.

В конце мая смоленский отряд подошел к Вязьме, где стояли поляки Чижа и Запорского. И дворяне «ротмистра Чижа и пана Запорского побили, и языки многие, и знамена, и набаты, и наряд поимали». 3 июня Вязьма была освобождена, после чего Я. Барятинский и С. Ададулов выступили к Белому. Здесь «воеводы Иван Хованский, Иван Кольчев, и бельские дворяне, дети боярские, посацкие, жилецкие, и всякие люди ...государю крест целовали». После чего смоленский отряд «...со брянчане, и дорогобужане, и вязьмичи, и с беляны пошли в сход к Скопину» в Торжок¹. По некоторым данным, отряд насчитывал 3 тысячи человек². Согласно разрядов, он вошел в Сторожевой полк. Позже смоляне участвовали в освобождении Суздаля, ходили к Ростову, и «им велено итти х Кашину и до Твери»³.

Лето 1609 г. является рубежным в истории гражданской войны на территории Смоленской земли. В сентябре польская армия Сигизмунда III осадила Смоленск, началась прямая

¹ АИ. Т. 2. № 211, 232. С. 248—249, 273—274.

² ААЭ. Т.2. № 128. С. 258.

³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 16, 53, 54.

интервенция Речи Посполитой против Русского государства. Продолжающаяся Смута вносила определенные коррективы в поведение различных слоев смоленского населения, но главной задачей смолян с этого момента становится защита родного города.

ГЛАВА IV

ОБОРОНА СМОЛЕНСКА 1609—1611 ГГ. ЕЕ РОЛЬ В РАЗВЕРТЫВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

4.1. НАЧАЛО ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. ВЕСНА—ЛЕТО 1609 ГОДА

Отношения России и Речи Посполитой на протяжении многих веков были враждебными. Не один раз между двумя государствами происходили длительные войны. Довольно часто русские бояре бежали в Литву от царского гнева, а польские магнаты искали защиты в Москве от короля. Сложные отношения между двумя соседями были связаны со стремлением России присоединить древнерусские земли, которые перешли под власть ВКЛ в XIII—XIV вв. Речь Посполитая, в свою очередь, также стремилась усилить свою экспансию на восток. После неудачной войны с Московским государством в конце XV — начале XVI в. польско-литовские магнаты желали во что бы то ни стало вернуть потерянные земли и, прежде всего Смоленск.

Правительство Бориса Годунова получило в наследство довольно натянутые отношения со своим западным соседом. После Ливонской войны (1558—1583) оба государства находились в состоянии «ни мира, ни войны». Королем Польши, которая в

1569 г. объединилась с ВКЛ в единое государство — Речь Посполитую, был Сигизмунд III Ваза (1586—1632), представитель шведского королевского дома. До 1599 г. он одновременно занимал два трона — в Варшаве и Стокгольме. Сигизмунд был воспитан иезуитами в духе воинствующего католицизма и своей главной задачей считал борьбу с врагами Веры Христовой — с протестантами в Швеции и православными в России. Н.И. Костомаров дал следующую характеристику польскому королю: «Сигизмунд был иноземцем для Польши и по душе, и по телу; швед по рождению, немец по симпатиям... римлянин по религиозным побуждениям, менее всего поляк, Сигизмунд с иезуитскими наклонностями к расширению господства находил большие выгоды для страны, которой управлял, если Польша возведет на Московский престол государя»¹.

С появлением в Речи Посполитой Григория Отрепьева король и ряд магнатов решили поддержать его авантюру против Бориса Годунова. В договоре, заключенном между Сигизмундом III и Лжедмитрием I в июне 1604 г., самозванец обязался передать Речи Посполитой Северскую землю и крестить Россию в «истинную» римско-католическую веру. В договоре имелся пункт и о Смоленске, в котором говорилось: «объявляем... что мы ясновельможному пану Юрию из Великих Кончиц Мнишику... в вечные времена дали мы ему, и наследникам его Смоленское и Северское княжество в государстве нашем Московском со всеми, что оным княжествам принадлежит, с городами, замками, селами, подданными... А... прелестнейшему королю польскому и его королевству... Смоленской земли другую половину с замками, городами, городками, селами, уездами... (оставляя при его милости пане воеводе самый замок с городом Смоленском...) дали»².

¹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 86.

² Собрание Государственных грамот и договоров. (СГГ и Д). Ч. 2. М., 1833. № 58.

Политика Сигизмунда III подготовила самозванческую интригу и на многие годы определила русско-польские отношения как враждебные. Она оказала влияние и на внутреннее положение Русского государства.

В 1606—1607 гг. в Речи Посполитой проходил шляхецкий рокошь, когда часть шляхты выступила против короля. Это событие определило появление второго самозванца, которого провозгласили царем Дмитрием белорусские шляхтичи, участвовавшие в рокоше. Пока успехи Лжедмитрия II были скромными, Сигизмунд III и его окружение не испытывали желания вмешиваться в дела России. Но летом—осенью 1608 г., когда на сторону самозванца перешла часть русского дворянства, и он занял огромную территорию, возникла угроза занятия им московского трона. «Под боком у польско-литовской знати выросла новая, не менее могущественная знать из вчерашних польских оппозиционеров, с которой польскому правительству пришлось бы серьезно считаться»¹. 8 августа 1608 г. Олесницкий писал королю: «Соблаговолите, ваше королевское величество, войти в соглашение с Речью Посполитой относительно того случая, который посылает вам бог, чтобы овладеть этим государством». Здесь же он сообщал: «Шуйский вывел войска из Западных уездов, что нет никакой стражи по всей границе»². Изменение ситуации в России летом 1608 г. ускорило подготовку войны. Польша стала на путь прямой агрессии против Русского государства.

Осенью—зимой 1608—1609 гг. польские войска стали сосредоточиваться на русских границах, о чем доносили лазутчики в Смоленск. «...Пехота Ходкевича сем сот с пушками у Быхова и в Могилеве, они говорили, что весной пойдут на Смоленск». Из Минска пришло известие, что там стоят 6 сотен солдат³.

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 493.

² Цит. по: Гиршберг А. Марина Мнишек... С. 142—143.

³ АИ. Т. 2. № 146, 148. С. 172—173, 174—175.

Осенью 1608 г. начались систематические набеги поляков на смоленское порубежье. В октябре староста Велижа Александр Гонсевский направил для захвата Щуческой волости Смоленского уезда 300 человек во главе со своим братом Семеном. И те литовские люди «земли отводят к Вележу вдол на семьдесят верст, а поперег на двадцать верст, и из Щуческой волости идут в Порецкую». Набеги поляков на смоленские земли были и раньше, о чем писали крестьяне в своих челобитных. Но если раньше набеги поляков были вызваны стремлением пограбить смоленских крестьян¹, то набег С. Гонсевского нес в себе определенную политическую направленность.

В условиях, когда в Речи Посполитой началась подготовка к войне с Россией, часть литовских магнатов считала необходимым направить экспансию короля на Смоленск. За велижским старостой, скорее всего, стоял канцлер Литвы Лев Сапега, который летом 1609 г. говорил Сигизмунду III, что Смоленск готов сдаться². О добровольной сдаче города еще в декабре 1607 г. писал староста Орши Андрей Сапега: «Как скорее самое малое войско пришло, так и волости смоленские подались бы королю его милости, так как они Шуйского не хотят видеть государем»³. Набеги А. Гонсевского должны были стать определенным козырем в выборе цели будущего похода: если литовцы стремились направить короля на Смоленск, то поляки желали идти к Москве через Северскую Украину.

В январе 1609 г. в Варшаве состоялся Сейм, на котором решался вопрос о войне с Россией. На нем Сигизмунд III предложил возвести на Московский престол своего сына Владислава. Данное предложение не встретило понимания со стороны сенаторов. В Смоленск с Сейма пришло известие, что «Ходкевич (гетман ВКЛ. — А.С.) и литовские паны Королевича и поль-

¹ Антилогов Г.Н. Указ. соч. С. 433—445.

² Жолкевский С. Указ. соч. С. 28.

³ Цит. по: Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 344.

ских людей не хотят пустить, и литовские паны говорят польским людям, своего де государства не обороня хотят с тобой мир нарушить и желнарей, и всех воинских людей поставить по городам» (Речь Посполитая в тот период находилась в состоянии войны со Швецией). Не поддержала короля и часть польских магнатов¹.

Поводом для войны с Россией послужил договор, заключенный М.В. Скопиным-Шуйским со Швецией в феврале 1609 г. Он помог королю убедить сенаторов в необходимости похода на Москву. Уже зимой—весной 1609 г. шляхта на своих сеймах и сеймиках, как пишет С. Жолкевский, «одобрила поход на Москву... и согласны были в том, чтоб король не упускал сего случая»².

В это же время в Смоленск приходят многочисленные донесения о сосредоточении польско-литовских сил на русских границах. В январе лазутчик Хохряков сообщал: «...скоро после сейму мают итти с королевичем на царство Московское, и уже людей ратных при королевиче собралось семнадцать тысяч... Ходкевич с инфлянты пришел до Быхова, и с пушками семьсот их гайдуков». В марте пришло новое известие, что у короля «венгры, гусары, пехота немецкая, инфлянские солдаты с полком Пернавского, двести человек казаков, запорожцы имеют грамоты от Дмитрия идти на Смоленск, солдаты из Орши вышли у них голова Жмотинский». В апреле новое донесение: «в Орши сотен конных гайдуков, пеших сто пятьдесят, Бернатни пошел на Любавичи и на Микулы к Вележу, Колуховский, Стебровский, Лисовский, рота татар все пошли до Витебска, ждуг Жмотинского, он с большим войском пойдет под Белую... из Орши пишут, чтоб не пускали купцов до Смоленска, великая прелесть будет». В июле из Сурожа донесли: «в Витебске ждуг

¹ АИ. Т. 2. № 146. С. 172—173; РИБ. Т. 1. С. 145.

² Жолкевский С. Указ. соч. С. 18.

пеших людей к Ильину дню (20 июля. — С.А.), а король будет под Смоленском к Оспожному дню (8 сентября. — С.А.)»¹.

Из всех этих донесений картина становится довольно ясной: в Речи Посполитой полным ходом шла подготовка к войне с Россией, а сосредоточение польских войск в восточной Белоруссии говорило о том, что вероятной целью будущего похода станет Смоленск. Данные донесения позволяют убедиться в хорошо поставленной разведке в Смоленске. По этому поводу В.П. Мальцев писал: «...осведомительный аппарат М.Б. Шеина за польским рубежом работал довольно неплохо, и польский король никак не мог рассчитывать на внезапность своего нападения...»².

Весной 1609 г. усилились набеги А. Гонсевского на смоленское порубежье, принявшие в этот период угрожающий характер. В марте Семен Гонсевский с тремястами ратными людьми пограбил 4 деревни Щуческой волости: «и животы и станки поимали, а иных в полон поимали». 25 марта отряд Семена напал на погост Плаи, литовцы разграбили крестьянское и церковное имущество, «а животы и станки у крестьян все пограбили, а лошадей взяли пятьдесят, да три коровы, да пятнадцать быков и нетелей»³. В апреле поляки пришли в соседнюю Порецкую волость и пограбили деревни Козырево, Немытково, Кондаково. Крестьяне этих деревень писали в челобитной: «нас бедных сирот... воевали, да сожгли в трех деревнях пятнадцать дворов и на тех дворах сожгли и ржи, и ярового хлеба тыщу и тридцать в смоленскую меру, да на тех дворах сожено коров и всякой дробной животины пятьсот, да взяли наших животов в полон, в тех же трех деревнях пятьдесят лошадей, да сорок коров, а так же выдрали семьдесят роев пчел». И в других челобитных крестьяне рисуют подобную картину:

¹ АИ. Т. 2. № 146, 174, 246. С. 172—173, 203—203, 292—293.

² Мальцев В.П. Указ. соч. С. 211.

³ Памятники обороны. № 5, б. С. 3—4; АИ. Т. 2. № 186. С. 215.

«...а нас бедных сирот твоих государевых секли на смерть и мучили всякими муками из денег... и платя побрали, и дворы, и клетки, и гумна с хлебом пожгли...», «утопили в реку Касплю жонку да девку, да поймали крестьянина Свиридка Тимофеева, и вымучили пятнадцать рублей денег...»¹.

Кроме прямого грабежа смоленских деревень, братья Гонсевские проводили «агитацию», заставляя крестьян переходить на сторону польского короля. Иван Жидовинов доносил в Смоленск, что «...пан же Олександра (Александр Гонсевский. — С.А.) присылал крестьян Вележского повета в Щуческую волость к крестьянам с грозами, а приказывает он щуческим крестьянам: “живите за мной не бойтесь, от нас войны вам не будет, а которые крестьяне Щуческой волости не имут за нами жити, и нам де их хлеб, и их жати воевати, и негде им от моих литовских людей не избыти”². Крестьяне Щуческой волости показали: «ходили с литовскими людьми в Порецкую волость, а брали их неволею с татарами засеки зесекать, ходили за саблями»³.

О стратегической цели А. Гонсевского и стоявших за ним литовских магнатов писалось выше. Какие же тактические цели ставил перед собой Велижский староста? По всей вероятности, А. Гонсевский стремился, во-первых, захватить две пограничные волости, что позволило бы полякам ускорить подход своей армии к Смоленску, и поставить под удар бельские коммуникации, через которые Смоленск осуществлял связь с армией М.В. Скопина-Шуйского, а во-вторых, оказать давление на жителей Смоленского уезда.

Еще осенью 1608 г. поляки отводили земли в Щуческой и Порецкой волостях в свою пользу. То же самое происходит

---

¹ Памятники обороны. № 7. С. 4—5; АИ. Т. 2. № 186, 246. С. 215, 292—293.

² АИ. Т. 2. № 353. С. 420—421.

³ Памятники обороны. № 38. С. 24.

и весной 1609 г. В апреле крестьяне Порецкой волости доносили в Смоленск: «пришел государь с Велижа пан Шимон (Семен. — С.А.) Гонсевский с Вязьмены Бродою рекою... да отошли Государеву Порецкую волость Касплею вниз до Сурожского рубежа, двадцать две деревни», о том же сообщал Иван Башмаков из Щуческой волости: «... и Васька Боровлев сказал в распросе, что Литва де к нам приезжает и емлют на нас подати всякие... а заходят они и отводят земли сами». В. Румянцев в донесении М.Б. Шеину писал: «государеву землю отходят и своять Щуческой волости по реку Сопшу да по Рытовицу да по Польвью...»¹.

Захват двух волостей был нужен А. Гонсевскому для обеспечения похода на Смоленск, о чем свидетельствует его приказ крестьянам обеих волостей «дороги ширить и мосты мостить... и те крестьяне... дороги ширят и мосты мостят». Для пресечения связи Смоленска с армией М.В. Скопина-Шуйского А. Гонсевский летом 1609 г. готовился к походу на Белый, а в июле выступил под Торопец².

Весной 1609 г. литовцы действовали не только путем насилия, но и посредством дипломатии. 10 апреля (20 по новому стилю) староста Орши Андрей Сапега направил М.Б. Шеину письмо, в котором говорилось, что король просил А. Гонсевского съехаться с воеводой на Велижском рубеже и «сразу-миться о том як бы посланнику его королевской милости з листы безпечно и вольно пройти... и о иных потребных делах разговориться»³. На следующий день письмо М.Б. Шеину направил А. Гонсевский с предложением «уговор учинить... про рубежные дела». Воевода согласился на переговоры и решил послать на них своим представителем Андрея Дедевшина. По

¹ АИ. Т. 2. № 184, 188.I. С.214, 217; Памятники обороны. № 14, 38. С. 11, 24.

² АИ. Т. 2. № 246. С. 292—293.

³ Там же. № 192, 194.I. С. 223, 224.

этому поводу В.П. Мальцев пишет: «... даже после дворянского заговора М.Б. Шеин вынужден был считаться с польнофильской группой смоленских дворян, и, очевидно, вынужден был даже идти на некоторые уступки этой группе. Крупнейшей уступкой надо считать не только выбор Дедевщина... но главным образом его первоначальное намерение вступить в переговоры с Гонсевским», который стремился «склонить воеводу к добровольной сдаче города»¹.

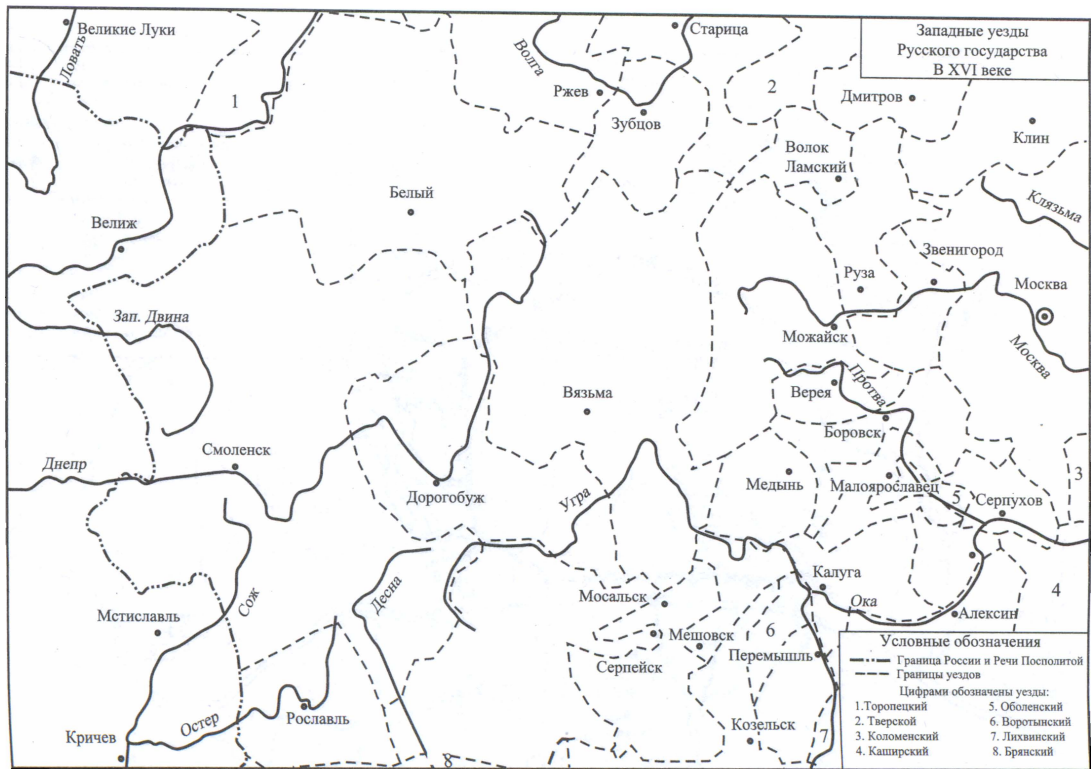
Выше уже говорилось, что никакого заговора зимой 1609 г. в Смоленске не было, как не было и измены смоленских дворян. Для выводов В.П. Мальцева нет достаточных оснований, как и нет их для утверждения о существовании в городе польнофильской партии.

Была ли целью переговоров сдача Смоленска? В своем письме Гонсевский пишет: «... бояре Московские насильством волость Велижскую приехали... и королевское величество, и паны тому подчинилися, и приказали мне старосте Велижскому держать рубеж по старине, как спокон веку было по Ельшо озеро, и по речку Половю, и по Касплю... и ты бы Михаил Борисович за эти рубежи старинные... вступаться не велел...»². Тем самым Гонсевский требовал пересмотра старых рубежей и стремился добиться от смоленского воеводы переноса границы на восток. В ответном письме воевода также говорит о пограничном рубеже, который, согласно перемирию 1608 г., речка Студенец и река Дороговица³. Таким образом, источники не содержат доказательств того, что на переговорах должен был решаться вопрос о сдаче Смоленска. Главной целью переговоров были, скорее всего, не порубежные дела, а стремление литовцев прозондировать почву и узнать намерение воеводы на ближайшее будущее. Не исключен и тот факт, что А. Сапега и А. Гонсевский могли

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 195.

² АИ. Т. 2. № 194. I. С. 224.

³ Памятники обороны. № 22. С. 15.

Западные уезды Русского государства в XVI веке

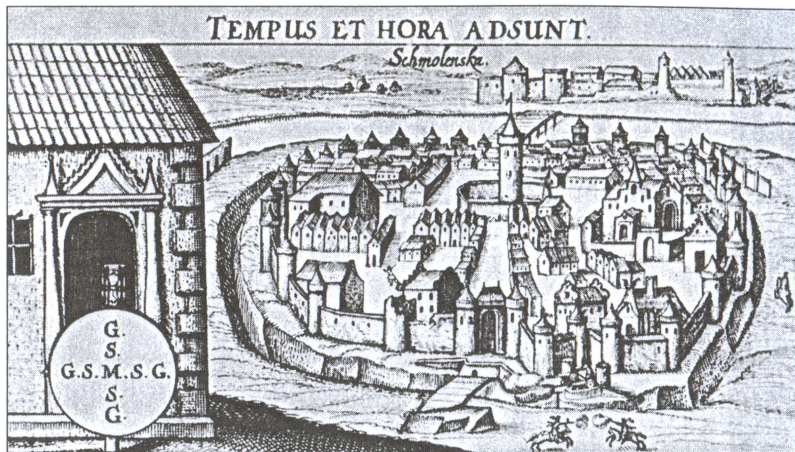

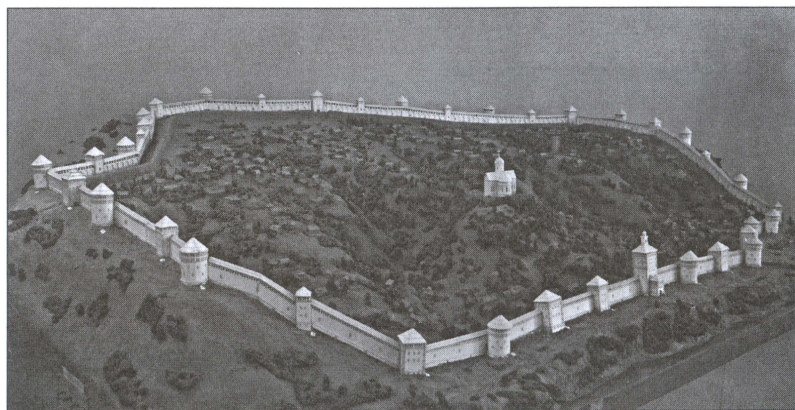
Схематическая карта Смоленского уезда

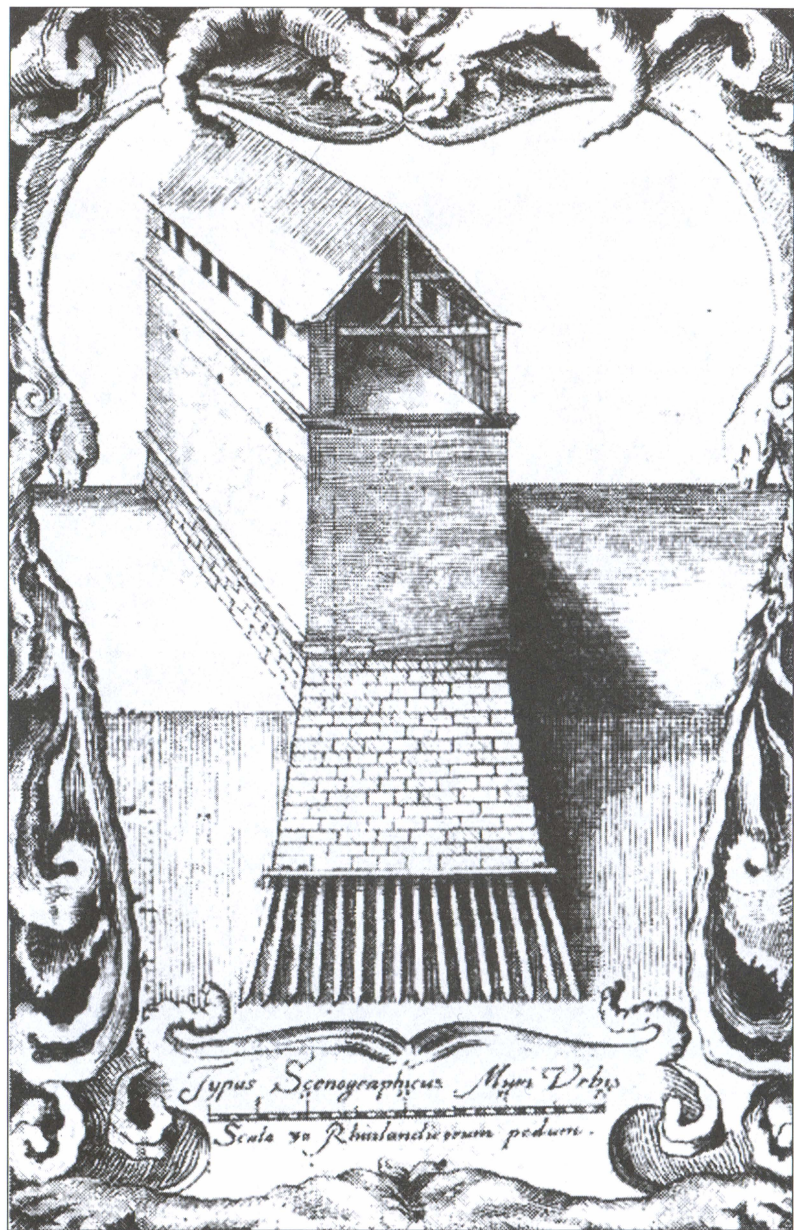
Польский король Сигизмунд III

Смоленск в начале XVII века. Гравюра

Макет Смоленской крепости на момент окончания строительства в 1602 году

*Typus Scenographicus Muri Urbis
Scalae in Rhuislandisstrum pedum.*

Схема одного из участков стены Смоленской крепости

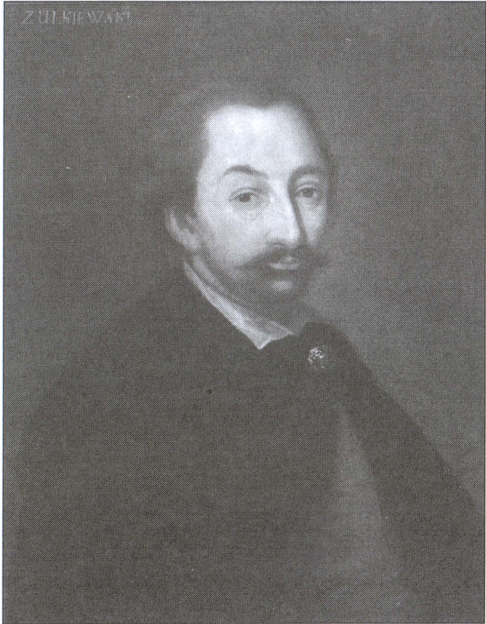

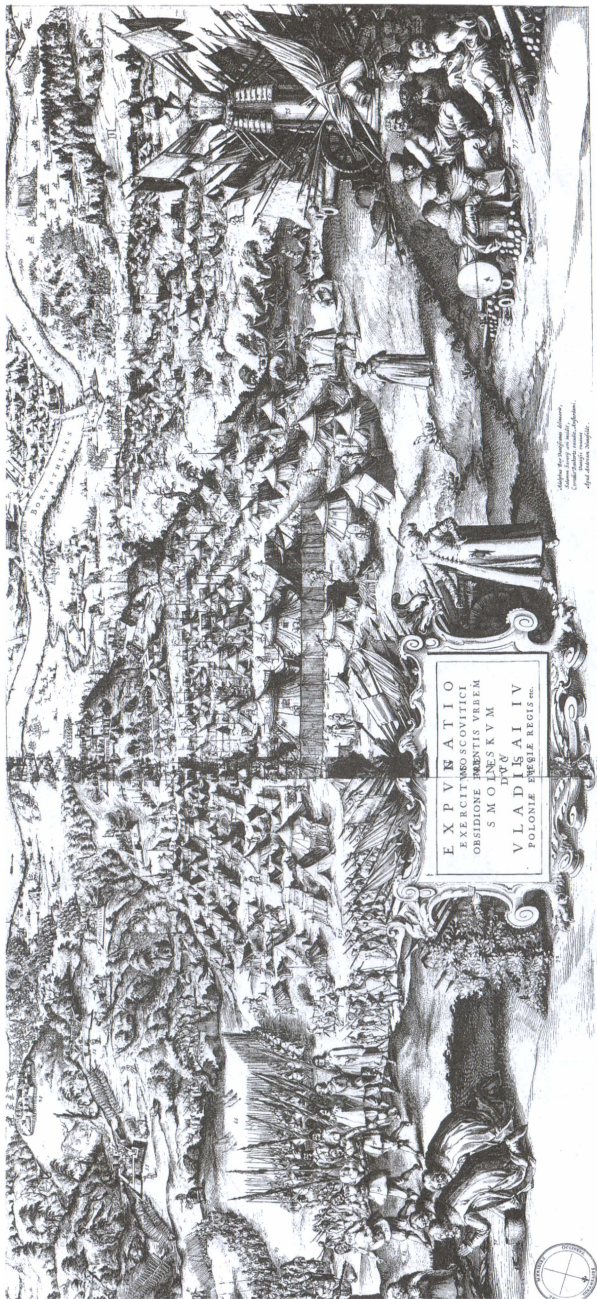
Лжедмитрий II

Lew Sapieha

Станислав Жолкевский

Осадный лагерь

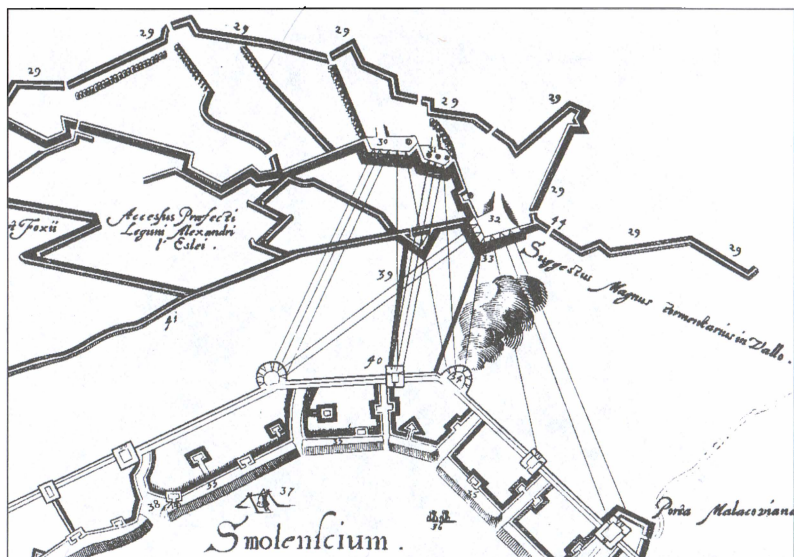
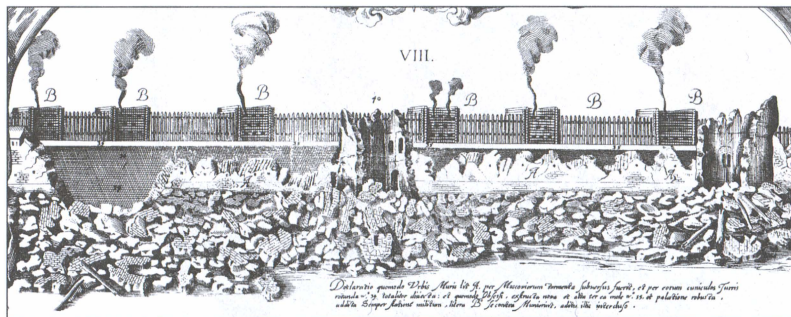

Схема осадных работ на одном из участков Смоленской крепости

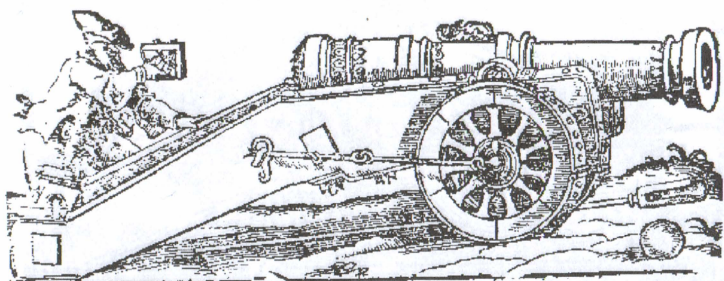
Так выглядели осадные позиции со стороны обороняющихся

План осады Смоленска в 1632—1634 гг., так называемый «План Гондиуса» (фрагмент). Это одно из лучших современных изображений Смоленской крепости. Звездообразный бастион справа построен поляками на месте подрыва участка стены

Vasiliscus.

Vom ein Vasiliscus wigt 75. Centner/ vnd scheidt schwer 70. pfunde Eisen/ So die-
 jebst Landt soll geföhrt werden/ so soll sie nicht mit ihrer Ladung geföhrt werden/ sonder
 die sie soll einen besondern Wagen haben/ dar auff das Rohr geföhrt wirdt/ vnd für solchen
 Wagen gehören zuspannen 25. Pferdt/ ist einem auch nit mehr dann drey Centner zugerecht.

Из орудий такого типа осаждающие пытались разрушить городские стены

Поляки широко использовали в своих войнах наемников

ANNO M. DC. XI.

Гравюры, изображающие осаду Смоленска

Медаль в честь взятия Смоленска 3 июня 1611 года. На медали изображен сильный взрыв на Соборном холме, ознаменовавший конец осады. Согласно легенде, осажденные подорвали себя вместе с Успенским собором, но на деле взрыв произошел в одном из пороховых погребов, а собор был поврежден и просуществовал еще почти век

предложить М.Б. Шеину перейти на сторону короля, но вряд ли это предложение было бы принято.

14 апреля М.Б. Шеин согласился на переговоры, о чем писал Ивану Башмакову¹. Но уже 26 апреля воевода сообщил в Москву: «...а на съезд мы никого не послали, потому что А. Гонсевский послал с Велижа своего брата Семена, и с воры, и с литовскими людьми на Благовещенье день (7 апреля. — С.А.) в Смоленский уезд войною, и деревни выжгли, и людей в полон поимали, и земли Щуческой волости к Велижскому рубежу отводили»². Похожее письмо М.Б. Шеин написал и Андрею Сапеге: «и яз по твоему письму на договор к Олександру Гасевскому не послал никого, потому, что после посольского договору и укрепления полские и литовские люди и по ся места в государя нашего государстве кров крестьянскую проливают и землю государя нашего пустошат»³. Отсюда В.П. Мальцев делает вывод, что «с 14 по 26 апреля в правящих кругах Смоленска шла борьба вокруг вопроса: участвовать или не участвовать в переговорах с Гонсевским»⁴. Но скорее всего, отказ от переговоров был связан не с внутренней борьбой в Смоленске, а с изменением ситуации на границе. До середины апреля поляки не захватили большой территории, и до этого времени, возможно, не было массового отвода смоленских земель. К концу месяца положение изменилось. Поляки заняли земли до рек Каспли и Полови с 22 деревнями⁵. А ехать на рубеж, предложенный А. Гонсевским, значило де-факто признать эти захваты.

Вторая цель, которую ставил А. Гонсевский, совершая набеги на смоленские волости, была связана со стремлением

¹ АИ. Т. 2. № 207. С. 239—240.

² Там же. № 231. С. 272—273.

³ Памятники обороны. № 23. С. 16.

⁴ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 195.

⁵ АИ. Т. 2. № 188. I. С. 217.

найти на Смоленщине опору своим агрессивным планам. Об этом писал В.П. Мальцев и считал, что поляки видели своих союзников в лице дворян¹. Но скорее всего, А. Гонсевский стремился оказать нужное влияние на все слои смоленского населения.

Поляки хорошо знали, что значительная часть русского населения отказывается признать царскую власть, и потому жители Смоленского уезда могут перейти на их сторону. А. Гонсевский, видимо, полагал, что чем сильнее он дезорганизует жизнь Смоленского уезда, тем быстрее смоляне перестанут поддерживать М.Б. Шеина и признают власть польского короля.

Среди смоленского населения весной 1609 г. имелись определенные шатания. Крестьяне в этот период нередко выступают против своих помещиков. Помещица Арина Ивановна писала своему мужу Дружине Филипповичу: «... а крестьяне меня не слушают, хлеб ко мне в город не везут», другая помещица сообщала: «... а хлеба государь нынешнего с обоих поместий ярового ничего не увезли, воры не дали...»².

Усиление социальной борьбы в смоленских деревнях в 1609 г. было связано с появлением всевозможных «воровских» шаек, которые приходили в Смоленский уезд или действовали в соседних уездах. Набеги поляков также способствовали проявлению крестьянского своеволия. Весной 1609 г. крестьяне Щуческой волости, деревень — Гусевой, Серютиной, Заболотья совершали набеги на соседние деревни и грабили своих соседей. О том, что эти крестьяне действовали «своею охотою», говорят слова крестьянской челобитной: «...приходили к нам в Порецкую волость воевать *своею охотою* (курс. наш) ...Иванко Лисун с това-

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 178.

² АИ. Т. 2. № 353. С. 420—421.

рищи... и нас твоих сирот государевых воевали, и били, и секли, и животы поимали, и лошадей, и всякую дробную животину, и платя побрали, и дворы и гумна с хлебом пожгли и всего пограбили на сто тридцать семь рублей». Отряд Лисуна действовал не только самостоятельно, но и совместно с поляками Гонсевского. «На великий пост пришед те изменники Щюческой волости крестьяне с велижскими паны, и с литовскими воинскими людьми на бедных сирот твоих, и сожгли семь дворов и на тех дворах хлеб, и рож... пожгли коров, и всякую мелкую животину, и пчелы выдрали, и животы наши побрали»¹.

Таким образом, крестьяне Смоленского уезда в условиях гражданской войны и польских набегов, при ослаблении центральной и помещичьей власти выходят из повиновения, а какая-то часть из них грабит своих же соседей.

Различные настроения были и среди смоленского дворянства. Дворяне заставы Чебышева и Башмакова (о которой будет сказано ниже) «стали по деревням версты по две, по три и по семи, а к нам на заставу не едут, а иные по деревням грабят». Иван Башмаков приложил к своему донесению список 57 нетчиков. Другой «заставщик», Василий Румянцев, сообщал: «...дворяне с разных боярщин... ни один человек не слушает... и на заставу сторожить не ходят»².

Но наличие определенных шатаний среди части смоленского населения еще не свидетельствует о том, что она была готова перейти на сторону польского короля. Основная масса смоленских дворян в мае 1609 г. выступила против Лжедмитрия II. Шатания дворян, надо полагать, были связаны не со стремлением изменить Василию Шуйскому, а с чисто местническими интересами.

¹ Памятники обороны. № 8. С. 5—6.

² Там же. № 14. С. 11; АИ. Т. 2. № 353. С. 420—421.

Смоленские крестьяне тоже не стремились перейти на сторону Речи Посполитой. Как будет показано ниже, большинство из них весной 1609 г. участвовали в строительстве засек и в охране границы на заставах. Да и крестьяне Лисуна вряд ли желали быть подданными Сигизмунда III, их действия можно рассматривать как стремление улучшить свое экономическое положение в условиях всеобщей безнаказанности.

Весной 1609 г. М.Б. Шеин начинает создавать заставы на смоленских границах. 15 марта в Щуческую волость был послан дворянин Василий Румянцев с приказом М.Б. Шеина: «над литовскими людьми промышлять, сколько бог помочи подаст и засеки от литовского рубежа засекасти...»¹. Но на заставе было всего 5 детей боярских: Яков Остерцов, Онуфрий Телешов, Григорий Кубарев, Клим Курбатов, Петр Кожин, поэтому основная тяжесть по строительству засек и охране границы ложилась на плечи крестьян. До апреля В. Румянцеву удалось организовать крестьян на охрану границы и построить ряд засек. 25 марта он сообщил в Смоленск: «по литовскому рубежу по дорогам и по стишкам сторожи поставил и подымных людей собрав поставил на заставе в деревне Щукине...»².

Но уже в апреле положение изменилось. Во время набегов А. Гонсевского слабовооруженные крестьяне не могли оказать сопротивления захватчикам и разбежались с застав. В начале апреля В. Румянцев доносил в Смоленск: «а пан Шимон с литовскими людьми сторожей с сторожи разогнали с рубежа, и мужики разбежались по лесам, и мне стоять не с кем, на сторожи ставить некого... засека незасечена на 50 верст от Елша до Бельского рубежа... а Щуческой волости сотники со своими сотнями не бывали, как я приехал в Щуческую волость...»³. В условиях полной дезорганизации волостной

---

¹ Памятники оброны. № 11. С. 9.

² Там же.

³ Там же. № 14. С. 12

службы В. Румянцев не мог осуществить эффективную защиту границы. В апреле он писал М.Б. Шеину: «крестьян нет, стоять мне не с кем, и мне на Плаи, на рубеж литовский идти не с кем, и на сторожи ставить некого... а дети боярские от меня разъехались, со мной Щуческой волости один десяток... сто человек». Здесь же Румянцев пишет: «литовские люди... земли отводят сквозь Щуческую волость по Соложу и Половию»¹.

В ответ на эти донесения воевода поставил еще одну заставу в Порецкой волости во главе с дворянами Иваном Башмаковым, Гаврилой Чебышевым и Дмитрием Дементьевым. В отличие от заставы Румянцева эта застава состояла из двух сотен дворян и из сотни архиепископских и монастырских служек². Наличие такого большого количества ратных людей предусматривалось, скорее всего, для отражения набегов А. Гонсевского. Но уже 13 апреля на заставе было всего 28 дворян, 57 были в «нетях». И. Башмаков писал М.Б. Шеину, что дети боярские, «которые за выбором, и те государь нас не послушали... а которые дворяне и дети боярские оставлены со мною збежали». 15 апреля Д. Дементьев сообщал, «что он с сотней служек Троицкого монастыря в Вершавску на городище, а от той сотни двадцать человек и семь человек Спасского монастыря... а достальные служки и архиепископские дети боярские апреля по 13 число и не бывали, и мне государь в подъезды и на сторожи посылать некого»³. Дворяне на заставе Башмакова начали грабить крестьян, о чем сообщали их начальники: «... и крестьяне, государь к нам приходят на них бить челом, и мы им говорили, чтоб не грабили, и к нам стоять поехали, и того грабежу нам сыскать не уметь, потому что иные и не ведаем где стоят». Застава Башмакова разложилась сама собой, и ее остатки были

---

¹ Там же.

² Там же. № 17. С. 13.

³ Там же.

в конце апреля отозваны в Смоленск¹. Весь апрель в Смоленск идут сообщения о набегах поляков, и что крестьяне не могут в таких условиях охранять границу и строить засеки².

На основе этих данных В.П. Мальцев делает вывод: «... смоленские дворяне не желали защищать Смоленскую землю от польских интервентов... стоя на заставах, грабили крестьян, отказывались выполнять приказы воевод, дезертировали с застав»³.

Донесения с застав дают право на такой вывод. Но тогда непонятно, почему основная масса смоленского дворянства уходит из Смоленска как раз накануне польского вторжения. Непонятно также, почему дворяне, отказываясь защищать смоленские границы, не переходят на сторону А. Гонсевского и открыто не выступают против М.Б. Шеина. Согласно логике В.П. Мальцева, дворяне сами готовы сдать Смоленск польскому королю, но они почему-то ждут его армию. Выше уже говорилось, что источники не позволяют говорить об измене смоленского дворянства зимой 1608—1609 гг., и вряд ли эти взгляды изменились весной-летом 1609 г.

Чтобы определить позицию смоленских дворян, рассмотрим положение Смоленского уезда в 1609 г. Смоленск и его уезд с лета 1608 г. находились в изоляции от центра, и смоленское дворянство вело борьбу с тушинцами, стремящимися вторгнуться в их уезд. Но оно противилось выступить к Москве и поставить под угрозу свои поместья. Оказавшись в изоляции, смоленские дворяне стали независимой силой, с которой были вынуждены считаться местные власти. В условиях оторванности от центра они все больше действуют в защиту своих собственных интересов и позволяют себе некоторые «вольности», которые вряд ли бы сошли им с рук в мирное

¹ Памятники обороны. № 22. С. 15

² Там же. № 17—22. С. 13—15.

³ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 185.

время. Тем более стояла весна, время полевых работ, и не каждый помещик в это время желал нести службу на границе.

Таким образом, смоленское дворянство, став на определенный момент независимой силой, в большей степени заботилось о собственном благосостоянии, чем о государственной службе. Но из этого еще не следует, что смоленское дворянство стало на путь измены. Оно не выступает против М.Б. Шеина и не переходит на сторону А. Гонсевского, а осознает необходимость борьбы с самозванцем и с поляками, и именно поэтому большая его часть идет на соединение с армией М.В. Скопина-Шуйского.

Неэффективность двух застав была связана не столько с «изменой» дворян, сколько с малочисленностью ратных сил, а также с тем, что вся тяжесть по созданию застав и засек ложилась на плечи крестьян. В одной челобитной крестьяне писали: «... Иван Юрьев Жидовинов поставил по всем сторожам с дыма по человеку, и нам государь сиротам твоим от литовских людей неким уберечься»¹. Отсюда стремление крестьян избежать ратной службы. Многие из них были вынуждены переходить на сторону поляков, чтобы не быть полностью разоренными, а то и убитыми. О таких случаях писал в Смоленск И. Башмаков: «Литовские люди в Щуческой волости дорогу ширят и мосты мостят, и пятьдесят три человека Ельшовского десятка пану Шиману крест целовали»².

Именно нехватка воинских сил на заставах вызвала поток крестьянских челобитных в Смоленск. В одной из них крестьяне Щуческой волости писали М.Б. Шеину: «Дайте нам... сына боярского дворянина добра да стрельцов для крепости, чтоб у нас в волости ставили подымных людей на засеку, и на сторожу. А не будет вашего жалования, не дадите нам в Щуче-

¹ АИ. Т. 2. № 353. С. 420—421.

² Там же.

скую волость сына боярского и стрельцов, и нам государь в конец погибнути». Подобную челобитную написали в Смоленск и крестьяне Порецкой волости: «... Били челом от ратных людей о стрельцах, нам де без стрельцов засеки засекачь и мостов разметывати немочно... и не вели государь нас бедных выдать, чтоб нас литовские люди не извоевали...»¹.

В ответ на эти донесения М.Б. Шеин послал 13 мая в Порецкую волость сотню стрельцов. Еще раньше (6 мая) воевода направил в ту же волость дворянина Ивана Жидовинова с приказом: «И приехав собрать Порецкой волости старост, целовальников, и детей боярских, и крестьян и велеть засеки засекачь от Литовского рубежа и по дорогам, и по стежкам от Велижа, и от Суροжа... и беречись по засекам, чтоб литовские люди войной в Порецкую волость не приходили. А которые места литовские люди прочистили, и мосты намостили... и те места тот час велеть засечь, и мосты разметать, и дороги засечь, и сторожи по засекам, и по дорогам, и по стежкам поставить крепкие». Жидовинову было выдано пуд пороху и пуд свинцу, которые он должен был давать «по вестем порецким людям, как почаше приходу литовских людей»².

После этих мер положение на границе улучшилось. В мае И. Жидовинов сообщал: «...а мы стоим с стрельцами, и с волостными людьми безпристанно, день и ноц, а вести приходят к нам почасту... новую дорогу замостил, и мосты разметал до велижского рубежа, а другую дорогу засек вверх по Броду... и сторожей по дорогам и по засекам поставил». В другом донесении он писал «... хочет Гонсевский идти в Порецкую волость, рекою Касплею, а у нас по обе стороны реки Каспли берега засечены и сторожи поставлены». В. Румянцев доносил, что засеки поставил на реке Ельше и три заставы в дерев-

¹ Памятники обороны. № 33, 34. С. 21.

² АИ. Т. 2. № 209. I, IV. С. 241, 243—244.

нях Выдуби, Гнилище и на реке Жилище. Летом сторожи были поставлены в деревнях Плаи, Щучье, Никольской и на реке Стрипице¹.

Но и летом набеги поляков на смоленское порубежье продолжались. В июне «литовские люди от велижского рубежа дорогу лесом просекли в Порецкую волость к деревне Вертеи... те паны пересекли дорогу... и наши засеки в Порецкую волость к деревням Оретово и Броде, и Шиман должен за реку Половию, и тем крестьянам велел тое дорогу ширить и мосты мостить». Поляки, прорубив засеки, вышли на Моховую дорогу и оказались в тылу смоленских застав. Узнав об этом, М.Б. Шеин приказал «засечь Моховую дорогу и мосты разметать... на реке Каспле укрепить крепость...», и послал из Смоленска на помощь И. Жидовинову детей боярских².

В то же время застава И. Жидовинова не внесла каких-либо коренных изменений в отношении ратных людей к охране границы. Начальник заставы писал в Смоленск: «... А Порецкой волости посадские и дворцовые крестьяне тебя не слушают и государевы дела не делают...», в другом донесении читаем: «А Сведичского стану и Порецкой волости на заставе нет ни одного человека, и послал Данилу Лученцова людей на заставу выгнать, и они государева указа не слушают и на заставу не едут... и мне с малыми людьми уберечься неким»³. Положение еще более ухудшилось после того, как 25 июля Шеин отозвал стрельцов в Смоленск. 22 августа И. Жидовинов сообщал воеводе: «И мне государь всего уберечи одному не мочно, а я, государь, болен и детей боярских со мной один Борис Лыков и тот слеп, а Данила Лученцов у вас в Смоленску». Оказавшись без ратных людей, застава И. Жидовинова не смогла выпол-

¹ Там же. № 209.VIII. С. 245—246; Памятники обороны. № 38. С. 24.

² Памятники обороны. № 30. С. 20.

³ АИ. Т. 2. № 353. С. 420—421.

нить возложенные на нее задачи. В августе братьям Гонсевским удалось захватить Щуческую волость. Жидовинов писал: «Щуческая волость вся панам крест целовали»¹.

Анализируя деятельность смоленских застав, можно сделать следующие выводы. Заставы не оказали достаточно сильного сопротивления А. Гонсевскому в захвате смоленских волостей. Это было связано, прежде всего, с их малочисленностью и нежеланием части смоленского населения выступить на защиту границы. Необходимо отметить и тот факт, что заставы создавались в условиях систематических набегов поляков на смоленские земли, когда довольно трудно организовать оборону. Заставы не выполнили той роли, которую возлагал на них М.Б. Шеин. Определенная доля вины лежит и на смоленском воеводе, который не смог обеспечить заставы достаточным воинским контингентом и начал создавать их довольно поздно.

В то же время надо признать позитивную роль создания застав. Во-первых, они способствовали сплочению пограничного населения в условиях надвигающейся войны. Из донесений начальников застав и крестьянских челобитных хорошо видно: часть смоленского населения исправно несла службу на границе. Во-вторых, заставы сыграли определенную разведывательную роль. Все перемещения А. Гонсевского тотчас же доходили до воеводской избы. В мае В. Румянцев сообщал: «...что пошли литовские люди в стругах Двиною, идти им в Ельшо и воевать им Просухово Щюческой волости». От И. Жидовинова пришло известие о том, что «в Велиже литовские люди собираются идти на Смоленск. Гонсевский до Велижу наймует подымных людей и дает им по сорок грошей; с Велижского рубежа на Вязьмену прямо лесом дорогу чистят и мосты мостят к Поречью»². В-третьих, в трудных условиях,

¹ Памятники обороны. № 39. С. 25.

² Там же. № 29, 30. С. 20; АИ. Т. 2. № 353. С. 420—421.

при нехватке людей, начальникам застав весной-летом 1609 г. удалось построить засеки на основных дорогах, ведущих в Смоленск от Велижа, укрепить реку Касплю и тем самым закрыть путь в Смоленск от Велижского рубежа. По имеющимся данным, засеки были построены на довольно большой территории от реки Каспли до Щучьего озера (более 70 км) и поставлены «сторожи» в деревнях Щучье, Плае, Никольской, Выдуби, Гнилище, на реках Жилище и Стрипице.

И все же заставы оказались малоэффективными. Одной из главных причин этого была неспособность смоленского населения мобилизоваться на отпор врага. И эта неспособность была вызвана, прежде всего, продолжающейся гражданской войной. «В такое трудное время, — писал С.М. Соловьев, — трудно было рассчитывать на всеобщее усердие, на всеобщее повиновение»¹.

Достиг ли А. Гонсевский тех целей, которые он ставил перед собой, совершая набеги на смоленское порубежье? Если первая цель была достигнута (захват двух волостей), то вторая цель не была выполнена. Братьям Гонсевским не удалось найти опору среди жителей Смоленского уезда. Население, при всей сложности его положения, весной-летом 1609 г. не пошло на союз с интервентами, и мы не видим прямых актов измены. Донесения с застав говорят как раз об обратном. Смоленские дворяне В. Румянцев, И. Жидовинов и другие в трудных условиях смогли мобилизовать часть населения на строительство засек, организовать охрану смоленских рубежей и нередко просто выгоняли польские отряды со смоленской земли. То же самое мы видим и среди крестьян, основная масса которых стала на путь борьбы с польскими интервентами.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Заставы и засеки создаются на северо-западных гра-

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 548—549.

ницах Смоленского уезда, в то время как западные остаются открытыми, а именно со стороны Орши король подошел к Смоленску. Возникает вопрос: почему М.Б. Шеин укрепляет именно велижский рубеж?

Вряд ли у воеводы были силы укрепить границы и от Велижа, и от Орши. Набеги А. Гонсевского на северо-западные волости говорят о том, что староста стремился отрезать Смоленск от армии М.В. Скопина-Шуйского. Именно поэтому М.Б. Шеин уделяет столько внимания Велижскому рубежу. Строя засеки не только на дорогах, ведущих в Смоленск, но и в районе озера Ельшо, он стремится прикрыть дорогу на Белый. Что касается Орши, то здесь весной 1609 г. было спокойно. Польские силы в этот период, по донесениям смоленских лазутчиков, находились в районе Быхова — Могилева, откуда можно было идти не только на Смоленск, но и на Северскую Украину. Не имея достаточно сил, чтобы прикрыть оба рубежа, М.Б. Шеин прикрывает тот, который весной 1609 г. был наиболее опасным.

4.2. ФОРМИРОВАНИЕ СМОЛЕНСКОЙ АРМИИ И ЗЕМСКОГО СОЮЗА. ЛЕТО 1609 Г.

Летом 1609 г. в Речи Посполитой полным ходом шла подготовка к войне с Россией. В июне король прибыл в Минск, куда пришло известие А. Гонсевского: «Чтоб как можно скорее идти далее... Скопин вывел войска из Смоленска, потому есть надежда, что Смоленск, не имея людей для обороны, покорится королю»¹. Постараемся ответить на вопрос: почему Сигизмунд III избрал целью своего похода именно Смоленск?

Два похода обоих самозванцев показали, что путь через Северскую Украину, где не было крупных крепостей, и населе-

¹ Жолкевский С. Указ. соч. С. 18.

ние которой уже третий год сражалось с Василием Шуйским, был наиболее легким для взятия Москвы. На таком маршруте настаивал ряд польских магнатов, в том числе коронный гетман С. Жолкевский. Он считал, что будет довольно трудно взять Смоленскую крепость. В своих «Записках...» гетман писал: «Смоленск, имея древнюю крепость, которая укреплена больше Борисом, если бы не сдалась добровольно, то остановила в затруднении короля. Такое мероприятие, т.е. взятие Смоленска, требовало бы много пехоты и большого наряда»¹. Формируя армию, С. Жолкевский готовил ее для броска вглубь России, а не для осады крепостей. Именно поэтому польская армия, которая подошла к Смоленску в сентябре 1609 г., не имела осадной артиллерии, а из 12,5 тыс. человек пехоты было немногим больше 4 тыс. Он также сообщал, что сразу после Сейма король не решил, по какому маршруту он пойдет. Но «его обнадеживали, что Смоленск хочет добровольно ему покориться, и ...об этом хлопочет староста велижский, которому уже обещано для осады несколько сотен людей конных и пеших»².

На чем же основывал свои выводы А. Гонсевский, говоря о добровольной сдаче Смоленска? Выше было показано, что основная часть смоленского населения не имела желания переходить на сторону короля. Но о добровольной сдаче города доносил не только А. Гонсевский. Еще в 1607 г. об этом писал староста Орши, а в 1608 г. — Ян-Петр Сапега. Скорее всего, стремление ряда магнатов, связанных с Литвой и Белоруссией, как можно быстрее получить в свои руки Смоленск вынуждало их выдавать желаемое за действительное. И некоторую разобщенность смоленского населения они связывали с тем, что оно готово перейти на их сторону. Захват А. Гонсевским

---

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 20.

двух смоленских волостей литовцы также интерпретировали в свою пользу и, опираясь на этот факт, стремились подтолкнуть короля к походу на Смоленск.

Таким образом, зимой-весной 1609 г. в окружении Сигизмунда III имелись две группировки, которые по-разному определяли маршрут будущего похода. И если литовские магнаты желали отправить короля под Смоленск, то польские сенаторы настаивали на походе к Москве через Северскую Украину. Борьба этих группировок, возможно, и заставляла короля откладывать свой отъезд из Варшавы и не сосредотачивать войска в одном месте. В мае 1609 г. польские отряды находились в Могилеве, Быхове, Минске, Орше, Борисове, Витебске.

Только в июне Сигизмунд III прибыл в Минск, где А. Гонсевский и Л. Сапега уговаривали его выступить к Смоленску. Надо полагать, уход смоленских дворян сыграл определенную роль в выборе маршрута похода. С. Жолкевский сообщает об этом несколько раз и пишет: «Смоляне готовы признать Сигизмунда своим королем»¹.

Поход на Смоленск сулил и некоторые политические выгоды. Быстрое взятие (в чем поляки были уверены) одного из крупнейших городов России сделало бы польского короля третьей силой в гражданской войне, и определенная часть дворянства могла перейти на его сторону, что и произошло в 1610 г. Взятие Смоленска могло привести к кризису и в среде поляков при самозванце. Тем самым Сигизмунд III, взяв Смоленск, становился новым политическим центром в России, к которому бы стекались все недовольные и Василием Шуйским, и Лжедмитрием II, что облегчило бы королю получение московского трона.

Взятие Смоленска успокоило бы и общественное мнение в Речи Посполитой, где многие выступали против Москов-

---

¹ Жолкевский С. Указ. соч. С. 20, 27, 28, 29.

ской войны. Республика получила бы важный стратегический пункт, который поляки никогда не признавали русским владением. Как писал С.М. Соловьев, король «...должен был доставить Речи Посполитой что-нибудь верной... Смоленск для Республики был намного выгоднее, чем династические интересы короля»¹. Сигизмунд III должен был считаться и с интересами литовских магнатов, которые во что бы то ни стало желали получить Смоленск. Таким образом, выбор цели похода был сделан на основе ряда факторов. И эта цель определилась лишь весной-летом 1609 г.

26 августа (5 сентября по новому стилю) польская армия во главе с королем прибыла в Оршу. В ней насчитывалось 12,5 тыс. человек и 30 орудий, осадных было всего 4. Вся армия состояла из 7800 кавалеристов и 4700 человек пехоты. В пехоте насчитывалось 3540 польских пехотинцев и 1130 немецких ландскнехтов во главе с Людвигом Вайером. В кавалерии было 1659 казаков, 2050 польских гусар (тяжелая кавалерия), 300 других кавалеристов (пятыгорцы, конные рейтары, татары, волонтеры), 7 квартных рот (дворянское ополчение) общей численностью 1050 человек. Были еще венгерские гусары, которых привел Станислав Стадницкий. В армии находилось и 10 тыс. запорожских казаков под началом Запорского. Но они должны были быть использованы для действий на дальних коммуникациях и в осаде не участвовали².

Непосредственным командующим армией был коронный гетман Станислав Жолкевский. Кроме него в армии находились канцлер Литвы Лев Сапега, литовский маршал Дорогостайский (глава Сейма), старосты Кракова и Брацлава братья Ян и Яков Потоцкие, староста Перемышля Станислав Стадницкий, кавалер Александр Новодворский.

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 550.

² РИБ. Т. 1. С. 425—431.

Из Орши Андрей Сапега направил письмо в Смоленск, в котором извещал М.Б. Шеина, что король с войском стоит в Орше, и требовал сдать город. 2/12 сентября пришел ответ от воеводы, где было сказано, «чтобы король оставил кровопролитие... и вывел и то войско, с которым идет, и то, которое находится при Дмитрие». Об этом письме С. Жолкевский пишет: «Так как, вопреки московским обычаям, посланник был принят хорошо, то надеялись, что военные люди вышли из Смоленска, и что Смоленск намерен сдаться»¹.

10/20 сентября Сигизмунд III послал жителям Смоленска универсал, в котором обосновывал цели войны. Согласно ему, король шел в Россию, чтобы «при помощи Божей, молитвами Пресвятой Богородицы и всех святых угодников Божиих, охранить вас от всех ваших врагов, избавить от рабства и конечного погубления, остановить разлитие крови христианской, нерушимо утвердить православную русскую веру и даровать вам всем спокойствие и тишину. И вы бы, смоляне, были рады нашей королевской милости, и вышли бы к нам с хлебом-солью, и пожелали бы быть под высокою королевскою рукою нашей...»².

16 / 26 сентября передовые части польской армии стали подходить к Смоленску, имели стычку со смолянами и отошли. Через три дня к городу с основными силами подошли литовский канцлер и С. Жолкевский. 21 сентября/1 октября под Смоленск прибыл король.

Начало польской интервенции ухудшило положение как Василия Шуйского, так и самозванца. Раскол русского общества способствовал переходу на сторону польского короля определенной его части, увидевшей в нем силу, способную навести порядок в стране.

---

¹ РИБ. Т. 1. С. 436; Жолкевский С. Указ. соч. С. 28.

² РИО. Т. 113. С. 48.

В то же время впервые после начала гражданской войны перед русским народом встал вопрос о национальной независимости. И если одна часть русского общества в 1610 г. перешла на сторону Сигизмунда III, то другая его часть начала национально-освободительную войну с польскими захватчиками.

Таким образом, польская интервенция привела к размежеванию политических сил русского общества, что вело, с одной стороны, к усилению политической борьбы между различными группировками, а с другой — способствовала началу национально-освободительного движения.

Прежде чем приступить к описанию обороны Смоленска, необходимо выяснить, как была организована смоленская армия.

Начнем с военно-стратегической характеристики Смоленской крепости. Строительство Смоленской крепостной стены проводилось в 1596—1602 гг. по приказу Бориса Годунова. О Смоленской крепости имеется значительная литература. Одной из наиболее ценных работ по данной теме является монография В.В. Косточкина «Государев мастер Федор Конь». О смоленской крепости автор пишет: «Это русская классика, своего рода Ренессанс. Не случайно некоторые исследователи сопоставляли это произведение Ф. Коня с итальянскими замками»¹.

Смоленская крепость имела протяженность 6,5 км и насчитывала 38 башен, расстояние между которыми составляло примерно 158 м. Толщина крепостной стены достигала 4,2—6 м, высота прясел — 12—19 м (вместе с зубцами). Крепостные башни были трех видов: воротные, круглые, или грановитые, и четырехугольные. Воротных башен было 9. Проезд в 8 из них был сделан коленом, т.е. изогнутый под прямым углом,

¹ Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 13.

чтобы затруднить проникновение в крепость вражеских войск. Большую нагрузку имели 16 грановитых башен. Все они были вынесены за линию крепости, что обеспечивало фланговый обстрел атакующих. На этих башнях имелись машикули — навесные бойницы, дающие возможность вести стрельбу сверху вниз. Четырехугольные башни были меньшего сечения и фактически являлись опорными башнями.

В целом грановитые и четырехугольные башни чередовались между собой. Но это было не по всей крепости. На северо-западе сразу три грановитых башни шли одна за одной: Иворовская, Микулинская, Богословская. На востоке у Авраамиевского монастыря соседствовали две круглые башни: Заалтарная и Орел, между которыми находились Авраамиевские ворота. Такое усиление было сделано на наиболее опасных участках.

Крепость имела три уровня боя: верхний, средний и подошвенный. Ведение верхнего боя предусматривалось с боевой верхней площадки (ее ширина составляла 4—4,5 м). Бойницы подошвенного и среднего боя располагались в шахматном порядке.

Вся крепостная артиллерия была установлена на башнях. Всего на них могло находиться примерно 500 орудий, если исходить из того факта, что на воротных башнях имелась 21 бойница, на грановитых — 14, на четырехугольных — 6. С прясел огонь велся стрелковым оружием.

Особенностью Смоленской крепости являлось то, что ее западная стена являлась глухой, здесь не было ни одних ворот.

В целом Смоленская крепостная стена являлась довольно мощным оборонительным сооружением, построенным по последнему слову тогдашней фортификации, которая очень гармонично вписывалась в окружающую ее местность. Она была расположена между двух малых речек, текущих в глубоких оврагах — Рачевки и Чуриловки, которые окружали крепость

с востока и запада. Рачевка протекала довольно близко от крепости, за которой начинался овраг. Это затрудняло организацию штурма с восточной стороны. Единственной открытой площадкой на восточной стороне, где можно было поставить войска, была местность перед Авраамиевскими воротами. Южная сторона была заболоченной, организовать штурм с этой стороны было невозможно. Единственным местом, где вражеская армия могла установить артиллерию и расположить значительные силы, была Спасская гора между реками Чуриловкой и Смядынью, с западной стороны крепости. Именно поэтому эта сторона крепостной стены была глухой. С севера крепость защищала естественная преграда — река Днепр.

Кроме каменной крепости в Смоленске существовали и другие оборонительные сооружения. В разрядных книгах под 1580 г. упоминается «большой старый деревянный город». Согласно документам воеводской избы, его укрепления проходили от Крылашовских до Пятницких ворот¹.

В западной части города существовал Пятницкий острог. Он представлял собой земляной вал, который тянулся от устья реки Чуриловки, охватывая Пятницкий конец города, до Богословской башни, затем шел вдоль крепостной стены, примерно до современных валов Королевского бастиона².

Имелся еще «Новый город», построенный в 1550-е гг. Это была деревянная стена, идущая от Авраамиевского монастыря до современного Королевского бастиона³. При постройке крепости он оказался внутри каменных стен.

---

¹ Разрядная книга 1475—1598... С. 312; Памятники обороны. № 238. С. 166—170.

² АИ. Т. 2. № 266; Памятники обороны. № 51; РИБ. Т. 1. С. 452, 455.

³ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска до постройки крепости 1596—1602 гг. // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). Под ред. Д.А. Авдусина. М., 1991. С. 58.

Укреплён был и Заднепровский посад. По мнению Н.В. Сапожникова, острог в Заднепровье был построен в конце XVI в. Он был окружён двойным тыном длиной 2 км и тянулся вдоль Городянского и Ильинского ручьев; северная граница острога проходила примерно в районе современной улицы Кашена. Его площадь составляла примерно 5 га¹.

Таким образом, оборонительные сооружения Смоленска были довольно разнообразны, ими были охвачены и сам город, и посады. При умелом руководстве обороной город являлся неприступной крепостью, что и продемонстрировала оборона Смоленска 1609—1611 гг.

В июле 1609 г. в Смоленск пришло известие: «Короля чают под Смоленском к Спасову дни (9 августа), а не будет к Спасову дни и король будет подлино под Смоленском к Оспожнему дни (8 сентября)»². С этого времени начинается непосредственная подготовка города к обороне.

18—20 августа М.Б. Шеин издает приказ, чтобы «Смоленского уезда с станов и волостей, и с дворянских, и детей боярских поместий, и с вотчин, и с церковных земель собрати даточных людей для осадного времени с сохи по шесть человек с пищалями и топоры». Согласно этому приказу, помещики должны были поставить в армию 507 крестьян. По далеко не полным данным смоленские дворяне Иван Битяговский, Иван Жидовинов и Федор Кокошин собрали с поместий даточных людей в количестве 245 человек³.

В.П. Мальцев пишет, что смоленские помещики не додали в армию 50 % даточных; правда, он оговаривается, что их списки далеко не полные. Далее он называет 35 дворян, не вы-

¹ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска... С. 65.

² АИ. Т. 2. № 264. С. 316—317.

³ Памятники обороны. № 41, 49, 240, 257—259. С. 25, 30, 226—233.

ставивших крестьян¹. Но в источнике названо лишь 18 таких помещиков, причем трое из них — Атаман Золотилов, Михаил Дивов и Иван Фирсов — значатся в списках даточных, т.е. они дали меньше крестьян, чем полагалось с их земельных владений. Остальные 17 человек — это те, чьи крестьяне не ходят сторожить к Лазаревским воротам. М.Б. Шеин приказал их «сыскать» и определить в отряд Ивана Битяговского². Как видим, в этот документ вошли нетчики, которые отказывались нести службу по обороне Смоленска, да и сам документ датирован 2 октября.

Таблица №. 8 Количество даточных, собранных со станов и волостей Смоленского уезда.

Наименование станов и волостей	Количество даточных		Кол-во помещиков
	План	Фактически	
Бережанский	56	35	29
Свадицкая	15	13	13
Рудская	13	13	13
Катънская,	5	3	4
Мупковская	10	8	7
Ветлицкая	15	20	20
Вопецкий	26	9	29
Буйгородский	51	29	29
Ратчинский	36	32	34
Ивановский	43	43	40
Дубровский	37	4	5
Долгомостский	19	14	15
Максимовский	34	10	10
Щучская	15	0	0
Елинский	34	0	0
Иванковский	34	0	0
Молоховский	31	0	0
Без указания станов		12	11
Всего	507	245	249

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 217.

² Памятники обороны. № 49. С. 30.

По всей вероятности, количество даточных было значительно больше названной цифры. В списках записан лишь 231 крестьянин и вообще не указаны даточные с трех станов и одной волости, с которых требовалось собрать 114 человек. В других документах названо еще 20 помещиков, выставивших 14 крестьян, но в списках из них указан лишь Александр Языков. Сами списки далеко не полные. Так, в документе сказано: «и всего Бережнянского стана даточных людей 27 человек», но из них названо только 20, а в другом месте записаны еще 10 помещиков этого стана, которые выставили 8 крестьян¹.

21 августа последовал новый приказ воеводы: собрать «с архиепископских и монастырских вотчин в осаду людей 181 человек, да церковных 30 человек, и всего 211 человек». В этот же день Шеин приказал взять даточных с дворцовых волостей с сохи по 7 человек, всего дворцовые волости выставили 121 даточного². Всех даточных крестьян в Смоленске, согласно документам, было собрано 581 человек. Кроме них в Смоленской армии были и другие крестьяне, 114 человек было придано пушкарям³. Согласно отрывку «росписи сбежим крестьянам», от Молоховских ворот до Богословской башни было расставлено 379 крестьян, которые, скорее всего, предназначались для различных вспомогательных работ⁴. В.П. Мальцев называет еще 226 «боярских людей збежих крестьян», но источник, на который он ссылается, относится к марту 1610 г., и, возможно, эти крестьяне составляли лишь часть из 379, стоящих вдоль крепостной стены⁵. Таким образом, крестьянская часть смоленской армии, согласно документам, составляла 1074 человека.

---

¹ Памятники обороны. № 240, 257, 258. С. 173, 226—231.

² Там же. № 228, 257—259. С. 140, 226—233.

³ Там же. № 239. С. 173.

⁴ Там же. № 238. С. 166—170.

⁵ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 226.

28 августа была составлена «Роспись смоленского гарнизона по башням». В ней сказано, что «по башням, и по стене, и у наряда» поставлено 39 дворян, 48 купцов и 1862 посадских». Основную часть гарнизона составили ремесленники смоленских слобод. Только одна Городецкая слобода выставила 389 человек. Они должны были защищать северную и северо-восточную часть стены от Фроловских ворот до Городецкой башни (Орел). Введенская сотня дала в армию обороны 187 человек, на них возлагалась защита 4 восточных башен, в том числе Авраамиевских ворот. Представители двух полусох Крылаповской и Воровской (260 человек) защищали 6 башен до Маховой. Маховую башню и Молоховские ворота обороняли посадские Пятницкого конца — всего 121 человек. На следующих 8 башнях были поставлены посадские Воскресенской слободы — 383 человека. Далее оборону несли посадские Вязовеньковской сотни — 312 человек, они защищали 5 башен. Микулинскую и Пятницкие ворота обороняли представители Новой Загородной слободы — 83 человека. На Иворской башне стояли 39 человек из архиепископской слободы, а на следующих двух — 74 человека Ямской слободы¹.

Кроме основного гарнизона, защищавшего крепостную стену, в смоленской армии был создан резервный отряд под командованием Ивана Битяговского, «оставленные за осадной росписью». В его состав вошли посадские архиепископской и монастырской слобод — 290 человек, оставленные стрельцы приказов Ф. Зубова и В. Чихачева без пищалей — 137 человек, пушкарские дети — 52 человека, а также посадские Вязьмы и Дорогобужа — 304 и 281 человек соответственно². Всего 1064 человека. Сам отряд был разделен на три части, которые

¹ АИ. Т. 2. № 254. С. 301—302; Памятники обороны. № 228, 232. С. 140, 151—158.

² Памятники обороны. № 233. С. 158

располагались в Пятницком и Крылашовском концах и в Заднепровском остроге.

Таким образом, посадская часть армии насчитывала 2785 человек. Она состояла из 1910 человек, расписанных в росписи всего гарнизона, 290 человек, мобилизованных из монастырских и архиепископских слобод, и из посадских Вязьмы и Дорогобужа¹.

Количество стрельцов В.П. Мальцев определяет в 500 человек². Согласно данным «Дневника Марины Мнишек», весной 1606 г. в Смоленске было 2 тыс. стрельцов, что составляло 4—5 приказов (стрелецкий приказ насчитывал 450 человек)³. Осенью 1606 г. приказ Оболенева выступил к Москве и оставался в столице до осени 1610 г. С Я. Бярятинским и С. Адауровым ушли приказы В. Чихачева и Ф. Зубова. В сентябре 1609 г. какое-то количество стрельцов М.Б. Шеин отправил в Дорогобуж⁴. Вряд ли воевода перед началом осады мог выслать против тушинцев значительные силы стрельцов, если бы у него был всего один приказ. Скорее всего, в Смоленске в сентябре 1609 г. было 2 стрелецких приказа, и несколько сотен стрельцов М.Б. Шеин направил в Дорогобуж. Бежавшие из Смоленска называли разные цифры стрельцов: 300 и 500 человек. Попавший в плен летом 1610 г. дворянин показал, что стрельцов в Смоленске 500 человек. В начале осады их могло быть больше, возможно, 550 человек, т.е. один приказ и одна сотня.

Дворян в Смоленске насчитывалось примерно 550 человек. Согласно хлебным раздачам, в городе было 100 брянчан и серпян, 65 вязьмичей, 38 дорогобужан, несколько дворян из Рославля, Почёпа и Мещовска — всего более 200 человек. Смоленских дворян, согласно сбора даточных, имелось 269 че-

---

¹ Памятники обороны. № 233. С. 158

² *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 228.

³ ССДС. Ч. 4. С. 17.

⁴ Памятники обороны. № 48, 242. С. 29, 185—197.

ловек, с учетом тех, кто не выставил даточных (приложение № 1), но в документе не указаны дворяне Еленского, Молоховского и Иванковского станов и ряда волостей. Согласно списка смоленских детей боярских, составленных воеводской избой перед началом осады, дворян в Смоленске было 134 человека, из них 14 неверстанных новиков, и 19 значащихся в списках даточных¹. И всех смоленских дворян летом 1609 г. в Смоленске насчитывалось 370 человек без новиков, но так как списки далеко не полные, то их число могло доходить до 400. В сентябре часть дворян во главе с Воиным Дивовым ушла в Дорогобуж. И скорее всего, число смоленских дворян в смоленской армии превышало 300 человек. В смоленскую армию входили и пушкари, которых было всего 37 человек². Таким образом, согласно документам, в начале осады смоленская армия насчитывала 4996 человек.

Близкую к этой цифре численность смоленской армии дают и польские документы. 11 сентября один пленный сообщал полякам, что в Смоленске «годных к бою 200 бояр и 300 стрельцов». 26 сентября другой пленный называл другие цифры: «мало имеют людей годных к бою — имеют лишь 500 стрельцов, пушек имеют довольно, но некому стрелять». 29 июня 1610 г. в плен был взят смоленский дворянин, который «сообщил такие сведения: бояр 500, стрельцов 500, посадских людей из купечества 2000, черни 1000»³. Иными словами, смоленская армия после 9 месяцев осады насчитывала 4 тыс. человек, и вполне допустимо, что в начале осады она могла быть на 1 тыс. больше, если учесть большую смертность среди простых людей зимой-весной 1610 г.

Говоря о вооружении посадских людей, В.П. Мальцев анализирует состав отряда Анания Семеновича Белянинова, кото-

---

¹ Там же. № 261. С. 238—239.

² Там же. № 228. С. 140.

³ РИБ. Т. 1. С. 433, 441, 661.

рый защищал Громовую башню. В его отряде было 47 человек из Воскресенской сотни, из них 24 человека имели на вооружении самопалы, т.е. огнестрельное оружие. Отсюда историк делает вывод, что 56 % посадских людей были вооружены огнестрельным оружием¹.

Но отряд Белянинова — лишь незначительная часть смоленской армии, и делать вывод о ее вооружении на основе маленького отряда не совсем корректно. Из списка всей Воскресенской сотни, насчитывающей 363 человека, самопалами был вооружен 151 посадский (41,4 %). В Вязовеньковской сотне из 104 человек самопалы имели 25 (24 %)².

Таким образом, посадские разных сотен были вооружены огнестрельным оружием далеко не равномерно, и вычислить точный процент огнестрельного оружия, находящегося на вооружении всей смоленской армии, не представляется возможным. Можно судить о ее вооружении только на основе данных «Росписи гарнизона», где перечислено лишь 1910 человек. Но исходя из сведений о двух посадских сотнях, можно допустить, что этот процент среди посадских был ниже 50 %.

В.П. Мальцев называет смоленскую армию «народной армией обороны», исходя из того, что собственно народная ее часть (посадские и крестьяне) составляли 80,3 %, а дворяне и стрельцы — 19,7 %. Далее историк стремится доказать, что всей обороной Смоленска руководил посадский мир. Именно посадские, по его мнению, занимали начальствующие должности на башнях³. Он ссылается на «осадную роспись», где говорится о посадских командирах. На Днепровских воротах начальниками были Лука Горбачев, Григорий Горохов, Филипп Станковский. Но документ, на который ссылается историк, —

---

¹ Памятники обороны. № 232. С. 151—158; *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 235.

² Памятники обороны. № 234, 235. С. 158—165.

³ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 230—232.

это роспись посадских людей, и здесь не может быть никого кроме них. В росписи же всего гарнизона прямо сказано, что командирами на башнях были дворяне. Отрядом на Днепровских воротах командовал Никифор Ефимьев. На остальных воротах было по одному дворянскому командиру и по два посадских, на других башнях командовали один дворянин и один посадский¹.

Опираясь на этот факт, В.П. Мальцев пишет, что в Смоленске в период подготовки города к обороне шла борьба между посадскими и дворянами за командные должности. Здесь же историк говорит о трех вариантах росписи, которые и отражают борьбу между дворянством и посадским миром. «В третьем варианте, — пишет автор, — уступка посадских выразилась в том, что вместо полновластного командования гарнизоном стены посадский мир оставил за собой контроль над дворянскими “головами” и создал нечто вроде института посадских комиссаров при дворянских командирах»².

Но в «Памятниках обороны...» имеется лишь две росписи: это роспись посадских и роспись всего гарнизона по стенам и башням. Первая составлялась земской избой, вторая — в воеводской избе. В первой названы лишь посадские командиры, во второй указаны не только командиры, но и численность отрядов на башнях. И тот факт, что во второй росписи часть посадских командиров заменена на других лиц, свидетельствует, что всеми вопросами, связанными с обороной, ведала воеводская изба. Так, в росписи гарнизона посадскими командирами на Днепровских воротах названы Епифан Рогатников, Григорий Горохов и Филипп Станковский. Замена посадских командиров была проведена на всех башнях (приложение № 5).

---

¹ Памятники обороны. № 231, 232. С 149—158.

² *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 231.

Проанализировав поместный оклад командиров башен, В.П. Мальцев пришел к выводу, что М.Б. Шеин осенью 1609 г. опирался в основном на средних дворян с окладами 300—450 четей. Дворян с окладами 500 четей было всего 4 человека. Но из 38 командиров оклады известны только у 23. Из числа дворян, выставивших даточных, высшие оклады были у 22 человек, большинство помещиков, чьи оклады известны, принадлежали к среднему слою детей боярских. Скорее всего, в Смоленске осенью 1609 г. среднее дворянство составляло большинство, почему воевода и назначает их командирами на башнях.

Вопрос о назначении командиров решался М.Б. Шеиным, посадские, возможно, и участвовали в обсуждении этих вопросов, но последнее слово оставалось за воеводами.

В.П. Мальцев в своей работе стремится противопоставить смоленское дворянство и М.Б. Шеина, которого поддерживали посадские люди. Но источники не содержат каких-либо сведений о разногласиях между дворянами и воеводой в 1609 г. Кроме того, дворяне наряду со стрельцами являлись единственным профессиональным в военном отношении слоем смоленского населения. Поэтому М.Б. Шеин, организуя армию, должен был опереться, прежде всего, на дворян. Именно они были командирами на башнях и командовали резервными отрядами. Что касается посадских, то они составляли основную часть смоленского населения и имели довольно стройную организацию: у них были свои уличанские старосты, посадские делились на десятки и сотни, многие категории ремесленников знали толк в оружии. Именно поэтому посадские составляли ударную часть смоленских отрядов. Организованные в десятки и сотни, они входили в отряды со своей организацией, во главе с десятскими и сотскими, которые и являлись командирами посадских людей. Зная своих подчиненных, десятские и сотские могли организовать оборону башен более удачно, ставя опытных и

знающих людей на опасные места. На дворянского командира ложилась задача осуществлять общее руководство по обороне отведенного участка. И в этой должности он как профессионал мог принести больше пользы, чем посадский командир.

Определив роль посадских людей в обороне Смоленска как главенствующую, союзником которых были крестьяне, В.П. Мальцев делает один из основополагающих выводов своей работы — о наличии в Смоленске в период осады посадско-крестьянского блока¹. Данный вывод основывается лишь на умозаключении историка, что смоленские дворяне стремились перейти на сторону Речи Посполитой и не были заинтересованы в обороне Смоленска. Само положение о посадско-крестьянском блоке в книге слабо аргументировано и фактически не доказано.

Выше уже было сказано, что зимой 1608—1609 гг. при возросшей роли дворян и посадских в городской жизни смоленские воеводы в своей деятельности опирались на оба сословия. В условиях подготовки к осаде эта опора, надо полагать, еще больше возросла. Дворяне, стрельцы и посадские составляют основной костяк смоленской армии. И эти три слоя смоленского населения, при одинаковых интересах, должны были составить земский союз, который на первом этапе обороны цементировал всю смоленскую армию. Их главной задачей на тот момент была защита родного города, и это сплачивало все смоленское население. Экстремальность ситуации также способствовала образованию земского союза. Находящиеся в Смоленске посадские Вязьмы и Дорогобужа, а также дворяне близлежащих уездов имели одни и те же интересы со смолянами. Задача отстоять свой город осенью 1609 г. явилась идеологией всего смоленского населения, на основе которой в этот период и сложился земский союз всей смоленской земли.

---

¹ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 172—173, 255.

Главной причиной возникновения земского союза было то, что и смоленские дворяне, и посадские на протяжении всей гражданской войны поддерживали центральную власть, и у них не возникало каких-либо причин для перехода на сторону самозванцев и польского короля.

Крестьяне, участвующие в обороне, занимали в городе подчиненное положение, что хорошо видно из хлебных раздач. В отличие от остального смоленского населения крестьяне в период осады не получали государственного хлеба. Они входили во вспомогательные отряды и выполняли самую непрофессиональную работу. В челобитной смоленского дворянина Федора Климова говорится, что его крестьяне ходили в «слу-хи», т.е. рыли подземные ходы и несли в них дежурство, «и в осаде... все его крестьяне померли»¹. У крестьян не было никаких точек соприкосновения ни с посадскими, ни тем более с дворянами. Крестьяне являлись зависимым населением, занимали в Смоленске подчиненное положение и стояли на самой низкой ступени социальной иерархии. Поэтому вряд ли крестьяне в Смоленске могли играть важную роль и тем более составить посадско-крестьянский блок.

Таким образом, нет достаточных оснований для утверждения о существовании в Смоленске посадско-крестьянского блока. В то же время можно говорить о земском союзе всех сословий Смоленской земли. Этот союз сложился в экстремальных условиях, в условиях осады, и во многом это был вынужденный союз, он не был организационно оформлен, в нем существовали сословные противоречия, поэтому он не мог быть достаточно прочным.

Рассмотрим вопрос о количестве смоленской артиллерии. Тем более что в исторической литературе эта цифра разнится. С.М. Соловьев, опираясь на допросные листы М.Б. Шеина,

¹ РИБ. Т. 2. Стб. 706.

пишет, что в Смоленске было 170 пушек. Эту цифру приводят многие историки. По польским источникам, количество смоленской артиллерии колеблется от 250 до 300¹.

В дошедшей до нас росписи артиллерии, составленной 27 августа 1609 г., известно количество орудий на 20 башнях — от Еленских ворот до бязымянной четырехугольной, находящейся рядом с Богословской. Кроме них артиллерия указана на башне Веселуха (Лучинская) и еще на одной четырехугольной, которую защищали жители Городецкой слободы². Скорее всего, это Стефанская или Позднякова. На всех указанных башнях было установлено 168 орудий. Сохранился еще отрывок росписи, в котором указана артиллерия на Богословской, Иворовской, Городецкой (Орел), Микулинской башнях и на Пятницких и Водяных воротах. Всего здесь находилось 26 пушек, но артиллерия на этих башнях указана не полностью, так как в росписи имеются пропуски³. Таким образом, согласно документам, на 27 башнях было установлено 194 пушки (приложение № 5). Остаются неучтенными 11 башен. Это Днепровские, Крылашевские, Авраамиевские, Лазаревские ворота, а также башни: Зимбулка, Воронина, Костыревская, Волкова, Заалтарная — в основном северная и северо-восточная сторона крепости. Здесь, по самым минимальным подсчетам, могло находиться более 30 пушек, но могло быть и больше. Только на Днепровских воротах могло разместиться более 20 орудий, так как башня этих ворот, в отличие от остальных, имела 5 ярусов. Таким образом, всего на смоленской крепости могло находиться примерно 220—

---

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 637; Редков Н. Смоленск в Смутное время... С. 31; Жолкевский С. Указ. соч. С. 31; Памятная книжка Смоленской губернии на 1864/1865 гг. Смоленск, 1865. С. 2.

² Памятники обороны. № 229. С. 140—147.

³ АИ. Т. 2. № 259. II. С. 311—312.

250 орудий. Правда, пушкарей в Смоленске было всего 37 человек¹.

При этом необходимо отметить, что крепость не была обеспечена артиллерией полностью. На грановитых башнях стояло от 8 до 16 орудий, тогда как на каждой из них могло разместиться 16 пушек. Несколько орудий было доставлено из Дорогобужа, о чем сказано в росписи. Довольно мощной артиллерией обладали Молоховские и Копытецкие ворота, 10 и 11 орудий соответственно, а также Касандаловская, Безымянная круглая у Копытецких ворот, Евстафьевская, Городецкая (Орел), Веселуха и Богословская башни (от 10 до 16 орудий) (приложение № 5).

Кто же осуществлял всю полноту власти в Смоленске в период осады? По В.П. Мальцеву, в городе в сентябре 1609 г. был образован городской совет, который стал «народным правительством»; ему подчинялись смоленские воеводы, а воеводская изба являлась исполнительным органом смоленского правительства совместно с земской избой². Историк ссылается на грамоту архиепископа Сергия, в которой сказано: «...и боярин твой государев и воевода, Михайла Борисович Шеин с товарищи, переговора со смолянны, со всякими людьми, смоленский посад велели выжечи для приступу литовского короля»³. Понимая под смолянами и всякими людьми всех жителей Смоленска, В.П. Мальцев пишет, что в городе было созвано «нечто вроде городского вече или городского земского собора»⁴. Но в грамоте не говорится о городском совете, из нее видно, что решение о сожжении посада исходит от воеводы, который посоветовался со смолянами. Тем более из нее не следует вывод о каком-

¹ Памятники обороны. № 239. С. 171—172.

² Мальцев В.П. Указ. соч. С. 249—254.

³ АИ. Т. 2. № 264. С. 316—317.

⁴ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 250.

либо подчинении воевод посадским. Под смолянами здесь следует понимать не всех жителей города, а лишь тех, кто входил в земскую избу, они и посоветовались с посадскими людьми.

Другим документом, в котором говорится о городском совете, В.П. Мальцев считает письмо посадского Василия Колоколова в Москву от 8 октября, где сказано: «...и мне с торговыми людьми сход был под стеною по боярской приписке и по мирской; и я им (полякам. — С.А.) не маня, отказал без опасу...»¹. Историк считает, что Колоколов вел переговоры от лица совета, ссылаясь на слова «по боярской приписке и по мирской». Но если инициатива исходила от совета, то Колоколову незачем было упоминать о боярской приписке. И значит, решение о переговорах исходило от М.Б. Шеина, а земская изба составляла список посадских, участвующих в переговорах. Письмо Колоколова не доказывает наличие в Смоленске городского совета, оно лишь свидетельствует о возросшей роли земской избы в городских делах.

В доказательство своей версии В.П. Мальцев приводит еще один документ — грамоту смолян в Москву от 9 октября. В ней говорится: «...мы твои государевы сироты посоветовав с твоим государевым богомольцем, просвещенным Сергием архиепископом смоленским, да с твоим государевым боярином и воеводой с Мохалом Борисовичем Шеиным, да со князем Петром Ивановичем Горчаковым, да с дьяком Никоном Алексеевым, и со служилыми людьми... литовскому королю и радным панам отказали»². Но данная грамота составлена традиционно, с перечислением всех административных лиц, что свидетельствует об отсутствии в городе какого-либо иного органа власти, кроме воевод и воеводской избы.

¹ АИ. Т. 2. № 354. С. 421.

² Там же. № 267. С. 319.

Говоря о городском совете, В.П. Мальцев нигде не пишет о его составе. Из письма Колоколов, где сказано о «земской приписке», можно сделать вывод, что совет состоял из посадских старост. Но из документов воеводской избы хорошо видно, что М.Б. Шеин неоднократно отдает им приказания о регламентации осадной жизни в городе. Земская изба подчинялась воеводам, и следовательно, никакого совета в Смоленске не было.

Власть в Смоленске осенью 1609 г. осуществлялась традиционно — через воевод и воеводскую избу. Именно они издают все приказы и распоряжения по организации смоленской армии и, как увидим далее, от них исходят все решения по организации обороны города и регламентации осадной жизни. Воеводская изба в этот период становится генеральным штабом смоленской армии. Единственным изменением в структуре городской власти следует считать возросшую роль земской избы, во главе которой стояли посадские старосты Лука Горбачев и Юрий Огопьянов.

Как же в целом была организована оборона Смоленска? Непосредственную оборону башен и прясел несла посадская часть армии, которая была разделена на два отряда. Первый, в количестве 380 человек, нес караулы днем и ночью непосредственно на крепости. Второй находился в резерве, им командовали дворяне Григорий Кокосин и Иван Жидовинов. Во втором отряде насчитывалось 1482 человека. Существовало еще два резервных отряда, под командой Михаила и Ивана Битяговских: в первый входили посадские смоленских слобод и крестьяне, второй состоял из слобожан Петровского и Покровского монастырей и посадских Вязьмы и Дорогобужа¹.

¹ Памятники обороны. № 232, 233. С. 151—158.

4.3. ЗЕМСКИЙ СОЮЗ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ОБОРОНЫ СМОЛЕНСКА. СЕНТЯБРЬ 1609 — АВГУСТ 1610 Г.

В конце сентября 1609 г. армия Сигизмунда III осадила Смоленск. Еще до подхода основных польских сил М.Б. Шеин 13 сентября ввел в городе осадное положение. В этот же день была составлена «Роспись караульной службы». Осипу Кирпичникову приказывалось «дозирать... посадских людей... что бы посадские люди были без поущения по все ночи, по росписи с полна». Согласно данной росписи город делился на три сектора обороны¹.

19 сентября, когда к Смоленску подошли основные силы Льва Сапеги, воеводы приняли решение сжечь Заднепровский посад. В ночь на 20 сентября посад был сожжен, в нем сгорело 6 тыс. дворов. По словам С. Бельского, посад горел всю ночь². Таким образом, с первых дней осады смоляне встали на защиту родного города. Ставка поляков на добровольную сдачу Смоленска оказалась иллюзорной.

В грамоте, которую смоляне отправили в Москву 9 октября, говорилось: «...а мы здесь в Смоленску с служилыми людьми, и со всеми православными крестьяне — обещались Господу Богу, и Пречистой Богородице, и угодникам ее Меркурию, и Авраамию, и Офрему, и всем святым, что за нее Пречистую Богородицу, и за Государя и Великого князя Василия Ивановича всея Руси, за его крестное целование, и за ваши жоны, и дети, и за все православное крестьянство в дому у Пречистой Богородице помирать, и города не сдать, и литовскому королю не покориться». Слова грамоты звучат, как клятва отстоять свой город.

Простые смоляне в письмах в Москву также сообщали о стремлении защищать Смоленск. Вот что писал 8 октября не-

¹ Там же. № 236. С.165.

² Иностраные документы и акты... С. 6.

кoему Василию Мирoнoвичу смоленский поdьячий Василий Торокан: «... и в том все мы целовали крест государю, что в городе в остроге сидети, и с литовскими людьми, и с воры битись до смерти, и города, и острога не здати... блюдясь королевского приступу вскоре посады выжгли сами»¹. Письмо явно перекликается с грамотой от 9 октября.

Подойдя к Смоленску, польская армия расположилась в основном на западной стороне крепости — в Днепровской долине и на прилегающих к ней высотах. Сигизмунд III стал в Троицком монастыре на Кловке, С. Жолкевский — в Борисоглебском на Смядыни. Поближе к городу были выдвинуты войска Л. Сапеги, который занял Спасский монастырь. Здесь же, на Спасской горе, находились войска Стадницкого. Братья Потоцкие расположились за Днепром на Покровской горе, на подоле поставил войска литовский маршал Дорогостайский. Немецкая пехота Вайера заняла местность перед Чуриловским рвом, где возвела шанцы и поставила осадные орудия. Венгры и часть немецкой пехоты во главе с Новодворским расположились за Рачевкой — перед Крылашовскими, Авраамиевскими и Никольскими воротами. С южной стороны были вырыты траншеи, действовали кавалерийские отряды, каких-либо постоянных воинских соединений здесь не было.

Осадив Смоленск, поляки заняли и все деревни вокруг него. «Деревни в окрестностях Смоленска, — пишет Маскевич, — миль на 18 на 20 и далее от города были заняты товарищами, и похолики жили в них безопасно, а крестьяне возили в лагерь съесные запасы». Об этом сообщает и смоленский дворянин Астафьев: «... а в деревнешке все люди и животы побраны, живут литовские люди, хлеб молотят»². Осенью 1609 г. для смоленских крестьян наступили тяжелые времена, многие из них

¹ АИ. Т. 2. № 267. С. 319; ТОДРЛ. Т. 14. С. 276.

² ССДС. Ч. 5. С. 19; АЗР. Т. 4. № 183.

были вынуждены скрываться от поляков в лесах, о чем пишет С. Маскевич: «...окрестные жители бежали в леса с домашним скотом и образами...». Крестьяне, пробравшиеся в Смоленск, в расспросах рисуют подобную картину: «как деи пришли к ним литовские люди и они от литовских людей бегали по лесу и жили в лесу»¹.

С первых дней осады началась подготовка к штурму крепости. Взятый смолянами в плен немец показал, что «...поляки хотят ставить туры, а на Спасской горе поставить четыре пушки... а за Днепром хотят поставить пушки на берегу...». По данным Маскевича, на Покровской горе находилось 6 орудий². Правда, никакого заранее продуманного плана осады крепости польские военачальники не имели. Когда стало ясно, что смоляне добровольно не сдадутся, С. Жолкевский созвал совет, где постарался выяснить, кто из сенаторов что-либо знает о «добывании замков»³. Первый штурм Смоленска поляки предприняли 24 сентября (4 октября). Ему предшествовал артиллерийский обстрел со Спасской горы. Утром немецкая пехота Вайера начала атаку Копытецких и Пятницких ворот, одновременно Новодворский и Шембек повели войска на Авраамиевские ворота. Под ворота заложили петарды (мины). Если у Вайера петарды произвели слабое действие, то от взрыва петарды Новодворского выбило Авраамиевские ворота. Венгры дважды врывались в крепость, и смоляне выбивали их в рукопашной схватке. Но большая часть войска Новодворского, не услышав сигнала, так как разбежались сигнальщики, осталась на месте. Первый штурм окончился ничем. На этом деле поляки потеряли 10 человек убитыми и 70 ранеными⁴.

---

¹ ССДС. Ч. 5. С. 23; Памятники обороны. № 68. С. 40.

² ССДС. Ч. 5. С. 22.

³ Жолкевский С. Указ. соч. С. 33.

⁴ РИБ. Т. 1. С. 450—451.

Ночью 25 сентября / 5 октября поляки атаковали Заднепровский острог и смоляне были вынуждены отойти в крепость. Следующей ночью немецкая пехота захватила Пятницкий острог. 27 сентября / 7 октября был предпринят штурм Пятницких и Фроловских ворот, которые прикрывались шанцами и деревянными срубами. Врагу удалось, пользуясь темнотой, незаметно подойти к крепости, поджечь срубы и оттеснить смолян к воротам, но ворваться в крепость на плечах осажденных ландскнехты не смогли. Стрельба из ружей и пушек заставила их отступить¹.

Не добившись быстрой победы, поляки приступили к бомбардировке крепости. 28 сентября / 8 октября начался обстрел Богословской башни из батареи за Чуриловкой, которую поставил Вайер. С этой башни смоляне вели огонь по королевскому лагерю, на ней находилась дальнобойная «двусаженная пушка». Немцы повредили башню и пробили стену, но смоляне заделали все проломы. На следующий день батареи на Покровской горе поставил маршал Дорогостайский, который был назначен начальником артиллерии. 30 сентября / 10 октября Смоленск обстреливали с утра до обеда, пока в орудиях не образовались раковины. 2 / 12 октября бомбардировка повторилась. Обстрел велся с трех точек. Батарея за Чуриловкой вела огонь по Богословской башне, со Спасской и Покровской гор стрельяли непосредственно по городу. В этот день С. Жолкевский приказал вырыть шанцы перед Богословской башней и поставить в них мортиры. Смоляне в ответ вели сильный огонь из стрелкового оружия и многих ранили. На следующий день поляки стали использовать каленые ядра, что вызвало в городе многочисленные пожары. Одно ядро попало в дом М.Б. Шеина. На польскую бомбардировку смоляне отвечали частой стрельбой².

¹ РИБ. Т. 1. С. 452—453.

² Там же. С. 453, 456, 458.

4 / 14 октября Лев Сапега попытался уговорить смолян сдаться и послал в город гайдука. Через день под крепостными стенами состоялись переговоры смолян с Богданом Велижаниным, которому было сказано: «...мы уже целовали крест государю нашему Шуйскому, который обещал нам помощь. Поэтому пусть ваш король делает, что хочет, а мы сохраним верность нашему государю»¹. Скорее всего, о переговорах с Богданом Велижаниным писал в Москву Василий Колоколов.

После неудачи с Велижаниным обстрел города продолжился. 7 / 17 октября поляки вели обстрел целый день и выбили «немалую дыру» в Богословской башне, 8 / 18 октября была разрушена Пятницкая церковь. В конце октября польское командование, видя, что бомбардировка не нанесла крепости серьезного ущерба, отказалось от массированных обстрелов.

Первые штурмы Смоленска показали, что поляки отнеслись к этому делу довольно легкомысленно. Штурм 4 октября велся небольшими силами, при слабой артиллерийской подготовке. Польские военачальники стремились взять крепость «кавалерийским наскоком». Ожегшись 24—27 сентября (4—7 октября), они приступают к рытью шанцев и к систематической бомбардировке города, но слабость осадной артиллерии не позволила нанести крепости серьезного ущерба. Отсюда и тактика уговоров, что говорит об отсутствии в польском лагере единого плана взятия Смоленска. С. Бельский пишет: «Между польскими военачальниками существовали разногласия, некоторые из них отказывались подчиняться гетману»². Поэтому трудно согласиться с Д.П. Маковским, который считал тактические приемы поляков логически продуманными, разнообразными и комбинированными³. Здесь можно отметить

---

¹ Там же. С. 462.

² Иностранные документы и акты... С. 6.

³ *Маковский Д.П.* Героическое прошлое Смоленска. Смоленск, 1946. С. 39—40.

три совершенно не связанных между собой приема: 1 — атака с петардами без достаточной артиллерийской подготовки, 2 — бомбардировка крепости, 3 — переговоры со смолянами. И каждый новый прием начинался тогда, когда предыдущий не приносил успеха.

Первый месяц осады показал всю авантюристичность похода Сигизмунда III под Смоленск. Польская армия была явно не готова к осаде первоклассной Смоленской крепости. Это понял С. Жолкевский и предложил королю «оставить под Смоленском в укреплениях тысячу человек, и они не дадут никому выйти из Смоленска, ибо в Смоленске для защиты людей было достаточно, но вовсе не было такого войска, которое они могли бы выставить в поле»¹. С остальной армией гетман предлагал идти к Москве. Поначалу это предложение понравилось, но вскоре было решено рыть подкопы, а из Риги по Двине доставить осадные орудия.

О разногласиях в польском лагере в октябре 1609 г. говорили как пленные, так и прибывшие в Смоленск крестьяне. Крестьянин Порфиоров сообщал, что «король хочет идти прочь со всеми литовскими людьми от Смоленску 28 октября». Один пленный говорил: «...и хочет де король идти в Литву, и оставить под Смоленском воинских людей, коли Смоленск не возьмут к Николину дни (9 / 19 декабря)»².

Положение в Смоленске осенью 1609 г. было тяжелым. Подьячий Василий Торокан писал: «да грехом моим на посаде двор выжжен, и посудья, и хлебца погорела... и скитаюсь меж двор в каточерях (шалашах. — С.А.)»³. Жены смоленских дворян в письмах мужьям в Москву рисовали похожую картину: «...а дворов, что было в посаде, все выжгли, по обеим сторонам: и мост новый и старый сгорели... а бьет по городу бес-

¹ Жолкевский С. Указ. соч. С. 34.

² Памятники обороны. № 54. С. 33.

³ ТОДРЛ. Т. 14. С. 276—277.

пристанно огненными пушками, и по хоромам бьет, и нам от него теснота великая, а обороняться неким, ратных немного, а из города не дают и выглануть»¹. От бомбардировки в колодцах «ушла» вода, и смоляне были вынуждены ходить за водой к Днепру под обстрелом поляков.

Но смоляне не падали духом и нередко совершали дерзкие вылазки из крепости. Первую вылазку «Дневник осады» зарегистрировал 15 / 25 октября. В этот день смоляне атаковали шанцы Стадницкого и захватили знамя. 21 / 31 октября несколько сотен ратников, выйдя из Копытицких и Авраамиевских ворот, атаковали немецкую пехоту и стражу литовского канцлера. Большую вылазку смоляне предприняли 13 / 23 ноября. 600 посадских и 300 стрельцов захватили шанцы перед Чуриловским рвом².

Осенью 1609 г. перед М.Б. Шеиным стоят две основные задачи: укрепление обороноспособности смоленской армии и подчинение городской жизни нуждам обороны. Уже в сентябре-октябре воевода проводит первые мероприятия по регламентации осадной жизни в Смоленске. В конце сентября воевода поручил дворянину Василию Петрыкину провести обмеры посадских и других дворов для осадного времени. 22 октября была составлена опись всего строительного материала в городе и было приказано «лес и около сада городьбу... беречи дворникам накрепко, чтоб того лесу не обжигали, и некто бы не развозил». 8 ноября М.Б. Шеин дал память посадским старостам Луке Горбачеву и Юрию Огопьянову, в которой говорилось: «велеть им бирючу кликати в большом городе... чтоб одноколично всякие люди с огнем сидели ввечеру с великим бережением. И с лучинами с дворов не ходили... А на хороммах... ставили кади с водой, и с вениками на всяких хороммах».

¹ ДАИ. Т. 1. № 231.

² РИБ. Т. 1. С. 465, 469, 486.

11 ноября воевода запретил стирать белье по средам, пятницам и воскресеньям. Проводились меры и по санитарной безопасности жителей Смоленска. В ноябре были даны две памяти о «зарытии палых» лошадей¹.

В октябре воеводская изба разработала текст поручной записи, которую должны были принять крестьяне, пришедшие в осаду. Ряд историков называет данную запись присягой². Вот ее текст: «Целую сей крест живородящий государю своему и великому князю Василию Ивановичу... на том, что мне государю своему не изменить, в Литву не въезжать и землю в Литву не отводить, и что услышим из Литвы каковы вести и те нам вести государю, и государевым боярам, и воеводам, и дьякам, и головам, и всяким московским людям сказывати в правду, и нам ратным людям подвоху никакого не учинить, и литовским людям, и изменникам в Литву вестей не носити... и добра литовским людям не хотети, и бояр своих кто за кем живет, слушати, и во всем государю своему царю... добра хотети, и прямити, и с Литвой битца до смерти»³.

В.П. Мальцев считает, что такую присягу принимали дворяне, стрельцы и посадские. При этом историк ссылается на документы, датированные февралем и августом 1610 г. Этими документами являются поручные записи на конкретных лиц. Первый документ — поручная запись на посадского человека Кваснина, второй — такая же запись на дворян, участвующих в заговоре Василия Морткина в августе 1610 г.⁴. Поэтому нет достаточных оснований считать, что все жители Смоленска принимали присягу в первый месяц осады и был ли сам текст присяги.

---

¹ Памятники обороны. № 65, 73, 84, 91. С. 37, 41, 46, 50.

² *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 255; *Кондрашенков А.А.* Смоленский край... С. 54.

³ Памятники обороны. № 58. С. 35.

⁴ Там же. № 121, 149. С. 71—72, 86.

Скорее всего, в октябре 1609 г. поручную запись давали только крестьяне, не входящие в состав смоленской армии. Чтобы избежать каких-либо шатаний в крестьянской среде, М.Б. Шеин связал их круговой порукой посредством данной записи, заставив служить их делу обороны Смоленска. Возможно, этой записи предшествовали конкретные случаи, когда крестьяне передавали полякам какие-то сведения или не подчинялись своим помещикам.

Осенью 1609 г. воеводская изба занималась всевозможными судными делами — о краже изгороди, бревна с укреплений, о кормчестве, о краже яблок. В октябре в связи с расселением прибывших в осаду людей изба была вынуждена решать жилищный вопрос¹. Чтобы разгрузить воеводскую избу, М.Б. Шеин 23 ноября дал память о временном судопроизводстве посадскому старосте Ивану Петровичу Ленину. Согласно данной памяти, все судные дела, начатые до осады, были прекращены, а дела, возникшие после 19 сентября, должны были вестись по обычным правилам и со всеми пошлинами. В памяти особенно подчеркивалась необходимость решать вопросы, связанные с «дворовой теснотой». «А которые люди учнут на кого бить челом в дворовой тесноте, и Ивану тем людям приставов давати... и в дворах указ читать хто у кого во дворе поставлен, а разделены хоромы пополам, и им жити вместе по половинам... и ни хто бы в которую половину не вступался... А хто пустит себе из найма, тех бы со двора збивати»².

Данная память показывает, что вопрос о расселении прибывших в осаду людей осенью 1609 г. стоял в Смоленске довольно остро. Зимой эта проблема еще больше обострилась. Цена за квартиру — а фактически за угол — достигла 8 денег и 2 алтына. 5 февраля дорогобужские и вяземские посадские

¹ Там же. № 83, 87, 94. С. 46, 48, 50.

² Там же. № 86. С. 47—48.

люди подали челобитную воеводе, в которой писали: «Мы бедные в конец погибаем с голоду, и стужи без дров, з женишками, и детишками помираем, купит нам государь хлеба и дров нам бедным нечем, и продать нам нечего, а живучу государь с теми людьми, которым наем даем, дровами топим своими пополам с ними, и те государь люди высылают вон... мы все отоцали, и от тех наймов с голоду, и стужи без дров вконец погибли». В ответ на эту челобитную М.Б. Шеин приказал посадским старостам Луке Горбачеву и Юрию Огопьянову: «...которые вязьмичи и дорогобужане всякие люди стоят по домам у попов, и у дьяконов, и у посадских людей, и у стрельцов, и у пушкарей... и всяких людей смоленских... и всякие смоленские люди на вязьмичей и дорогобужан всяких людей наймов не имали... и стояли бы все люди... по тем же дворам без наймов до государева указа»¹. Данный приказ отменял все наймы до конца осады, что способствовало улучшению внутренней атмосферы в Смоленске.

Все мероприятия смоленских воевод осени-зимы 1609—1610 гг., направленные на ограничение каких-либо сторон городской жизни, были вызваны стремлением упрочить оборонноспособность Смоленска и укрепить сложившийся земский союз. Эти документы, исходящие от воевод, лишний раз свидетельствуют об отсутствии в Смоленске в этот период какого-либо совета, вся полнота власти в городе всецело принадлежала воеводам, и прежде всего — первому воеводе, который осуществлял ее через воеводскую и земскую избы.

Одним из важнейших вопросов, стоявших перед воеводами осенью 1609 г., был вопрос о воинской дисциплине. В начале ноября были даны две памяти посадским старостам об укреплении дисциплины в армии. В памяти от 6 ноября говорилось: «велети прокликати бирючам по всем торжкам, и крест-

¹ Памятники обороны. № 115. С. 67—68.

цам, и по всем слободам, и по улицам, что те люди, которым по росписи велено быть на городе со всяким боем безотступно с великим бережением по смотру, а кого по росписи не будет и тому быти казнену смертью»¹. Через три дня воевода повторил свой приказ с некоторыми уточнениями: «...которые посадские люди посажены по тыну и по городу, и на стенах, и те б все люди ходили на ночь на стену, на сторожу, кто где написан за час до вечера до последнего часу дни... А кто выходит в час ночи и в два часа и поймают, и тем людям быти казненным торговой казнью, биту кнутом и штрафом по два рубли»².

Анализируя память М.Б. Шеина от 6 ноября, В.П. Мальцев пишет: «Этот приказ буквально революционизировал тогдашние воинские порядки, и вполне понятно, что он мог быть продиктован только интересами посадского мира, но никак не дворянства... приказ о дисциплине способствовал духу народной армии, основанной на личной воинской повинности горожан. Смоленск создавал армию нового типа»³.

Из данных приказов вряд ли стоит делать столь обобщающие выводы. Они не могли революционизировать армию, так как не являлись основополагающими в армейском строительстве. Это частные акты, связанные с конкретными событиями, — нарушением воинской дисциплины, и направлены они против посадских, о чем прямо говорит память от 9 ноября. В одном из документов от 2 ноября перечислено 13 нетчиков из посадских людей⁴. Надо думать, посадские и были главными нарушителями воинской дисциплины, ведь памяти даны посадским старостам. Данные приказы были вынужденной мерой смоленских воевод в условиях, когда основная часть армии состояла из непрофессионалов. В этом отношении смо-

¹ Там же. № 65. С. 37.

² Там же. № 73. С. 41.

³ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 278—279.

⁴ Памятники обороны. № 60. С. 35—36.

ленскую армию можно назвать армией нового типа, как армию непрофессиональную на 80 %.

Оба приказа не привели к какому-либо резкому улучшению воинской дисциплины. В декабре «в распросе дворник Зимка сказал, что ночевал дома и отпустил его домой десятской Иван Кравцов, и взял с него 4 деньги». Имелись случаи, когда посадские ставили за себя на стены наймитов. В январе Офонька Сусельник нанял за себя в караул человека Дедевшина Федьку Иванова. В январе к следствию о найме было привлечено несколько человек, «... и боярин и воеводы Степана расспрашивали, давно ли Исаков сиделец на город наймитов наймует и кто ему наймовать позволил. И Степан сказал, что он в том виноват, велел наймовать он, Степан, по его Первушкину челобитью... И Первушка сыскан, а в распросе сказал, что он виноват, наймовал по все дни. И Первушка бит батоги»¹. Тем самым смоленское правительство в лице воевод не имело достаточных средств для строгого исполнения своих приказов.

В ноябре 1609 г. началось бегство осажденных из крепости. Первый случай бегства «Памятники обороны...» зарегистрировали 20 ноября. В этот день стрелецкий наймит Павлик Якушко из Белого сбежал со стены, «по веревке шшел». В декабре сбежал дьячок Васька Кирилов. 10 января бежал детина, вскоре еще один мужик, и кто он, «никто не ведает»². Бегство этих людей, относящихся к низшим слоям общества, было главным образом связано с тяготами осадной жизни, которые в первую очередь ложились на плечи бедноты. Об этом говорит случай, произошедший в начале января. К суду был привлечен крестьянин помещика Довогчикова Оладья за то, что его сын неизвестно куда исчез. На суде выяснилось, жил Оладья в землянке, а его сыновья «кормились по миру, не вме-

¹ Памятники обороны. № 89, 109, 111. С. 49, 64, 65.

² Там же. № 85, 93, 103, 106. С. 48, 50, 61, 63.

сте хаживали», т.е. «кормились» милостью и не ведали, куда исчез их брат¹.

Осенью 1609 г. в Смоленске обнаружилась «шатость» среди дворян. Под 1 ноября «Дневник осады» сообщает, что М.Б. Шейн приказал схватить одного дворянина за слова о сдаче города. 3 ноября к полякам перебежал стрелец и сообщил им о готовящейся вылазке. 30 ноября сбежал дворянин, 10 декабря еще один стрелец перешел к полякам. Под 16 декабря в «Дневнике осады» имеется следующая запись: «...стрельцы передаются нам каждый день, избегая царской казни». Самуил Бельский под 15 октября сообщал, что был взят в плен смолянин, который говорил: «весь народ и бояре желают сдать, против только воевода с попами и тремя богатыми купцами»².

На основе этих данных В.П. Мальцев делает вывод, что в Смоленске «действовал какой-то подпольный центр польских сторонников, который регулярно через своих агентов сообщал польскому королю обо всех мероприятиях смоленского командования». О событиях 16 декабря он пишет: «Очевидно, в эти дни смоленское правительство раскрыло изменническую организацию среди стрельцов или их начальников... Дворяне, стрельцы и духовенство составляли в Смоленске реакционный антинародный блок сторонников польского короля и являлись добровольной агентурой поляков, их классовыми союзниками»³.

Здесь явно виден ультраклассовый подход историка к событиям осады Смоленска. Конечно, нельзя отрицать того факта, что в Смоленске имелись отдельные случаи измены дворян. Весной 1609 г. дети боярские отказывались нести службу на пограничных заставах. Осенью, когда поляки захватили дво-

¹ Там же. № 102. С. 61.

² РИБ. Т. 1. С. 470, 471, 488, 491, 495; Иностранные документы и акты... С. 12.

³ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 279—280.

рянские имена, какая-то часть из них в Смоленске могла пойти на службу к польскому королю и сбежать из крепости. Но фактов измены осенью 1609 г. было немного. «Дневник осады» говорит об измене лишь дважды — под 1 и 30 ноября. Если обратиться к «Запискам тюремных сидельцев», составленных в январе—мае 1610 г., то увидим, что из 101 заключенного смоленских тюрем было всего 10 дворян и 4 стрельца, при этом, возможно, они попали в тюрьму и не за измену¹. Незначительное число дворян, сидевших в тюрьмах, не дает права говорить о массовой измене дворян, тем более при раскрытии какого-то заговора.

Что касается событий 10—16 декабря, то трудно сказать по этому поводу что-то определенное. Фраза «Дневника...» довольно обща, в русских источниках какие-либо данные на этот счет отсутствуют. Если допустить, что в Смоленске существовала какая-то изменническая организация, в которую входили дворяне и стрельцы, то о ее раскрытии скорее всего узнали бы поляки, и в русских источниках это событие получило бы отражение. Так, известия о заговоре группы В. Морткина в августе 1610 г. содержат и польские, и русские документы². При полном отсутствии сообщений о раскрытии подпольного центра осенью 1609 г. и массовой измене дворян можно сделать вывод, что такого центра в Смоленске не было.

События ноября—декабря 1609 г. говорят об определенных шатаниях среди осажденных, но не о массовой измене делу обороны целого социального слоя смоленского населения. При этом шатания возникали не только среди дворян, но и среди посадских людей. 26 января Ждан Воронов «... лаял старост... сказывал, что де у боярина и воевод промыслу никакого нет,

---

¹ Мальцев В.П. Записки о смерти «тюремных сидельцев» в смоленских тюрьмах в 1609—1610 гг. // Исторический архив. № 5. М., 1960. С. 132—139.

² Памятники обороны. №149, 159. С. 86, 90—96; РИБ. Т. 1. С. 646.

и на выласки из города не пушают». 31 января к расспросу был привлечен Курбат Никифоров, который слышал, что Иван Тиринов в тюрьме говорил: «нам де и питье держать безвыимочно, и кто нас в тюрьму сажает, и тому де и быт от нас без головы». В феврале была дана поручная запись на посадского человека Кваснина, в которой говорится: «...живучи в городе в осаде сидеть, и на сторожу, на стену, и в слухи ходить, и государю царю не изменити, с города со стены не скинуться, и с литовскими людьми не ссылатся, государю не изменять»¹.

Данные документы показывают, что и среди посадских имелись определенные шатания, которые смоленские власти стремились пресечь посредством поручных записей.

Что же происходило осенью 1609 г. на территории Смоленщины?

Одновременно с походом короля на Смоленск Александр Гонсевский выступил к Белому «с польскими и литовскими людьми, и русские воры, и полковник Хвастович с черкасы и нарядом»². Всю борьбу в Белом возглавляли два стрельца, оставленные здесь Я. Барятинским³. О начальном периоде осады Белого источники молчат. Известно лишь, что в конце сентября Семен Адауров подошел к городу, «бился с литвой... и побил, и посады выжег». Из сообщений А. Гонсевского королю известно, что староста постарался вступить в переговоры с бельскими дворянами, но они в городе не обладали никаким влиянием, и эти переговоры ни к чему не привели. В декабре поляки попытались взять город штурмом, казаки захватили одну из башен крепости, но были выбиты. Вскоре король послал к Белому 4 роты кавалерии и татар⁴.

¹ Памятники обороны. № 121, 124. С. 71—72.

² ПСРЛ. Т. 34. С. 251.

³ РИБ. Т. 1. С. 489.

⁴ ПСРЛ Т. 34. С. 251; Памятники обороны. № 59, 71. С. 35, 41; РИБ. Т. 1. С. 492—493.

Еще до осады Смоленска М.Б. Шеин послал в Дорогобуж дворян Воина Дивова, Григория Кокошина и Корсакова «с детьми боярскими, и с архиепископскими, и монастырскими служками, и з смоленскими стрельцы... и велел в Дорогобуже острог подделати». 22 сентября В. Дивов сообщал в Смоленск: «...пришли литовцы, и они на реке Вачуге бились, и за Вачугу их топтали к Вязме... и было литовцев триста человек и вязмичей... и детей боярских триста человек». В сентябре в Вязме находились ротмистр Чиж с черкасами, а также вяземские дворяне во главе с Иваном Осориным и Михаилом Боборыковым — всего 450 человек. 28 сентября В. Дивов писал М.Б. Шеину, что все это воинство собирается идти к Дорогобужу¹. Дальнейшая судьба этого отряда неизвестна. В ноябре в Дорогобуже стояли тушинцы ротмистра Держбицкого. Возможно, смоляне не смогли удержать город и вынуждены были уйти в армию М.В. Скопина-Шуйского. По данным 1610 г., Воин Дивов прибыл под Смоленск из армии Д.И. Шуйского и получил жалованную грамоту на свое поместье.

В ноябре 1609 г. «Дневник осады» сообщал, что в Вязме квартируют тушинцы ротмистра Велёгловского, и с ним казаки, и 400 русских дворян, далее автор «Дневника» пишет, что казаки, стоящие в Вязме, желают служить королю².

Здесь необходимо сказать несколько слов о взаимодействии тушинского рыцарства и Сигизмунда III. Вторжение польской армии в Россию привело к кризису в рядах шляхтичей при самозванце. Еще зимой 1609 г. посольство Лжедмитрия II на Сейме в Варшаве стремилось отговорить короля от похода в Россию. После начала осады Смоленска многие наемники были не прочь вернуться на королевскую службу. Но они желали получить жалование за «труды» в Тушино, и по их рас-

¹ Памятники обороны. № 48. С. 29.

² РИБ. Т. 1. С. 478—479.

четам, «царик» задолжал им от 4 до 7 млн рублей. 23 ноября тушинские поляки прибыли под Смоленск и заявили королевским послам, что они, служа «царю Дмитрию», служили Сигизмунду III и потребовали выплатить им жалование, после чего они перейдут на сторону короля. Предложения Сигизмунда III сводились к следующему: рыцарство входит в королевскую армию, подчиняется общему командованию и служит на тех же условиях, что и остальная шляхта. Для тушинцев это был крах всех их надежд и, прежде всего, отказ от получения «заслуженных» денег из королевской казны. Этим и объясняется то упорство, с каким рыцарство отстаивало свое положение. Переговоры зашли в тупик. 17 декабря королевское посольство в составе Збаражского, Вайера, Скумина и Доморацкого прибыло в Тушино. Новые переговоры также ни к чему не привели. Но появление королевских послов в столице самозванца привело к расколу в среде тушинского воинства. Лжедмитрий II 27 декабря бежал в Калугу. Как сообщает «Дневник осады», «тушинское войско разбилось на партии, одни хотят идти в Калугу, другие думают идти в Польшу, другие думают уйти на грабёж за Волгу, более знатные стоят за короля»¹. В январе 1610 г. стоящий в Дорогобуже ротмистр Держбицкий ушел к самозванцу, то же самое сделал и Велёгловский, когда узнал, что его казаки послали посольство под Смоленск о верности королю. После чего Сигизмунд III направил в Дорогобуж ротмистра Нелюбовича². Зимой 1610 г. на сторону короля перешел и стоящий в Брянске А. Млоцкий и со своим отрядом ушел под Смоленск. После чего город заняли войска, верные Василию Шуйскому.

В феврале польско-литовская шляхта из Тушина ушла в Волок Ламский и согласилась служить королю, но когда из-

¹ Там же. С. 547.

² Там же. С. 501, 505.

под Смоленска пришло известие, что Сигизмунд III готов заплатить лишь 100 тысяч злотых на 2 тыс. человек, то большая часть из них перешла на сторону Лжедмитрия II.

Раскол в среде поляков привел и к кризису в лагере русских тушинцев, большая часть которых, видя незавидное положение своего предводителя, обратилась к королевским послам вступить в переговоры о выработке условий занятия русского трона королевичем Владиславом. Под Смоленск от этой партии поехали боярин М.Г. Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Рубец-Мосальский, князь Федор Мещерский, дьяк Иван Грамотин, где вступили в переговоры с королем. Лишь небольшая часть дворян и казаки во главе с Иваном Заруцким ушли за самозванцем в Калугу.

Под Смоленском наступила первая осадная зима. Не взяв крепость с ходу, поляки сделали ставку на подкопы, тем более что осадной артиллерии у них фактически не было. Зимой из четырех осадных орудий осталось только два. Поляки начали вести подкопы в октябре, о чем сообщали польские пленные. Один из них говорил, что ведут подкоп «под Богословскую башню и от Богословской башни к третьей башне вверх» и «сказывают подкоп поспеть вскоре»¹. Подкопы велись в разных направлениях, в основном на западной стороне крепости от Чуриловского рва. В ответ на польские подкопы смоляне стали рыть колодцы-слухи. В слухах постоянно дежурили защитники крепости. 3 января М.Б. Шеин приказал Ивану Битяговскому и Тимофею Кушалеву «ведати и надзирать слухи... и сторожи для бережения... которые сторожи в тех слухех наперед сего бывали»². Через слухи смоленское командование получало своевременную информацию о польских подкопах.

¹ Памятники обороны. №, 64, 66, 69, 71, 74. С. 37, 40, 41, 42.

² Там же. № 100. С. 55.

В январе 1610 г. началась подземная война. 6 / 16 января смоляне подрывались в бок польского подкопа и обстреляли находящиеся там немцев из мортиры. Через три дня смоляне забросали польский подкоп «смрадными веществами». 17 / 27 января под землей произошло целое сражение. Осажденные атаковали немцев и при помощи картечи заставили их отступить. 22 января /1 февраля смолянам удалось взорвать польский подкоп, землей засыпало 6 гайдуков и инженера Шембека. 4 / 14 февраля осажденные снова взорвали подкоп, который вел инженер-француз. Взрыв «имел такое действие, что засыпал мину и выбросил француза выше стен: но он упал на снег и остался жив». Поляки дважды взрывали заложенные мины, и оба раза были безрезультатны, правда, после взрыва 27 января / 6 февраля погибло несколько десятков смолян¹. Подземная война шла всю зиму, но полякам так и не удалось завершить ни одного подкопа и взорвать стены крепости.

Зимой-весной 1610 г. основной проблемой в Смоленске стал надвигающийся голод. Еще в ноябре автор «Дневника осады», со слов перебежавшего стрельца, записал, что в городе сильная дорговизна, пуд соли стоит 1 рубль, столько же стоила и четверть ржи (до осады пуд соли стоил 5 алтын, четверть ржи 6—8 алтын)². В январе в «Дневнике» появляются первые записи о голоде. 3 / 13 числа перешедший на польскую сторону смолянин сообщил, что в крепости сильный голод. 12 / 22 января поляки взяли в шанцах еще одного бежавшего, «едва живого от голода». 9 февраля передавшийся из крепости дворянин также говорил о голоде³.

Но если обратимся к «Памятникам обороны...», то увидим, что общим явлением в Смоленске в этот период стали дорговизна и спекуляция продуктами питания. Именно против них

---

¹ РИБ. Т. 1. С. 517—518, 528—529, 535—536, 539.

² Там же. С. 471.

³ Там же. С. 515, 519, 536.

и были направлены мероприятия смоленских воевод в феврале 1610 г. 20 февраля М.Б. Шеин обнародовал приказ, согласно которому запрещалась покупка хлеба в запас и разрешалось в день покупать не более смоленского четверика муки — примерно 8 кг. Хлебникам для торговли отводилось особое место у Днепровских ворот, под контролем таможенного головы Василия Туренина. Торговля в частных домах запрещалась. 23 февраля последовал второй приказ: хлебом «для корысти» не торговать, и разрешалось его покупать один раз в день, «...а у которых, у смолян, у походских (пришедших в осаду. — С.А.), и у всяких людей хлеб свой есть, и те б хлеба не покупали, а купили хлеб нужные (нуждающиеся. — С.А.)»¹. За невыполнение этих приказов полагалась торговая казнь, т.е. публичное наказание кнутом и конфискация хлеба.

Из данных приказов следует: хлеб можно было купить на рынке, и значит, массового голода в Смоленске зимой 1610 г. не было. Оба приказа были направлены в первую очередь на улучшение положения низших слоев населения города. Регламентация торговли хлебом была проведена в их пользу и была направлена против богатых купцов и спекулянтов. «Приказы, — пишет В.П. Мальцев, — обеспечивали интересы массового ремесленного производителя и массового потребителя. Здесь оставалась необеспеченной только... крестьянская беднота...»².

В марте 1610 г. смоленские воеводы провели перепись всех запасов хлеба у населения³. Итоги переписи дошли до нас не в полном объеме. Согласно имеющимся документам, 229 семей имели: 991 четверть и 2 осмака ржи, 246,8 четверти овса, 88,15 четверти ячменя, 68 четвертей пшеницы, 31,3 четверти хлеба, 7,6 четверти муки. Всего — 1432,85 четверти и 2 осмака.

¹ Памятники обороны. № 122. С. 72.

² Мальцев В.П. Борьба за Смоленск... С. 282.

³ Памятники обороны. № 243—246. С. 197—210.

Только у 4 семей из 229 хлеба не было вообще. На дворянские семьи, в которых насчитывалось 953 едока (сюда кроме членов семей входили и холопы), приходилось 465 четвертей, посадские (342 едока) имели 146,6 четвертей, крестьяне (1536 едоков) — 820,4 четверти хлеба. Но распределение по семьям было далеко не равномерно. 16 семей владели более 20 четвертей хлеба (более 640 кг), а другие на всю семью имели до 1 четверти, а то и 1 осмину (от 16 до 32 кг) — таких семей насчитывалось 42. Крупные запасы хлеба, согласно переписи, были у Ивана и Ефима Лениных, Никиты Полтева, Ивана Макшеева, Михаила Головачева, у жена Григория Верещагина.

Таблица № 9. Данные переписи запасов хлеба в Смоленске в марте 1610 г.

Кол-во хлеба в четь.	Дворяне				Посадские				Крестьяне			
	Семьи	%	Едоки	%	Семьи	%	Едоки	%	Семьи	%	Едоки	%
Нет хлеба	1	1,7	1	0,1	0	0	0	0	3	2,6	31	2,0
До 1 четь.	10	17,2	88	9,2	12	35,2	94	27,5	20	17,6	233	15,1
От 1 до 2	9	15,5	147	15,4	9	23,5	24	24,7	14	12,3	119	7,7
От 2 до 5	7	12,0	94	9,8	4	11,7	73	21,4	43	38	476	31,1
От 5 до 10	12	20,6	167	17,5	4	11,7	73	21,4	18	15,9	281	18,2
От 10 до 20	11	18,9	217	22,7	6	11,6	84	24,6	11	9,7	263	17,0
Более 20	8	13,7	239	25,0	4	11,6	67	19,6	4	3,5	133	8,6
Всего	58	100	953	100	35	100	342	100	113	100	1536	100

Из таблицы видно, что в марте хлеба не имели всего лишь 4 семьи из указанных в источнике (1,9 %). Но положение тех, кто имел хлеба до 5 четвертей (160 кг), было критическим, если учесть, что в среднем семья состояла из 10 человек с холопами и захребетниками, а многие семьи насчитывали более 20 человек, т.е. на одного человека приходилось менее 1 осмины хлеба (менее 16 кг). Это примерно двухмесячный запас, по минимальной норме. Среди дворян таких семей было 27 из 58,

среди крестьян — 80 из 113, среди посадских — 25 из 35. Что касается распределения хлеба по едокам, то в дворянских семьях 330 человек имели хлеба до 1 осмины из 953, у крестьян из 1536 человек по 1 осмине приходилось на 948 человек, у посадских 1 осмину имели 191 человек из 342. Таким образом, 132 семьи из 229 (56,7%) не имели весной 1610 г. достаточного количества хлеба. При этом у большинства дворянских семей было от 5 до 10 четвертей, у крестьянских — от 2 до 5, у посадских — до 1 четверти.

В то же время запасы хлеба по отдельным семьям подвергались большим колебаниям. Значительно разнились запасы посадских — от 1 осмины на человека до 10 четвертей на 9 человек. У крестьян в основном один-два человека имели четверик хлеба. Но и среди крестьянских семей были такие, за кем числилось большое количество зерна. 3 семьи владели более 20 четвертей. В дворянских семьях было довольно много человек, на которых приходилось более 10 четвериков на каждого (более 80 кг). Но ряд дворян имели всего по пол-осмины овса и четверик ржи, а у одной семьи было 3 осмины (48 кг) на 45 человек и 11 дворовых.

По количеству хлеба в Смоленске выделяются стрельцы. Почти все из 204 человек, названных в документе, имели хлеба в размере «царского жалованья», а некоторые «жалованья с два». Из 204 стрельцов только у 11 хлеба было меньше жалованья, и лишь трое имели хлеба меньше четверти. В документе указано и количество хлеба у стрелецких постояльцев. 7 семей вообще не имели хлеба и кормились «с торгу», примерно у половины семей хлеба было с пол-осмины (8 кг). По едокам хлеб распределялся следующим образом: 22 человека не имели хлеба вообще, до четвертака было у 290 человек, от четвертака до осмины — у 734 человек, и свыше одной четверти хлеба имели всего 8 человек.

Ввиду того, что до нас дошло незначительное количество документов переписи, получить точное представление о количестве хлеба невозможно. Неизвестно, проводилась ли перепись в монастырях и у белого духовенства. Если же исходить из приведенных выше документов, то можно сказать, что в марте 1610 г. массового голода в Смоленске не было.

В то же время данные переписи показывают, что более половины смоленского населения весной 1610 г. испытывали затруднения в продовольствии, и особенно посадские и крестьяне. При общем большом запасе хлеба отдельные семьи, в том числе и дворянские, не имели его в достаточном количестве. Но в целом они не дают большого процента: среди дворян их 13,7 %, среди крестьян 3,5 %, среди посадских 11,4 %. Но эти данные охватывают лишь незначительную часть смоленского населения, и этот процент мог быть гораздо выше. В целом можно сказать, что весной 1610 г. голод в Смоленске еще не стал реальностью, но уже чувствовалось его приближение, о чем и свидетельствуют меры воевод. Возможно, в это время какая-то часть смоленского населения голодала, но это была еще не значительная его часть. Правда, запасы продовольствия постоянно истощались. 27 июля 151 посадская семья не имела хлеба, к 17 августа их количество увеличилось до 222. Летом хлеба не было у 73 семей смоленских дворян¹. Таким образом, летом 1610 г. угроза голода в Смоленске стала реальной.

Кроме свободной продажи в Смоленске проводились хлебные раздачи. Прежде всего, хлеб раздавался дворянам Вязьмы, Дорогобужа, Брянска, Серпейска, Мещовска, Рославля и Почёпа, которые пришли в осаду без каких-либо запасов. Первые раздачи были проведены уже летом-осенью 1609 г. 3 августа хлеб выдали серпьянам и брянчанам, их семьям и людям.

¹ Памятники обороны. №, 248, 250, 263. С. 212—213, 214—216, 242—243.

Всего они получили 320 четвертей ржи, из них 119 четвертей были выданы дворянским семьям (477 человек), остальные — 878 холопам. Размер выданного хлеба составил пол-осмины. 19 сентября М.Б. Шеин приказал выдать хлеб серпянам и брянчанам, которые не получили в августе¹.

Следующая выдача хлеба произошла 17 декабря 1609 г. Вяземские дворяне и их семьи получили 114 четвертей ржи с осминой — по осмине на человека, 38 четвертей было выдано на 155 холопов — по пол-осмине на человека. Хлеб был выдан 38 семьям дорогобужских дворян. Согласно челобитной Афанасия Ознобищина, дорогобужанам с сентября по декабрь 1609 г. хлеб раздавали три раза. 17 декабря 1609 г. хлебное жалование получили брянские и серпейские дворяне, их семьи и холопы (534 человека), из них служилым дворянам было выдано 50 четвертей — осмина на человека. Их холопы, 417 человек, получили 104 четверти с полуосминою, по пол-осмины на человека. Сохранился еще один отрывок выдачи хлеба вяземским дворянам и их семьям. Они получили 42 четверти ржи на 167 человек². 13 июня 1610 г. хлеб раздали дорогобужским дворянам, их семьям и холопам. Всего они получили 57 четвертей с осминою. На дворянина и члена его семьи выдали по осмине, на холопа — по $\frac{1}{4}$ осмины³.

В августе 1610 г. вместо ржи стали выдавать овес. 13 августа его получили вяземские и дорогобужские дворяне, 98 человек. Им выдали 49 четвертей овса, по осмине на человека. 30 сентября овес получили брянчане и серпяне. Всего им выдали 48 четвертей и 1 осмину на 107 семей. Но большинство из них (89 семей) не имели служилых дворян. Хлеб тогда в основном получили жены и вдовы. Правда, выдача его была далеко не равномерной. Так, дочь Василия Александрова и

¹ Памятники обороны. № 237. С. 165—166.

² Там же. № 241. С. 173—185.

³ Там же. № 247. С. 210—212.

14 холопов получили четверть, и такой же размер выданного хлеба был у Феодосии Мордвиновой с 4 холопами. Но в целом на члена дворянской семьи отпускалось пол-осмины, на холопа гораздо меньше¹.

В сентябре 1610 г. хлеб раздали стрельцам из архиепископских житниц в следующем размере: пятидесятникам — 3 четверти 1 осмина, десятникам — три четверти без пол-осмины, рядовым стрельцам — две четверти с осминою².

Посадским также раздавали хлеб из государственных житниц. Но первые выдачи относятся лишь к августу 1610 г. 17 августа 222 человека получили 111 четвертей ржи. Размер розданного хлеба был таким же, как и дворянам, — осмина на человека. Правда, вязьмичам и дорогобужанам в октябре выдали лишь 32 чети с осминою на 260 человек, т.е. размер выданного хлеба составил $\frac{1}{4}$ осмины³.

Крестьяне вообще не получали государственного хлеба и были вынуждены кормиться подаением или покупать хлеб на рынке. Об этом говорят материалы мартовской переписи. У стрельца Гришки Чернова жили два мужика, которые кормились «меж двор», у другого стрельца, Алешки Скоморохова, «...стояльшиков у него один мужик и хлеб покупает с торгу»⁴. Из приведенных документов видно, что весной-летом 1610 г. дворяне и стрельцы получали достаточное количество хлеба. Голод в этот период охватил в основном крестьян и часть посадских, что вызвало бегство представителей этих слоев населения из города. 26 апреля крестьянин Микулка Васильев говорил в расспросе, «что он в том виноват, что говорил де спроста, что ему из города выйти вон, и побывать у

¹ Там же. № 249, 251. С. 213—214, 216—220.

² Там же. № 162. С. 97.

³ Там же. № 250, 252. С. 214—216, 220—222.

⁴ Там же. № 242. С. 197—210.

себя в деревне, и взяв в деревне деньги... да опять притти в город»¹.

Анализ продовольственного положения в Смоленске свидетельствует об иллюзорности вывода В.П. Мальцева о «посадско-крестьянском блоке». Крестьяне не только не входили в состав руководства обороной города, но занимали в нем самое низшее положение и всецело зависели от воеводской власти. Посадские находились на более высокой ступени в городской иерархии, занимали более привилегированное положение, чем крестьяне, но и они на социальной лестнице стояли ниже дворян и стрельцов. Возросшая роль посадских в военных делах не распространялась на общегородские дела и никак не сказывалась на положении рядовых посадских людей. Хлебные раздачи еще раз показывают: вся полнота власти в Смоленске находилась в руках воевод, и они проводили продовольственную политику в интересах, прежде всего, привилегированных сословий.

В то же время воеводы должны были считаться с возросшей ролью посадских людей в условиях осады и не могли полностью игнорировать их интересы. Отсюда раздача хлеба им из государственных житниц и ограничение рыночной торговли. Но снабжение посадских хлебом было намного хуже, чем дворян и стрельцов.

Характеризуя продовольственную политику М.Б. Шеина в условиях осады, можно сказать, что она в целом выражала интересы дворян и стрельцов и в то же время была направлена на защиту интересов посадского населения Смоленска, способствовала предотвращению каких-либо социальных конфликтов в крепости. Продовольственная политика воеводы зимой-летом 1610 г. обеспечила основные слои смоленского населения хлебом и позволила избежать среди них массово-

---

¹ Памятники обороны. № 135. С. 78.

го голода. Хуже всего дело обстояло с крестьянами, которые были лишены государственного хлеба и покупали его на рынке, поэтому именно они страдали от продовольственного кризиса и испытывали голод.

Зимой-весной 1610 г. в Смоленске наряду с надвигающимся голодом возникло и другое бедствие — моровое поветрие. По некоторым источникам, в городе началась цинга. Возможно, причины болезни были связаны с отсутствием чистой воды в городе. В.П. Мальцев считает, что эпидемия болезни вспыхнула в феврале — об этом говорят записки тюремного приказчика Ивана Климова о смерти заключенных. За февраль у него в тюрьме умерло 30 человек, а к маю умерли все заключенные — 69 человек. В другой тюрьме за апрель-май умерло 32 заключенных¹. Весной болезнь распространилась по всему городу. О масштабах эпидемии свидетельствуют смоленские перебежчики. Сбежавший 25 марта / 4 апреля стрелец говорил, что в городе «...очень много погибло от морового поветрия, так что каждый день хоронят по 100, по 150 человек». 8 / 18 мая еще один перебежчик сообщил, что в Смоленске после Пасхи (29 марта по старому стилю) умерло 14 тыс. человек. 3 июня поляки получили еще одно известие: «...из нескольких десятков тысяч человек, бывших в начале осады, осталось едва 2000 здоровых... а 8000 человек лежат больными»².

Голод и мор потребовали от воевод принятия еще ряда новых мер, направленных на укрепление внутригородской дисциплины.

27 марта М.Б. Шеин повторил свой приказ о мерах против пожаров, а 12 апреля — приказ о прекращении всех наймов до конца осады³. В апреле в Смоленске были введены полицей-

---

¹ *Мальцев В.П.* Записки о смерти «тюремных сидельцев»... С. 132—139.

² РИБ. Т. 1. С. 565—566, 588, 594.

³ Памятники обороны. № 125, 128. С. 74, 75.

ские надзиратели. В деревянном городе должны были дозировать Курбат Колотяжин от Крылашовских ворот до «щели», Кузьма Довотчиков от Лазаревских ворот до «щели», Иван Жидовинов и Дмитрий Сказин от Водяных ворот до Копытицких, а от Пятницких ворот до Богословской башни — Иван Довотчиков. Все полицейские назначались из дворян. 21 апреля им был дан наказ, в котором говорилось: «Велети ходити в Смоленску в городе по всем дням, по утрам, и в полуден, и вечером с ночи, и беречь то накрепко, чтоб в избах и мыльнях не топили, и с огнем вечером никто не сидел и кузниц, и горнов не держал... и мыльни все переписать... были б у всех кади с водой от огня, и чтоб вина и пива не пробовали...», и кто не выполнит этого приказа, «быти в великой опале и казни»¹. Появление данного приказа свидетельствует о том, что распоряжения воевод о правилах осадной жизни не всегда выполнялись, это и потребовало введения должности полицейских надзирателей с широкими полномочиями. Приказ, надо полагать, был направлен против посадских, и контроль за ними теперь должны были осуществлять дворяне.

В целом осенью-зимой 1609—1610 гг. жизнь в Смоленске подверглась довольно жесткой регламентации, которая была направлена в первую очередь на укрепление обороноспособности города. Меры, принятые М.Б. Шеиным в этот период, позволили не только укрепить обороноспособность Смоленска, но и избежать социальных конфликтов в крепости, что в условиях продолжавшейся гражданской войны было довольно трудным делом.

Зимой 1610 г. обстановка в России в очередной раз изменилась. Окончательно распался Тушинский лагерь. Казаки и некоторая часть русского дворянства остались верны самозванцу и ушли с ним в Калугу. Большая же часть русских дворян и

¹ Памятники обороны. № 133. С. 77—78.

польской шляхты после долгих переговоров перешли на сторону Сигизмунда III. В России возникла третья партия — партия сторонников унии с Речью Посполитой. 4 / 14 февраля 1610 г. представители этой партии заключили с королем договор об унии двух государств.

В.П. Мальцев считает заключение договора от 4 / 14 февраля переломным этапом в ходе обороны Смоленска. «...С этого момента, — пишет историк, — изменилось политическое значение борьбы смоленских народных масс, они теперь вели борьбу не только против поляков, но и против открытого союза части русского дворянства с поляками». Далее он констатирует: «После заключения данного договора смоленские дворяне стали переходить на службу к польскому королю»¹.

С данным положением трудно согласиться. Договор от 4 / 14 февраля никакого отношения к Смоленску не имел. Его заключила часть русского дворянства от себя лично. В Москве продолжал находиться законный царь, которому смоляне клялись в верности в октябре 1609 г. Заключившие договор дворяне служили самозванцу, тогда как смоляне не признавали его с самого начала «царствования» и воевали с ним с осени 1608 г.

Рассмотрим источники, на которые ссылается В.П. Мальцев, говоря о переходе смоленских дворян на сторону польского короля. Это, прежде всего, жалованные грамоты Сигизмунда III русским дворянам, датированные январем 1610 — маем 1611 г. О переходе смоленских дворян на сторону короля сообщает и «Дневник осады». 17 января автор «Дневника» записал: «Несколько бояр из Дорогобужской волости ударили челом его королевскому величеству и просили, чтобы и другим было положено прийти. Одному из них приказано ехать за теми, которые от царя пошли к Калуги, и привести их к крестному целованию на имя короля». Еще раньше, в октябре 1609 г., к

¹ *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск... С. 290—291.

Сигизмунду III перешел дорогобужский дворянин Т.Д. Засецкий и получил от него жалованную грамоту, где говорилось: Т.Д. Засецкий «добровольно под оборону нашу подался при маестностях его... и при всяком добытку»¹.

Но дорогобужских дворян, перешедших на сторону Сигизмунда III, зимой 1610 г. не могло быть много. Часть из них ушла с С. Ададуровым и Я. Барятинским в армию М.В. Скопина-Шуйского, 38 человек находилось в осажденном Смоленске. Другие в это время служили самозванцу, о чем свидетельствует фраза «Дневника», что они ушли к Калуге, т.е. сохранили ему верность. Первые жалованные грамоты дорогобужским дворянам датированы 22 февраля, и в этот день их получили всего 4 человека — скорее всего, это те, кто перешел на сторону короля в январе. Следующая грамота дорогобужскому помещику Павлу Неелову была выдана 20 апреля² (приложение № 6).

Таким образом, дорогобужские помещики перешли на сторону короля до февраля 1610 г., т.е. до договора от 4 / 14 числа, и потому он не мог быть стимулом такого перехода. Главной причиной измены надо считать захват польскими войсками Дорогобужского уезда. Именно в январе 1610 г. Дорогобуж был занят ротмистром Нелюбовичем, прибывшим из-под Смоленска. Ни один рославльский дворянин до захвата уезда поляками (весна 1610 г.) не перешел на сторону короля.

Дворяне Смоленского уезда начинают получать жалованные грамоты на свои поместья от короля в марте 1610 г. Первый такой случай документально зарегистрирован 30 марта. В этот день король выдал жалованную грамоту Константину Головачеву. Следующий переход состоялся в мае³. Всего за март-июнь 1610 г. власть польского короля признало 10 дво-

¹ АЗР. Т. 4. № 183. С. 320—427; РИБ. Т. 1. С. 517.

² АЗР. Т. 4. № 183. С. 320, 330.

³ Там же. С. 320, 329, 332, 333.

рян. Из вяземских помещиков за зиму-весну 1610 г. переход совершили 10 человек, из дорогобужских — 5¹ (приложение № 6).

Таким образом, в первой половине 1610 г. фактов массовой измены дворян смоленских уездов не было. Число «изменников» не превышало 1 % от числа всех помещиков. Отдельные случаи измены не были связаны с договором от 4 / 14 февраля, он ни в коем случае не стимулировал переходы отдельных дворян на сторону поляков. Не договор, а захват трех уездов и общеполитическая ситуация в стране способствовали измене некоторых представителей дворянского сословия. В то же время и те, кто приехал под Смоленск из Тушина, и те, кто зимой 1610 г. находились в своих уездах и целовали крест королю, прежде всего стремились сохранить свою собственность и вернуть то положение, которое они имели при самозванце. Договор с королем свидетельствовал, что в России возникла новая партия сторонников унии с Речью Посполитой, но это ни в коей мере не означает, что члены этой партии изменили Русскому государству. Оказавшись в довольно сложной ситуации, они нашли выход в приглашении на русский трон польского королевича, за которым стояла армия его отца, и с ее помощью сторонники унии желали сделать то, что им не удалось при Лжедмитрии II. Основной причиной, приведшей к возникновению такой партии и переходу некоторых представителей дворянского сословия на сторону короля, можно считать продолжавшуюся гражданскую войну, и дворянские группировки стремились опереться в своей борьбе на любую силу, в том числе и на иностранную.

Но если говорить о смоленских дворянах, то документы свидетельствуют, что большинство детей боярских западных уездов в этот период остались верны присяге. Иными словами,

¹ Там же. С. 320—334.

вывод В.П. Мальцева о массовой «измене» смоленского дворянства в 1610 г. не подтверждается источниками.

12 марта 1610 г. армия М.В. Скопина-Шуйского вступила в Москву. Осада столицы была снята. Появилась возможность с новыми силами выступить против Сигизмунда III и снять осаду Смоленска.

Тем временем масштабы польской интервенции расширились. В феврале король направил к Брянску Запорского, который должен был закрыть самозванцу дорогу на Северщину. 5 марта поляки заняли Стародуб. 15 марта Запорский атаковал Почёп. После жестокого боя на стенах крепости воеводы Афанасий Тютчев и рославльчанин Лев Челюскин целовали крест Сигизмунду III. В марте-апреле польские войска заняли Мосальск, Брянск, Серпейск, Новгород-Северский, Чернигов. 3/13 апреля пал Белый. А. Гонсевский взял город, «выстояв великим утеснением и вморя голодом». Еще в феврале староста Велижа завел переговоры о сдаче города с бывшим Бельским воеводой Иваном Колычевым, перешедшим к королю. Прибыв под Белый, Колычев вступил в переговоры с воеводой и «лучшими людьми». Но эти переговоры никаких результатов не дали. К апрелю положение защитников Белого, видимо, стало настолько невыносимым от голода, что они решили сдаться. По польским данным, из 16 тыс. человек, находившихся в осаде в Белом, в апреле осталось всего 4 тыс.¹

Весной 1610 г. поляки захватили Рославль. Под 16 мая в «Дневнике осады» имеется следующее известие: «похолики, ходившие изгоном на Рославль, привели в лагерь рославльского воеводу...». Автор «Дневника» рассказывает, что польско-литовский отряд в 1,5 тыс. человек неожиданно напал на город, рославльчанине вступили с ними в бой, но были разбиты и засели в крепости. Поляки начали штурм, подожгли острог и ворва-

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 252; РИБ. Т. 1. С. 569.

лись в него с четырех сторон, выломав ворота. «После того... русские из крепости закричали, что хотят вести переговоры, на что наши согласились... и крепость сдалась на имя его королевского величества»¹. 17 мая рославльский воевода прибыл под Смоленск с местными дворянами целовать крест королю. В мае жалованные грамоты от короля получили 19 рославльских дворян². Воеводой Рославля Сигизмунд III назначил князя Порыцкого, который привел жителей к присяге королю. Сам князь в Рославле не остался, а назначил управляющим Фому Надольского, которого вскоре рославльчане посадили на кол за его своеволие³. Следующим воеводой Рославля Н.И. Костомаров называет князя Юрия Хворостинина, бывшего тушинца, перешедшего на сторону короля⁴.

Весна — начало лета 1610 г. под Смоленском прошли спокойно. В это время поляки несколько раз посылали под стены крепости русских перебежчиков уговорить смолян сдаться. 5 февраля переговоры вел один из дворян, прибывший под Смоленск с посольством М. Салтыкова. Некий купец Афанасий, сопровождавший его, был впущен в город и передал смолянам грамоты от митрополита Филарета. Но никакого ответа не последовало. На следующий день смоленская артиллерия начала обстрел королевского лагеря⁵. 18 апреля смолян уговаривал касимовский царь, перешедший на сторону короля. Он передал в город грамоты с сообщением о переходе под власть Сигизмунда III Белого и Северских городов. В ответ смоляне «запретили приходить с такими письмами»⁶.

¹ РИБ. Т. 1. С. 587.

² АЗР. Т. 4. № 183. С. 331—335.

³ С.С. *Ракочевский*. Опыт собирания исторических записок о городе Рославле... С. 63.

⁴ Н.И. *Костомаров*. Смутное время... С. 557.

⁵ РИБ. Т. 1. С. 536.

⁶ Там же. С. 572—573.

Несмотря на осаду, Смоленск весной 1610 г. не был полностью изолирован от внешнего мира. В начале апреля в город пробрались гонцы из Москвы с царскими грамотами и рассказали о вступлении армии М.В. Скопина-Шуйского в столицу, и подготовке похода на Смоленск. В мае в город снова пришли царские гонцы¹. В таких условиях уговорить смолян сдаться было довольно сложно.

19 / 29 мая в королевский лагерь было доставлено 8 осадных орудий из Риги. Я. Потоцкий приказал рыть шанцы и ставить пушки на поле севернее Копытецких ворот за Чуриловским рвом, а под одну из западных башен вести покоп. Пассивная осада закончилась. В 20-х числах июня поляки стали ставить туры перед Копытецкими воротами, в ответ смоляне повели сильный огонь и причинили осаждавшим большой урон, 14 человек было убито, 50 ранено. После чего работы велись только ночью. 2 июля, несмотря на обстрел польских позиций из крепости, поляки стали устанавливать пушки. Весь июль между поляками и смолянами велась перестрелка. Последние прорыли слухи к польским турам и вели постоянное наблюдение. Готовясь к штурму города, осажденные заложили все ворота, кроме Фроловских, перед башнями были сделаны насыпи, на старом валу поставили клетки с песком и камнями, на тот случай, если поляки разрушат стены крепости. 16 / 26 июля смоляне взорвали польский подкоп, который вел инженер Апельманн. Взрыв пороха засыпал часть шанцев и нескольких немцев.

18 / 28 июля в Смоленск был послан ультиматум «с окончательным увещанием, чтобы перестали упорствовать и через три часа дали ответ, но воевода отверг это письмо и не хотел его принять»². Через три часа начался артиллерийский обстрел

¹ АИ. Т. 2. № 282. С. 341; РИБ. Т. 1. С. 586.

² РИБ. Т. 1. С. 637.

крепости. К вечеру полякам удалось разрушить первую четырехугольную башню, севернее Копытецких ворот. Всю ночь в польском лагере «приготавливались лестницы, петарды и другие орудия, нужные для приступа...»¹. Смоленяне за ночь заделали проломы и на стены поставили пушки, снятые с восточных башен.

На рассвете 19 / 29 июля 400 немцев и венгров атаковали разрушенную башню, ворвались в пролом, но были выбиты. Одновременно 500 казаков попытались прорваться в Смоленск через крепостные стены, их атака была отбита ружейным огнем. Попытка взорвать Копытецкие ворота с помощью петард тоже закончилась ничем. Днем смоляне заделали пролом в башне, поляки разбили его орудийными залпами и увеличили пролом в стене до 2 саженьей.

21 / 31 июля на штурм разрушенной башни снова пошли немцы и венгры, за ними казаки и гусары, но когда они подошли к крепости, по ним открыли огонь с соседних круглых башен, и они отступили.

В последующие дни осаждавшие вели обстрел двух круглых башен, и им удалось сделать в них проломы. 25 июля / 4 августа поляки в очередной раз попытались взять крепость, но из-за дождя, который шел 2 часа, атаку отложили. Новый штурм был назначен на 10 / 20 августа. Но в этот день в польском войске произошел мятеж. По словам автора «Дневника осады», «когда пришло время идти на приступ, то во многих ротах взбунтовались товарищи (шляхтичи) и не хотели сойти с коней». Шляхта не желала идти на штурм в пешем строю. Потоцкий и Дорогостайский целый день уговаривали «и умоляли всеми святыми, чтоб уважили волю короля и настоятельную нужду», и только вечером рыцарство согласилось сойти с коней и атаковать крепость, «но так как уже было позд-

---

¹ Там же.

нее время и неприятель был настороже, то пришлось оставить это дело и потерять этот день»¹.

Смоляне в период передышки укрепили разбитые башни, заделали в них проломы, увеличили старый вал на 2 сажени, возвели на нем деревянные, засыпанные землей срубы, и в них поставили большие пушки, а по бокам еще 4, заряженные картечью.

Ранним утром 11/21 августа казаки атамана Кальника пошли на штурм, огнем их поддерживала немецкая пехота. Но все попытки ворваться в крепость были отбиты. «Смоляне то побивали их камнями, засыпали им глаза песком, то частыми ружейными выстрелами и ядрами из орудий, и вообще так защищались, что показали такую доблесть в защите, как наши в нападении». На поддержку казаков бросились гусары Хмельницкого и Струся, дважды они доходили до рва, но «ничего не сделав и не без вреда для себя». В этот день поляки потеряли 178 человек убитыми и 642 ранеными².

Штурмы лета 1610 г. показали всю решимость защитников крепости отстоять свой город, а также неспособность польской армии военными средствами взять Смоленск. К тому же Я. Потоцкий, организуя штурмы, допустил ряд просчетов. Во-первых, атака велась на довольно малый участок крепости (примерно 300 м), что позволило М.Б. Шеину не распылять свой малочисленный гарнизон по всей стене и использовать против атакующих пушки, снятые с восточных башен. Во-вторых, артиллерийский огонь первоначально велся по четырехугольной башне, что позволило осажденным вести огонь по атакующим с флангов. Об этом пишет С. Жолкевский: «...войти в крепость не было никакой возможности, ибо как не были уничтожены боковые обороны». Нелестно

---

¹ РИБ. Т. 1. С. 654—655.

² Там же. С. 637, 638—639, 640, 641, 644, 654—655, 656—657.

отзывается гетман и о полководческих способностях Я. Потоцкого: «Он имел опытность в поле, но был несведущ в осаде крепостей, он считал эту крепость ничтожной, называл ее курятником»¹.

После 21 августа король отказался от штурмов крепости, а вскоре пришло известие, что Москва присягнула королевичу Владиславу. Сложилась совершенно иная ситуация, и у Сигизмунда III появилась надежда на мирное решение дела.

Летом 1610 г. произошло два события, оказавших огромное влияние на оборону Смоленска: Клушинская битва и провозглашение русским царем королевича Владислава. До Клушина у смолян была надежда на помощь из Москвы, которая ассоциировалась с армией М.В. Скопина-Шуйского. С разгромом русской армии надежда на помощь исчезла. Это не могло не сказаться на моральном духе смоленской армии. И хотя летние штурмы показали, что моральный дух смолян был достаточно высок, все же исход Клушинской битва способствовал распространению пораженческих настроений в Смоленске.

Клушинская битва произошла 14 / 24 июня 1610 г. Еще в мае С. Жолкевский во главе отряда в количестве 800 гусар, 1000 пехотинцев и 1380 кавалеристов выступил к Белому, куда подошли воеводы Я. Барятинский и Горн со шведскими наемниками. В этом отряде находились смоленские и бельские дворяне². Взять Белый они не смогли и при подходе С. Жолкевского отошли к Зубцову. От Белого гетман двинулся к Вязьме, где уже стала сосредоточиваться армия М.В. Скопина-Шуйского. Но командовал ею уже не прославленный воевода, а брат царя Дмитрий Шуйский. Михаил Васильевич неожиданно умер на одном из пиров в Москве 23 апреля. Ему было всего 24 года. В народе ходило стойкое убеждение, что он был отравлен.

---

¹ Жолкевский С. Указ. соч. С. 43, 100.

² Белокуров С.А. Указ. соч. С. 54.

Под Вязьмой к С. Жолкевскому присоединился ряд польских отрядов — бывших тушинцев. Ход Клушинской битвы довольно подробно описан С. Жолкевским, Н.И. Костомаровым и Р.Г. Скрынниковым¹. Отметим лишь то, что основной причиной поражения русской армии была не столько измена наемников, сколько бездарность и бездействие Д.И. Шуйского, которые и побудили иноземцев перейти на сторону поляков. Под Клушиным погиб воевода Яков Барятинский, защищавший Смоленский уезд в 1608—1609 гг.

После Клушинской битвы русское дворянство стало перед выбором — или присягать Владиславу, или перейти в лагерь самозванца. Большинство в тот момент решило целовать крест польскому королю. Смоленское дворянство, являвшееся до недавнего времени опорой Василия Шуйского, увидев невозможность освобождения Смоленска и угрозу захвата своих поместий, одним из первых поспешило в королевский лагерь. Но в грамоте, которую целовали дворяне в Цареве-Займище, особо оговаривалось: «и как даст бог дать государю... королевичу Владиславу Жигимундовичу город Смоленск, и Жигимонду, королю польскому... итти от Смоленска прочь со всеми ратными людьми». В ответной грамоте они сообщали С. Жолкевскому: «...а польским людям и литовским людям, не быть насильственно в городах Московского государства, наипиче от государя нашего королевича приближенных... чтоб никакого утеснения не было»². Тем самым русские дворяне исходили, прежде всего, из того, что на русский престол сядет королевич Владислав, крестившийся в православную веру, и польские войска не будут насильственно занимать русские города и притеснять местное население, и только на этих условиях они

---

¹ Жолкевский С. Указ. соч. С. 46—64, приложение № 27; Костомаров Н.И. Смутное время... С. 534—543; Скрынников Р.Г. Смутное время... С. 311—314.

² Жолкевский С. Указ. соч. Приложение № 24, 25, Стб. 63—64.

соглашалось целовать крест королю. Присягая Сигизмунду III, они были уверены, что их земли останутся составной частью Русского государства, а польские войска вскоре покинут территорию России.

После Клушинской битвы смоленские дворяне выехали из полков Д.И. Шуйского во главе с Лаврентием Андреевичем Корсаковым. Таких дворян было 12 человек, им было разрешено ехать под Смоленск для получения жалованных грамот на свои поместья. В начале июля 220 смоленских дворян, сидевших в осаде в Царево-Займище, подали челобитную Сигизмунду III и Владиславу и просили принять их «под вашу государскую высокую руку»¹. Она была скреплена рукоприкладством 30 детей боярских, среди которых встречаем многие имена смоленских дворян: И.И. Чихачев, Ф.Е. Ефимьев, О.С. Неелов, Н. Кокошин, П. Бестужев, А. Дивов, Ф. Шушерин, И.М. Бестужев, Ф. Языков, причем, согласно десятилетию 1606 г., они составляли верхний слой смоленского дворянства². 26 июля 700 дворян Смоленского, Брянского и других западных уездов поехали из Москвы в лагерь С. Жолкевского, а оттуда — под Смоленск к королю. Некоторые из этих дворян получили жалованные грамоты на свои поместья уже в июле-августе 1610 г. Всего в это время 62 помещика Литовской Украины целовали крест Сигизмунду III, из них 51 были представителями Смоленского уезда (приложение № 6). Примерно половину из них составляли помещики с высокими окладами, более 450 четей³. Клушинская битва стала рубежом, после которого начинается массовый переход русского дворянства на сторону Сигизмунда III. Здесь необходимо отметить, что летом 1610 г. помещики западных уездов «оказались единственной значительной группой местных землевладельцев, которая хо-

¹ Там же. Приложение № 29. Стб. 83—86.

² Мальцев В.П. Указ. соч. Приложение № 2, 3. С. 364—421.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 100; АЗР. Т. 4. № 183. С. 334—337.

датайствовала перед королем о подтверждении своих прав на владения. Кроме них просили о пожаловании отдельные люди из состава тушинского посольства и немногочисленная группа дворян... отъехавшая из русских полков под Клушино»¹. Если часть смоленского дворянства вскоре после Клушинской битвы поехала под Смоленск, то оставшиеся в Москве смоленские дворяне и стрельцы в это время совместно с поляками ходили на самозванца, который после свержения Василия Шуйского попытался взять Москву. Об этом говорили стрельцы приказа Ф. Зубова, прибывшие под Смоленск 7 сентября².

Начало массового перехода дворян на сторону короля не могло не сказаться на положении служилого сословия в Смоленске. 10 / 20 июля, прибывшие под Смоленск местные дворяне из-под Клушина говорили смолянам, «что по их просьбе король приостановил штурм, так как мы уверили его, что вы послушаете наших советов... и сдадитесь»³. Этот факт способствовал тому, что уже в конце июля в крепости возникла группа, ставившая своей целью сдачу города. «Дневник осады» от 8 августа сообщает, что из Смоленска сбежали два дворянина, которые сказали: «Многие бояре, и многие из простого народа сильно желают сдать королю; одни лишь купцы (посадские люди. — С.А.) не хотят этого и хлопочут, чтобы не разъединились...». Далее перебежчики сообщали: «...когда будут устроены шанцы и сделан будет пролом, тогда желающие сдать смелее станут против упорных». Они также заявили, «что несколько десятков детей боярских знали об их намерении бежать из крепости»⁴.

Дворянами, перебежавшими к полякам, были князь Василий Морткин и Михаил Суцев. В Смоленске после бегства дворян

---

¹ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 173.

² АИ.Т. 2. № 290. С. 351.

³ РИБ. Т. 1. С. 634.

⁴ Там же. С. 646.

было проведено расследование, которое выявило их соучастников. 3 августа (13 по новому стилю) М.Б. Шеин приказал взять на поруки дворян Петра Башмакова, Якова Головачева, Богдана Озеренского, Никиту Румянцева, Леонтия Бонакова, «чтоб им государю царю не изменить, и с города к литовским людям не скинуться, с литовскими людьми и с воры не ссылатся... и над городом дурна никакого ни чинити»¹. Дальнейший розыск показал, что с вышеперечисленными дворянами связаны Денис Шушерин, Богдан Тихонов, Никифор Бестужев. Денис Шушерин в расспросе говорил: «князя Василия Морткина да Михаила Сущева отпустили к королю в таборы они все... а велели промышлять над городом приступом к Крылашевским воротам». Петр Башмаков «у пытки показал, что Шушерин хотел идти к королю, но Яков (Головачев) того не захотел, и про отпуск князя и Сущева он не ведал». Об этом на пытке показали Озеренский, Румянцев и Бестужев. Трудно сказать, говорили они правду или выгораживали себя. М.Б. Шеин приказал Богдана Тихонова взять на поруки, а остальных, в том числе и жену Василия Морткина, посадить в тюрьму².

Появление данной группы в июле 1610 г. было симптоматично. Этому способствовало начало массового перехода русских дворян на сторону Сигизмунда III после Клушинской битвы. Он оказал определенное влияние и на дворян в Смоленске, и какая-то часть из них посчитала необходимым выступить против М.Б. Шеина и сдать Смоленск королю.

В то же время необходимо отметить, что группа Морткина-Сущева была довольно малочисленной, к ответственности было привлечено всего 8 человек. Поэтому нет достаточных оснований считать, что в заговоре участвовало большое количество дворян, как считал В.П. Мальцев. Историк пишет о

¹ Памятники обороны. № 149, 159. С. 86, 90—96.

² Там же. № 158, 159. С. 89—96.

существовании в Смоленске летом 1610 г. шпионского центра с большим числом участников. В доказательство он приводит факты бегства дворян из крепости за весну-лето 1610 г.¹. Но с сентября 1609 до августа 1610 г. из Смоленска, согласно «Дневника осады», сбежало всего 25 человек, из них шесть дворян и трое стрельцов².

Правда, данные «Дневника осады» за весну-лето 1610 г. свидетельствуют, что в крепости в этот период наметились определенные разногласия. Бежавший 4 апреля говорил, что «воевода соглашается сдать крепость, но архиепископ не хочет...». 19 июня двое сбежавших сказали полякам, что в крепости хотят сдаться, 20 июня бежал дворянин и сообщил: «посадские убеждают воеводу сражаться до Петрова дня», 19 июля к полякам перешел пушкарь, который показал: «Шейн сказал, города не могу удержать, люди вымерли... и с тех пор люди начали ходить толпами и намекают издали о сдаче»³. Но эти факты не подтверждают наличия какого-либо заговора. Тяготы осады, начавшиеся голод и мор вызвали определенные «шатания» среди осажденных, у какой-то части из них могли возникнуть пораженческие настроения, и они могли их высказать открыто. Б.Н. Флоря, опираясь на данные агента флорентийского герцога Джованни ди Луна и письма Задзика, считает, что инициаторами сдачи города были дворяне, и прежде всего, из Дорогобужа и Вязьмы, тогда как посадские выступали за продолжение борьбы⁴. Но из данных «Дневника осады» следует, что и посадские в этот период высказывали предложения сдать крепость. Такие настроения были связаны с изменением психологии смолян, которые около года находились в осаде, а ухудшение их положения, естественно, вызывало у них стрем-

¹ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 308—310.

² РИБ. Т. 1. С. 554—637.

³ Там же. С. 565, 602, 603, 633.

⁴ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 148—149.

ление добиться его изменения, и в данной ситуации они могли требовать от воевод сдачи города.

В допросных листах М.Б. Шеин опровергает какое-либо стремление смолян летом 1610 г. сдать крепость¹. Б.Н. Флоря ставит под сомнения показания воеводы, но в то же время историк пишет: «что слухи о таких намерениях (сдать Смоленск. — С.А.) воеводы, видимо, не соответствовали реальным фактам»².

В целом можно сказать, что в этот период определенная часть защитников Смоленска высказывала пораженческие настроения, но они не стали господствующими в осажденном городе и существенно не повлияли на обороноспособность смоленской армии, что и продемонстрировали летние штурмы. И эти настроения были и среди дворян, и среди посадских. В то же время наличие таких настроений в определенной степени способствовало образованию группы Морткина—Сущева.

Таким образом, большинство смолян, в том числе и дворян, летом 1610 г. остались верны делу обороны.

Июль — август 1610 г. стали переломными в Смоленской обороне. Присяга дворян Владиславу, свержение Василия Шуйского и провозглашение царем королевича создали условия для унии двух государств. Оборона Смоленска против польских войск, которые в новых условиях превращались в союзников, теряла смысл. Московские бояре, заключая договор с С. Жолкевским, поставили вопрос о снятии осады. Гетман согласился «бити челом отослати королю его милости, чтоб по Смоленску бити не велел, и тесноты б никакой городу чинить не велел»³. С этого момента взятие Смоленска определялось не столько военными, сколько дипломатическими средствами. Договор от 17 / 27 августа способствовал и внутренней борь-

¹ Соловьев С.М. История России... С. 639.

² Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 149.

³ РИО. Т. 142. С. 100.

бе в Смоленске между сторонниками и противниками сдачи города. Таким образом, после августа 1610 г. сложились совершенно иные условия, при которых оборона Смоленска становилась делом не столько смолян, сколько делом торгового польского короля и различных боярских группировок. Поэтому с заключением договора от 17 / 27 августа 1610 г. завершился первый этап обороны города.

Подводя итог первого этапа обороны, необходимо отметить умелую политику воеводы М.Б. Шеина, направленную на укрепление обороноспособности города. Регламентация некоторых сторон городской жизни, продовольственная политика в интересах не только дворян и стрельцов, но и посадских людей позволили укрепить оборону и избежать каких-либо серьезных разногласий в среде осажденных. Имевшиеся в Смоленске на первом этапе обороны определенные «шатания» среди населения не оказали серьезного влияния на обороноспособность смоленской армии.

Говоря о роли отдельных сословий в обороне города, следует сказать, что роль дворянства не сводится лишь к измене, как об этом писали некоторые советские историки. И дворяне, и посадские на первом этапе обороны действовали сообща, несмотря на сословные разногласия. Дворянство в этот период осуществляло основные военно-командные функции. М.Б. Шеин опирался на них и в деле контроля над той частью населения, которая не входила в смоленскую армию. Имеющиеся в среде осажденных «шатания», которые В.П. Мальцев называет изменой, ни в коей мере не определялись какими-то политическими интересами (за исключением группы Морткина—Сущева) и были вызваны, прежде всего, тяготами осадной жизни, ухудшением материального положения, что явилось главной причиной побегов из крепости. И это в одинаковой степени относится и к посадским и к привилегированным сословиям.

В целом дворянство и посадский мир составляли основу земского союза, оба сословия являлись главными силами смоленской армии, и на их плечи легла основная нагрузка в осуществлении как военных, так и внутригородских задач.

4.4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СМОЛЕНСКЕ ОСЕНЬЮ 1610 Г. РОЛЬ СМОЛЕНСКОЙ ОБОРОНЫ В РАЗВЕРТЫВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

В августе 1610 г. Москва присягнула королевичу Владиславу. Но это не остановило Смуту в стране. Верхи русского общества обратились к Речи Посполитой, увидев в ней и, прежде всего, в короле Сигизмунде III, силу способную остановить анархию. Часть же русского дворянства, казаки, посадские люди ряда городов продолжали служить «законному царю Дмитрию» и не желали признавать царем польского королевича. Тем самым гражданская война в России продолжалась, при всё усиливающейся интервенции со стороны Речи Посполитой. Но русское общество оказалось не способным объединиться перед внешней опасностью.

В таких условиях начался второй этап обороны Смоленска, который в новых условиях оказался заложником Русской Смуты.

Прежде чем приступить к описанию событий в Смоленске, остановимся на той позиции, которую заняло осенью 1610 г. смоленское дворянство и дворянство соседних уездов, и эта позиция во многом определила внутреннюю борьбу в Смоленске в данный период.

После того как Москва присягнула Владиславу, русские дворяне, и в первую очередь дворяне тех уездов, которые были захвачены поляками, отправились в королевский лагерь с целью получить от короля жалованные грамоты на свои поместья. Вряд ли действия польского короля можно считать законными

(выдавать жалованные грамоты мог только его сын), но в условиях полного беззакония королевский лагерь под Смоленском стал на определенный момент фактическим правительством, и русские помещики спешили получить от него то, что потеряли во время Смуты.

На сентябрь—ноябрь 1610 г. приходится пик выдачи королевской канцелярией жалованных грамот дворянам.

Таблица № 10. Динамика выдачи жалованных грамот Сигизмундом III дворянам «Литовской Украины»

Месяц	Уезд			
	Смоленский	Вяземский	Дорогобужский	Рославльский
Февраль Июнь	10	10	5	31
Июль Август	51	5	2	2
Сентябрь Ноябрь	112	31	51	23
Декабрь	12	11	4	4
Май 1911	1	1	1	0
Итого	185	52	63	60

В приложении № 6 представлен список дворян 5 уездов, перешедших на сторону польского короля. Ввиду того, что бельских дворян в источнике числится 16 человек, мы не стали включать их в таблицу.

Всего по 4 уездам — 360 дворян. При этом на осень приходится 217 человек, а если сюда прибавить тех, кто пришел после Клушина в июле-августе 1610 г., то получим 277 человек, т.е. абсолютное большинство — 77 %. По уездам на июль — ноябрь приходится: Смоленский — 163 человека (88,1 %), Вяземский — 41 (78,8 %), Дорогобужский — 53 (84,1 %), Рославльский — 25 (41,6%).

Все дворяне, присягнувшие Владиславу, как уже говорилось выше, исходили из двух основных моментов. Во-первых, признавая власть королевича, русские дворяне ни в коей мере

не переходили на сторону Речи Посполитой, они признавали законного царя Владислава Сигизмундовича и продолжали считать себя подданными Русского государства; во-вторых, такой переход гарантировал им на тот момент сохранение их собственности.

В то же время нельзя говорить о прекращении польской экспансии после августа 1610 г. Сигизмунд III по-прежнему стремился оторвать от России ее западные земли, и прежде всего Смоленск. Но русское дворянство после 6 лет гражданской войны увидело в короле силу, способную установить в стране законную власть.

Положение Смоленска в сентябре 1610 г. было двойственным. С одной стороны, оборона города теряла смысл: Речь Посполитая перестала быть врагом, польский королевич получил законные права на русский трон. С другой — Сигизмунд III не снимал осады, а это означало, что польско-литовские магнаты желают отторгнуть Смоленск от России. В таких условиях главным для смолян осенью 1610 г. становится вопрос о присяге. Если присяга королю давала шанс полякам присоединить Смоленск к Речи Посполитой, то присяга Владиславу гарантировала смолянам сохранение Смоленска в составе России.

В Москве по-разному оценивали будущее Смоленска. Часть бояр считала, что король должен снять осаду, после чего смоляне смогут присягнуть королевичу. Это нашло отражение в наказе послам, которые должны были ехать под Смоленск договариваться об условиях занятия Владиславом русского трона. В наказе говорилось: «Великий государь Жигимонд от Смоленска не отступит, и учнут паны рады говорить, что от Смоленска королю не хаживати, покамест Московское государство не успокоится... и боярину князю Василию Васильевичу говорити: великий государь Жигимонд... пришел... только для успокоения Московского государства. А по которой грамоте гетман целовал крест, и в той

записи записано, как город Смоленск государю королевичу челом добьет, и Жигимонду итти от Смоленска прочь со всеми ратными людьми»¹.

Другая часть бояр была согласна с тем, что Смоленск может сдаться на имя короля. 26 августа/5 сентября под Смоленск прибыло трое «бояр... с письменным и словесным приказом воеводе от князя Мстиславского покориться и бить королю челом»².

В самом Смоленске после заключения договора от 17 / 27 августа возникли две партии — сторонников и противников сдачи города. «Дневник осады» от 14 сентября сообщает: «...передались три боярина, которые сказали, что между осажденными великое разногласие. Бояре, стрельцы и духовенство стоят за то, чтобы сдаться на имя короля... а посадские люди, т.е. купцы, в числе которых есть много зажиточных, богатых, не как не хотят отложиться от столицы»³. Стремление дворян в Смоленске как можно быстрее присягнуть королю было вызвано желанием вернуть свои поместья. Этому способствовала и позиция тех дворян, которые перешли на сторону Сигизмунда III. Смоленское духовенство также было заинтересовано в быстром снятии осады, чтобы получить жалованные грамоты на свои земли. Дворянство в сложившейся ситуации искало определенный компромисс, а он в данный момент заключался в присяге королю.

Посадские, в отличие от дворян, не имели каких-либо интересов за пределами Смоленска, они не желали присоединения города к Речи Посполитой и выступали против присяги Сигизмунду III.

Таким образом, заключение договора от 17 / 27 августа и признание значительной части смоленских дворян Владисла-

---

¹ РИО. Т. 142. С. 161.

² РИБ. Т. 1. С. 663.

³ Там же. С. 667.

ва Сигизмундовича законным государем привели к резкому противостоянию дворян и посадских в Смоленске. Союз этих сословий, цементирующий всю оборону на ее первом этапе, распался. Различные интересы развели их по разные стороны баррикад.

М.Б. Шеин в данной ситуации занял твердую позицию: Смоленск должен присягнуть королевичу Владиславу. В.П. Мальцев видит причины такой позиции в двух факторах: во-первых, воевода находился под контролем городского совета, где главную роль играли посадские люди; во-вторых, М.Б. Шеин, представитель московской аристократии, был противником смоленского служилого дворянства¹.

Но скорее всего, М.Б. Шеин занял данную позицию по иным причинам. Выше было показано, что вся полнота власти в Смоленске была в руках первого воеводы, и никакого городского совета не было из-за его ненужности. Не было и противостояния дворянства и боярства. Позиция М.Б. Шеина определялась следующими факторами: во-первых, воевода прекрасно понимал, что присяга на имя короля создает повод для отторжения Смоленска от России; во-вторых, он как командующий смоленской армией должен был считаться с мнением посадских, которые составляли большинство жителей города.

Определенную роль здесь сыграла и связь смоленского воеводы с князьями Голицыными. Особенно близок Михаил Борисович был с князем Андреем Васильевичем. Именно ему М.Б. Шеин писал в первый месяц осады, где просил князя быть его душеприказчиком: «Государю моему Ондрею Васильевичу великого твоего жалования искатель Михалец Шеин челом бьет... Да будет государь... мне в осаде случиться за бога, за государя смерть, и тебе государю моему

---

¹ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 316, 318.

пожаловать меня во всем просити, а яз тебе государю своему челом бью»¹. Брат Андрея князь Василий Голицын был решительным противником сдачи Смоленска, и на переговорах осенью 1610 г. твердо выступал за присягу смолян королевичу. Эти причины и повлияли на позицию смоленского воеводы.

После того как в Смоленск пришла грамота от Ф.И. Мстиславского, М.Б. Шеин предложил полякам начать переговоры об условиях сдачи города на имя Владислава. Они начались 1 / 10 сентября. В этот день в польский лагерь прибыли 6 смоленских послов от всех сословий города. Они выдвинули два условия: 1) Смоленск сдается на имя королевича, 2) король выводит свои войска за пределы России. На это поляки ответили отказом. Через три дня смоляне снова сошлись с панами и заявили, что они «никак не хотят и не могут отклониться от столицы, потому что не имеют оттуда дозволения отложиться от жителей столицы и поддаться чужому королю». 6 / 16 сентября за городской стеной встретились Лев Сапега и М.Б. Шеин. Воевода не «соглашался отделиться от главы столицы и отложил окончательные переговоры до приезда великих послов»².

Ничего не добившись на переговорах, Сигизмунд III перешел к тактике запугивания. 20/30 сентября в крепость был послан королевский универсал, в котором говорилось, «чтоб не медлили с сдачей крепости, и если не сдадутся в течение трех дней, то все их имения будут розданы другим боярам... и потом уже не будет никакого помилования. Имения посадских людей также будут конфискованы, и сами они будут казнены смертию»³. Естественно, смоляне отвергли данный ультиматум.

---

¹ АИ. Т. 2. № 268. С. 319—320.

² РИБ. Т. 1. С. 664, 666—667.

³ Там же. С. 673.

В окружении короля осенью 1610 г. имелись различные точки зрения на дальнейшее развитие событий. Если Сигизмунд III желал во что бы то ни стало сам занять русский трон и присоединить к Речи Посполитой западные земли России, то С. Жолкевский говорил о необходимости посадить в Москве Владислава и пойти на некоторые уступки боярам, так как политика короля ведет к усилению раскола русского общества, что вызывает недоверие русских к полякам. Л. Сапега считал возможным снять осаду Смоленска, что усилит позиции короля на переговорах с боярами. В ответ королева Констанция писала литовскому канцлеру: «ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск, и советуешь Королю на время отложить осаду: заклиная тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими Сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идет о чести не только короля, но и целого войска»¹.

Внутреннее положение Смоленска в сентябре-октябре 1610 г. оставалось сложным. В этот период участились побег из крепости. 13 / 23 сентября сбежало двое вязьмичей. 27 сентября в «Дневнике осады» сказано: «передалось разного звания 18 человек, которые сказали, что между стрельцами и боярами, желающими сдать крепость, не дожидаясь послов, и более достаточными мещанами, которые дожидаются послов, разьединение и не согласие». Через три дня из сотни Данилы Коноплева сбежало 5 человек, 28 октября еще 5 человек из сотни Максима Бестужева, 31 октября на сторону поляков перешли четыре дорогобужанина, 4 ноября, согласно «Дневнику осады», «передалось из крепости 13 русских...», 26 ноября из сотни все того же Данилы Коноплева бежали еще 4 человека «разных боярщин»².

¹ Памятная книжка Смоленской губернии за 1864—1865 гг. Смоленск, 1865. С. 39.

² Памятники обороны. № 163, 175, 179, 184. С. 97, 105, 107, 109; РИБ. Т. 1. С. 675, 688.

Всего за сентябрь—декабрь 1610 г. из Смоленска, согласно «Дневнику осады», сбежало 124 человека. На сентябрь-октябрь из них приходится более 60 человек¹. Большинство бежавших составили крестьяне и посадские, которые были вынуждены покинуть Смоленск, спасаясь от голодной смерти. Об этом свидетельствуют показания их родственников и свидетелей. «Жёнки» бежавших вязьмичей говорили: «... а хлеба де и у мужей их, и у них нет ничего, ходя меж двор кормились», о другом бежавшем было сказано: сбежал «оттого, что голодал, есть ему было нечего». Дворян за этот период сбежало 26 человек, стрельцов — 9².

Взросшее число бежавших из крепости дворян, а также тот факт, что дважды бежало сразу более 10 человек, чего до осени 1610 г. не было, говорит не только о бедственном положении осажденных, но и об определенной апатии защитников города в условиях, когда будущее Смоленска было не совсем ясным. Об этом свидетельствуют и те разногласия, которые существовали в Смоленске между дворянами и посадскими осенью 1610 г. Сбежавшие 4 ноября говорили: «... между боярами и миром такой раздор, что часто дело доходит до сабель»³.

Осенью в Смоленске обострилась продовольственная проблема. Уже летом положение с хлебом стало критическим, голод охватывал все большее количество крестьян и посадских. Затруднение с продовольствием испытывали и в дворянских семьях. Запасы хлеба в крепости таяли с каждым днем. В августе-сентябре вяземским и дорогобужским дворянам вместо ржи выдали овес по осмине на человека. В октябре урезали норму выдачи посадским. Если в августе смоляне получили по пол-осмине ржи на человека, то в октябре иногородним посад-

¹ РИБ. Т. С. 644—712.

² Памятники обороны. № 198, 199. С. 117; РИБ. Т. 1. С. 688.

³ РИБ. Т. 1. С. 675.

ским выдали лишь по четверику ржи, т.е. норма была урезана в 4 раза¹.

Чтобы обеспечить население хлебом, воеводы пошли на решительный шаг. Они вскрыли архиепископские житницы, из которых выдали хлеб стрельцам. Тогда же было решено распределять хлеб среди смоленских дворян из запасов их родственников или других дворян: «Борис Бочеров — дати ему хлеба, взяв у Шемякиной вдовы Пикина», таким образом, хлеб получила 61 дворянская семья. Осенью хлеб стали конфисковывать у дворян, попавших в тюрьму. Конфискация была проведена у Никифора Ефимьева².

Во второй половине 1610 г. к затруднениям с хлебом прибавились проблемы с солью. Летом поднялись цены, и началась спекуляция этим продуктом. 14 августа М.Б. Шеин приказал установить твердую рыночную цену на соль, «чтоб смоленские посадские люди, и стрельцы, и пушкари... и всякие смоленские люди, продавали берковец десять рублей, а пуд по рублю, а больше б той цены не продавали. А хто смоляне и всех городов всякие люди... учнут соль продавать сверх той цены и у тех людей соль и животы возьмут на государя царя»³. Установленная цена в 6,5 раз превышала мирную цену, до осады пуд соли в Смоленске стоил 5 алтын.

Соль также раздавалась из государственных запасов. Но согласно документам, ее выдавали только дворянам и стрельцам. На члена дворянской семьи отпускалась одна гривенка соли, полфунта (примерно 200 г), на холопа — 12 золотников (примерно 50 г). В конце 1610 г. соль получили брянские и серпейские дворяне. Всего им было выдано 19 пудов и 23 гривенки⁴.

¹ Памятники обороны. № 250, 252. С. 214—216, 220—222.

² Там же. № 162, 193, 263. С. 97, 114, 242—243.

³ Там же. № 154. С. 88—89.

⁴ Там же. № 262. С. 240—242.

Осенью положение с солью ухудшилось. 6 ноября М.Б. Шеин приказал «переписать во всем городе у посадских у всяких людей, у пушкарей... и в монастырех... и у всех людей кто солью торгует, и сколько у кого мехов или пудов... а переписывати их и сыскивати посадскими людьми у всех людей имянно...». Во главе всей переписи был поставлен смоленский дворянин Василий Давыдов¹. Целью переписи запасов соли было стремление воевод выявить крупные запасы данного продукта у частных лиц, часть из них оставить владельцу, а другую часть пустить в раздачу. Уже 13 ноября конфисковали соль у пушкаря Кондрата Федорова в количестве 10 пудов. 5 января соль была конфискована у дорогобужских посадских людей — Луки Пушкинова и его тестя Михаила Карпова. Конфискованная соль была роздана «взязмичам, и дорогобужанам, и брянчанам, и серпянам, дворянам и детям боярским, и их женам... на человека по гривенке»².

С января 1611 г. воеводы стали проводить принудительный выкуп соли. 13 января «взяли соль у Нелидовой жены Ракова, и взяли 18 гривенок (примерно 3,6 кг) 5 оставили боярыне, а за остальные дали 3 алтына». Вскоре взяли пуд соли у одного крестьянина, и «по приказу боярина и воевод Иван Жидовинов роздал по списку детям боярским смолянам, а деньги отданы за гривенку по алтыну того крестьянина жене»³. Отсюда видно, что соль покупали по цене 2 рубля 40 копеек за пуд. Это в 16 раз превышало цену мирного времени. Спекулятивная цена на соль в январе 1611 г. была еще выше. Федор Борисов купил соль у Ремки Домаскина, отдав за гривенку 4 гривны, что более чем в 40 раз превышало цену мирного времени⁴. Соль

¹ Памятники обороны. № 185. С. 109—110.

² Там же. № 191, 253. С. 113, 222—223.

³ Там же. № 211. С. 211.

⁴ Там же.

продолжали конфисковывать и после января 1611 г. В мае соль изъяли «больше гривенки у воротника Жилина»¹.

Все это свидетельствует о том, что М.Б. Шеин и здесь стремится обеспечить этим продуктом, в первую очередь, стрельцов и дворян, т.е. профессиональных военных. Но в условиях обострения продовольственного кризиса воевода действует более гибко: наряду с конфискацией соли он прибегает к принудительному ее выкупу по довольно большой цене.

Подводя итог продовольственной политике М.Б. Шеина в осажденном Смоленске, можно сказать, что воеводе удалось обеспечить продовольствием основные категории смоленского населения, и в первую очередь дворян и стрельцов. Надо полагать, эти категории населения не испытывали голода ни в 1610, ни в 1611 г. В мае 1611 г. дорогобужские и вяземские дворяне получили хлеб из конфискованных запасов Федора Ефимьева. Всего 21 семья, 62 человека дворян и членов их семей и 48 холопов².

Но продовольственная политика воеводы обеспечивала лишь армию. Неимущие слои населения голодали, они бежали из города, среди них росла смертность. Продовольственный кризис осени 1610 г. поставил их в тяжелейшее положение. Но перед М.Б. Шеиным стояла задача не столько прокормить население Смоленска, сколько не допустить его захвата поляками. Поэтому он снабжает хлебом и солью в первую очередь профессиональный состав армии.

Продовольственный кризис, обострившийся осенью 1610 г., а также меры воевод, направленные на конфискацию продовольственных запасов у частных лиц, привели к ухудшению взаимоотношений М.Б. Шеина и дворянства. В ноябре 1610 г. в Смоленске сложился общеполитический кризис. Ему

---

¹ Там же. № 223. С. 121.

² Там же. № 256. С. 225.

способствовали и переговоры, которые начались в октябре между польско-литовскими сенаторами и русскими боярами под Смоленском.

Великое посольство прибыло в королевский лагерь 7 / 17 октября. Великими послами были митрополит Ростовский Филарет Романов, боярин князь Василий Васильевич Голицын, окольный князь Данила Мезецкий, думный дьяк Томила Луговской. Их сопровождали выборные от разных чинов люди в количестве 1246 человек. Среди них были дворяне Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа и Рославля — всего 251 человек¹.

Первоочередным вопросом, стоявшим перед послами, был вопрос о Смоленске. В наказе говорилось, чтобы они требовали снятия осады. Только после решения этого вопроса они могли обсуждать условия занятия трона Владиславом. В окружении короля осенью 1610 г., как было сказано выше, высказывались мнения о снятии осады. Но взятие Смоленска для Сигизмунда III было делом престижа. Он не мог уйти от города, простояв под ним год и ничего не дав республике.

Как видим, позиции сторон были противоположными, что придавало переговорам с самого начала довольно сложный характер. В октябре-ноябре состоялось 5 съездов послов с поляками. На них последние наотрез отказались снимать осаду до тех пор, пока смоляне не присягнут Сигизмунду III, с чем, в свою очередь, не согласились послы. Не помог им и С. Жолкевский, прибывший под Смоленск 20 / 30 октября. Гетман заявил: «Договор, который я с Московским государством заключил, король соблюдает. Но что его величеству отойти от Смоленска, я не говорил. А чтоб смольняне отца с сыном не разъединяли, и крест целовали обоим... а как Смоленск сдастся, тогда об уходе королевском договор напишем»².

¹ РИО. Т. 142. С. 131.

² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 604.

Различие русской и польской позиций завело переговоры в тупик. 18 / 28 ноября на очередном съезде поляки заявили, что если послы не согласятся на ввод в Смоленск королевских войск, то они 1 декабря начнут штурм крепости. Послы ответили отказом. По возвращении в свой лагерь Филарет обратился к дворянам: «...если Смоленск возьмут приступом, то они... от патриарха, бояр и всех людей... не будут же в проклятии и ненависти...» на это дворяне ответили, «единолично на том стоять, чтобы в Смоленск польских и литовских людей не пустить...»¹.

На этом завершился первый этап переговоров. Поляки, не добившись от послов сдачи города, решили перейти к активным действиям. Переговоры показали решимость послов не допустить сдачи Смоленска.

Но позиция послов не совпадала с позицией дворян в осажденном городе. Последние еще в сентябре требовали от воевод сдачи на имя короля. И твердая позиция послов и М.Б. Шеина не могла не раздражать дворян в Смоленске. Их не устраивал и тот факт, что король жаловал перешедших на его сторону поместьями и нередко раздавал им чужие владения.

Из 185 дворян Смоленского уезда, целовавших крест Сигизмунду III в 1610 г., 65 человек получили грамоты не на свои поместья (приложение № 6). Константин Головачев завладел поместьями Павла, Андрея, Ивана Головачевых, Лаврентия Башмакова, Ивана Верещагина. Артемий Сухотин, имея оклад в 300 четей и владея 50 четями земли, получил поместья Елизара Руднева и Афанасия Баскакова. Иван Афанасьевич Кошелев, с окладом 250 четей, получил поместья Андрея Курбатова и Тимофея Румянцева в 200 четей. Афанасий Иванович Дивов также завладел чужими поместьями в размере 450 четей, что на 50 четей было выше его оклада. Федор Владимирович Го-

---

¹ Там же. С. 608.

ловачев был пожалован по 2 грамотам поместьями Григория Алябьева, Михаила Татищева, Ивана Макшеева, Ивана Баскакова, Андрея Беклемешева, всего 450 четей. Поместье Михаила Татищева было все роздано другим дворянам. 11 декабря на остаток этого поместья (30 четей) получил грамоту Степан Степушкин. Поместье окольникыего В.П. Головина получили пять помещиков. 7 дворян жаловались поместьями дважды, а 5 человек — трижды. Григорий Спиридонович Верещагин по грамотам от 12 октября и 6, 30 ноября получил свое поместье и брата Спиридона в количестве 360 четей. Нередко указывалось на выдачу «изменнических» поместий, т.е. тех поместий, чьи владельцы не перешли на сторону Сигизмунда III¹. Все это говорит о том, что Сигизмунд III под Смоленском жаловал дворян землями, ни в чем не стесняясь. Королевская канцелярия не утруждала себя розыском вымороченных или изменнических поместий, а раздавало то, что было у нее под рукой, и зачастую давала земли, превышающие поместный оклад. Такая же картина была с раздачей поместий и в других уездах Литовской Украины (приложение № 6). Все это приводило к обострению отношений как между дворянами вне Смоленска, так и между дворянами и посадскими в Смоленске, «когда дело доходило до сабель».

В ноябре ропот на М.Б. Шеина усилился. 12 ноября Никифор Ефимьев, сидевший в тюрьме, говорил другим тюремным сидельцам, Якову Головачеву и Денису Шушерину: «...Михайла Борисович ныне в Смоленске, что Болотников в Туле, и Болотников де смерти на себя дождался ж, а Михайла де Борисович того не ведает, что над ним в Смоленске будет...». Его собеседники высказывали подобные мысли: «Яков де Головачев и Денис Шушерин говорили Никифору, коли деи боярская не время будет, а наше время, и того де нам боярину ничего

¹ АЗР. Т. 4. № 183. С. 329, 332, 337, 342.

не сделать»¹. Это была уже определенная программа действий, направленная против воеводы.

Через 4 дня посадские старосты Оксен Дюкарев и Данила Леншин сообщили воеводе, что 15 ноября «говорили стоя боярских людей человек со сто, пришлют деи к нам сегодня по шалощам вязьмичи дети боярские, чтоб им боярским людям быти с ними в одной мысли, и говорили деи боярские люди, чтоб им в осаде не сидеть и за мужиков (посадских. — С.А.) не биться». 1 декабря М.Б. Шеину донесли, что вяземский дворянин Сергей Гридков подбивал своих сообщников на бунт: «...завтра деи или послезавтрее кровь крестьянская (христианская. — С.А.) прольется, и город де отопрут, и... мы все вязьмичи станем в прикрытие по башням, да и смоляне с нами будут, а боярские деи люди посадских людей учнут сечь. Шеин де нас губит с посадскими людьми, а королю деи и королевичу не целует, и ждут вора с Москвы. И мы де Шеина заграбя выдадим за стену, будет деи в Польше с Шуйским, а посадских людей побьем, а животы их пограбим»².

М.Б. Шеиным была недовольна и какая-то часть простых людей. 12 декабря автор «Дневника осады» записал, что во время переговоров под стенами крепости поляков со смолянами последние кричали: «Не знаем на кого (Шеин) держит город на черта или на вора (Лжедмитрий II. — С.А.), он говорил нам, что (король) всех отдаст под меч, разграбив имущество; Шеин сделает то, что скажет Голицын»³. Ропот на воеводу и продовольственный кризис способствовали побегам из крепости. 24 ноября / 4 декабря из Смоленска сразу сбежало 27 человек, 3 / 13 декабря бежали еще несколько смолян. Под этим числом в «Дневнике...» имеется такая запись: «стрельцы, бояре и мир пришли к Шеину и кричали, чтоб он больше

¹ Памятники обороны. № 193. С. 114.

² Там же. № 195, 202. С. 115, 119.

³ РИБ. Т. 1. С. 705—706.

не проливал крови и покорился королю, но он просил, чтобы дождались Рождества Христова, а после того он будет вести переговоры»¹.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в ноябре-декабре 1610 г. в Смоленске сложился общеполитический кризис, вызванный стремлением части дворян вернуть свою собственность и обострением продовольственной проблемы, когда определенная часть защитников крепости выступила с требованием сдачи города на имя короля. Кризис выразился во всевозможных разговорах против воевод, в требовании сдачи города, в подстрекании «боярских людей» бить посадских. Пик кризиса пришелся на конец ноября — начало декабря, когда поляки готовились к штурму города, о чем знали в Смоленске. Но кроме разговоров, ничего существенного в Смоленске не произошло. Надо полагать, посадский мир и большая часть дворян выступили в этот период в поддержку воеводы и встали на защиту Смоленска 21 ноября / 1 декабря, о чем сообщает «Дневник осады». В этот день в районе поврежденных летом башен поляки взорвали 150 ц пороха, заложенного в подкоп. От взрыва «вырвало мало-помалу значительную часть стены на 10 сажень в длину», после чего «рыцарство под началом Новодворского пошло ко рву... зарвом находился земляной вал, а за валом стояло их (русских) несколько рядов готовых к битве», ко рву мешали подойти и пушки, «с трех сторон направленные к отверстию»². Поляки были вынуждены отложить штурм.

Таким образом, неудавшийся штурм 21 ноября показал, что основная часть населения Смоленска отказалась признать власть короля и выступила на защиту крепости. Отсюда можно сделать вывод, что противоречия, вызвавшие кризис осе-

¹ РИБ. Т. 1. С. 702, 706—707.

² Там же. С. 699, 701.

ни 1610 г., не достигли такой остроты, при которой население Смоленска могло пойти на сдачу города.

Если говорить о дворянстве в целом, то трудно согласиться с точкой зрения В.П. Мальцева, согласно которой оно стремилось перейти на сторону поляков и организовать восстание в Смоленске¹. Несмотря на то, что «пораженческие» настроения среди них имели место, дворяне, на наш взгляд, занимали к М.Б. Шеину довольно лояльную позицию. Об этом говорит тот факт, что перепись соляных запасов воевода поручил смоленскому дворянину Василию Давыдову.

Позиция дворян заключалась, прежде всего, в присяге королю. Они требовали от М.Б. Шеина не открыть ворота, а начать переговоры о сдаче, непременным условием которых были присяга королю и возврат поместий. Иначе говоря, дворяне в Смоленске выступали не за безоговорочную капитуляцию, а за сдачу города на определенных условиях, и потому им не была нужна какая-то «шпионская организация», они оказывали давление на воеводу открыто, о чем свидетельствуют документы воеводской избы, этому способствовали и переговоры бояр с поляками. Именно первый воевода представлял собой ту власть, с которой король и сенаторы должны были заключить соглашение о присяге. В такой ситуации М.Б. Шеин был необходим дворянству как глава смоленской администрации, как посредник между ними и двумя переговаривающимися сторонами. Именно поэтому 21 ноября дворяне в Смоленске оказались на стороне воеводы, а не короля. В противном случае, при удачном штурме города, они стали бы военнопленными, что лишало бы их всех шансов на получение своих поместий. Отказ смоленского дворянства выступить против М.Б. Шеина 21 ноября и требование переговоров, высказанное им и

---

¹ *Мальцев В.П.* Указ. соч. С. 325—326.

людьми, его поддерживающими, 3 декабря, подтверждает данный вывод.

Дворянство в Смоленске в этот период требовало присяги королю, но вопрос не стоял об измене в пользу Речи Посполитой. В этом заключается парадокс положения дворянства в Смоленске осенью 1610 г., как и положение Смоленска в целом. Смоляне оказались заложниками политической ситуации в стране, и различные сословные группировки в городе по-разному оценивали свое будущее. Несовпадающие интересы дворян и посадских развели их по разные стороны, что вызвало кризис, в котором проявилась вся противоречивость ситуации в России, где с одной стороны существовала законная, но иллюзорная власть королевича, с другой — незаконная, но фактическая власть короля.

Конец ноября 1610 г. был самым сложным периодом в истории обороны Смоленска. Определенная часть населения города выступила против М.Б. Шеина. Это потребовало от воеводы принятия ряда мер. 5 января вяземским и дорогобужским дворянам выдали соль, 11 января вяземские дворяне получили хлебное жалованье из запасов Никифора Ефимьева. Его получили 50 семей¹. Скорее всего, вяземское дворянство и было главным зачинщиком выступления против воеводы, о чем говорят слова С. Гридкова. Тогда же М.Б. Шеин отказался от конфискации соли и перешел к ее принудительному выкупу. Обещание воеводы начать переговоры с поляками также способствовало успокоению смоленского населения. Эти меры, надо полагать, ослабили противоречия, существующие между двумя группировками в Смоленске.

В конце 1610 г. обстановка в России в очередной раз изменилась. В декабре в Калуге был убит Лжедмитрий II. Тушинское войнство, лишившись лидера, раскололось. Большинство

¹ Памятники обороны. № 253, 255. С. 222—223, 224.

дворян решило пойти на союз с теми, кто в августе присягнул королевичу. Но когда их послы побывали в Москве, занятой поляками, то убедились, что новая власть есть не что иное, как польская оккупация, и отказались признать власть Владислава «...до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России»¹.

Во главе оппозиции Семибоярщине стал Прокопий Ляпунов. Узнав о штурме Смоленска 21 ноября, он бросил открытый вызов боярскому правительству. П. Ляпунова поддержал воевода Зарайска князь Дмитрий Пожарский и глава тушинцев Иван Заруцкий. На территории Рязанщины сложилось Первое ополчение, ставившее своей целью изгнание поляков из Москвы и избрание царя всей землей.

Зимой 1611 г. Первое ополчение поддержал ряд городов: Муром, Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Владимир, Суздаль, Калуга. Движение за освобождение страны набирало силу. В марте армия ополчения осадила Москву. Русская Смута вступила в завершающий этап — национально-освободительного движения против польских захватчиков.

Не последнюю роль в идеологическом обосновании Первого ополчения сыграла оборона Смоленска. Чтобы понять эту роль, рассмотрим изменение политической ситуации в России с осени 1609 до зимы 1611 г. В период, когда началась оборона города, русское общество, разделившись на два враждующих лагеря, вело между собой ожесточенную борьбу, и Смоленск со своими заботами был предоставлен самому себе. Ни у одной из враждующих группировок не было ни сил, ни желания оказать городу помощь. В августе 1610 г. большая часть русского общества признала царем королевича Владислава, другая же его часть выступила с патриотическими лозунгами борьбы с иноземным вторжением. Лжедмитрий II не подходил на роль

---

¹ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 341.

лидера патриотического лагеря, так как был скомпрометирован союзом с польской шляхтой. Взоры патриотов обратились к Смоленску, который отказался признать власть польского короля. Для патриотического лагеря именно Смоленск становится символом независимой России. Для П. Ляпунова и Д. Пожарского Смоленская оборона стала идеологическим обоснованием Первого ополчения. Тем самым политическая ситуация осени 1610 г. сделала Смоленск основным оплотом патриотических сил, для которых главное значение имело само существование города, противостоящего армии польского короля.

Подъем национально-освободительного движения, начавшийся в самом конце 1610 г., привел в него многие слои населения, в том числе и тех дворян, которые до этого поддерживали Владислава. Об этом свидетельствует «Смоленская грамота», написанная дворянами под Смоленском в конце 1610 или начале 1611 г. В грамоте описаны все бедствия, принесенные польским королем на русскую землю. Ее авторы писали: «Мы пришли из своих разоренных городов к королю в обоз под Смоленск, и живем тут более года... чтобы выкупить из плена, из латинства, от горькой смертной работы бедных своих матерей, жен и детей». Далее в грамоте говорилось: «...супостаты наши, которые у нас ныне с нашими изменниками... хотят нас конечно погубити и под меч подклонити... в работу в холопов превратити, и пожитки наши паграбити, святую нашу непорочную веру искоренити, и свою отпадную учинити». О положении в городах было сказано: «Во всех городах и уездах, где завладели литовские люди, не поругана ли там православная вера, и не разорены ли там Божьи церкви? Все это зрят очи наши...».

Большое внимание в грамоте уделено Смоленску и его защитникам. Авторы нашли слова, которые брали за душу каждого русского человека. Грамота, собственно, и начинается с

описания осажденного города. Слова о Смоленске самые эмоциональные и пафосные. «Поревнуем и подивимся великому граду Смоленску, его же стояние к западу — како в нем наши же братья, православные христиане сидять, и великую тесноту терпят, и стоят крепче за Православную веру, и за святые Божии церкви, и за свои души, и за всех нас, а общему нашему супостату и врагу... не покоряться и не здадутся... и все граждане смоленские, все стоят единодушно и непреклонно... хотят славно умерети, нежели горестно и бесчестно жити... и каково мужество показали, и какову славу и похвалу учинили во все наше Российское государство...». В конце грамоты дворяне призывали всех русских людей встать на защиту Родины: «Время пришло... подвиг показать и на страсть дерзновенье учинити, как вам бог настаивает и помощи вам попадет»¹.

В Москве данная грамота была переписана во многих списках и разослана по городам. К грамоте было приложено воззвание П. Ляпунова и грамота патриарха Гермогена. Все эти сочинения, объединенные в одно сказание, получили название «Новая повесть». В феврале смоленскую грамоту уже читали в Великом Устюге и Перми².

Таким образом, русское дворянство, в том числе и смоленских уездов, ничего не получив от Сигизмунда III, переходит на сторону национально-освободительного движения. Осенью 1610 г. смоленские дворяне оказались в очень тяжелом положении. Их поместья были захвачены поляками. Об этом писали жены смоленских дворян своим мужьям в Москву. Жена Я.О. Тухачевского сообщала: «...а слух до нас доходит, что в наших поместьях паны посели», в письме М.Ф. Нееловой было сказано: «а в поместьях наших животы наши, и станки, и люди, и крестьяне все поиманы»³. Осенью челобитную королю

¹ РИБ. Т. 13. С. 190—191, 200, 201, 210.

² ААЭ. Т. 2. № 174.

³ ДАИ. Т. 1. № 231.

подал смоленский дворянин Илья Иванович Зубов. В сентябре 1610 г. он был пожалован грамотой на часть поместье В.П. Головина, свое поместье он, видимо, получить не смог. В своей челобитной королю И.П. Зубов писал: «поместьеце отца моего и брата моего Дмитрия в Смоленском уезде... и то государь наше поместьеце держат в приставстве поляки и литва»¹. Вот как описывал свое поместье звенигородский дворянин Дмитрий Карпов: «вотчиной и поместьем не владею, потому что деревнишки государь позжены, и крестьянишки от всяких воинских людей разорены до конца, а иные побыгты»². Такое положение было во всех западных уездах, и русское дворянство фактически оказалось на грани разорения. Это и стало одной из причин их перехода в патриотический лагерь.

В самом конце 1610 г. в настроении смоленских дворян происходит существенная перемена. Поэтому, когда П. Ляпунов и Д. Пожарский начали освобождение страны, смоленские дворяне, видя свое бедственное положение, решили выступить в помощь ополчению. Об этом свидетельствуют и грамота, посланная ими в Москву, и слова «Нового летописца»: «Король же под Смоленском нача делати русским людям смольнянам тесноту великую... а иные поехоша по домам для запаса, а мысль у них была едина, чтоб им отъехать под Москву в русские полки... Король же по всему уезду посла роты, и повелел дворян побивати. Они же езда по уезду многих дворян побиша, а остальные отыдоша в Калугу»³. Согласно «Повести о победах Московского государства», смоляне уходили в Рославль и Брянск к воеводе В.П. Шереметеву⁴. Это подтверждает и «Архив Масловых». Летом

¹ РИБ. Т. 2. С. 702.

² Сухотин Л.В. Жалованные грамоты Владислава в 1610—1612 гг. М., 1912. С. 38.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 110, 113.

⁴ Повесть о победах Московского государства... С. 26—28.

1611 г. Рославль находился в наших руках. Городскую администрацию возглавляли дворянские головы Андрей Маслов и Родион Скрябин, которых направил сюда В.П. Шереметев. В сентябре 1611 г. им пришла грамота от князя Дмитрия Трубецкого (один из воевод Первого ополчения), в которой князь приказывал «поставить острог в Рославле Пацинской и Воронежской волостями, и сторожи в Рославле от литовского и смоленского рубежей учинити»¹.

По всей вероятности, рославльские дворяне не смогли получить свои поместья по королевским грамотам. А. Мальцеву жалованную грамоту выдали 3 декабря 1610 г. (приложение № 6), а в 1611 г. он писал в Москву: «разорен без остатка... скитаюсь меж двор, помираю голодом», и просил денежного жалованья². Зимой 1611 г. рославльчане ушли в Брянск к воеводе В.П. Шереметеву, а весной, совместно с брянчанами и смолянами, освободили Рославль. «Новый летописец» сообщает, что в Рославль пришли смоленские дворяне, которые «хотяше в Смоленск проходом сквозь королевские полки пройти, и Смоленску помощь учинить»³.

Зимой 1611 г. начался массовый уход дворян западных уездов в московские полки П. Ляпунова и Д. Пожарского. Притив них в феврале Сигизмунд III послал отряд дворян «смольнян и других городов» и «литовских людей». Во главе отряда был поставлен И.Н. Салтыков, пожалованный королем в бояре. Но как только отряд отошел довольно далеко от Смоленска, «литовские люди» были перебиты, а И.Н. Салтыков отослал королю грамоту, в которой требовал вывода польских войск из России, «и твою землю литовскую будем также пустошить, как и ты нашу»⁴.

¹ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 98. С. 79—80.

² Там же. № 97. С. 79.

³ ПСРЛ. Т. 14. С. 113

⁴ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 356—357.

Таким образом, дворянство Смоленщины, часть которого в 1610 г. признала царем королевича Владислава, в 1611 г., не получив ничего от новой власти и видя полное разорение своих поместий, встало на борьбу за освобождение Родины от интервентов.

Начало национально-освободительного движения оказало определенное влияние на положение Смоленска. Б.Н. Флоря пишет, что восставшие дворяне установили связь с осажденными. В феврале-марте в Смоленск было передано несколько грамот, в которых освещались последние события в стране¹. Рост патриотического движения стал одной из причин того, что общеполитический кризис в Смоленске зимой 1611 г. был преодолен. В то же время это движение испугало Семибоярщину и ее сторонников. Единственной силой, на которую она могла опереться, была армия Сигизмунда III. Но чтобы она пришла на помощь, нужно было заставить смолян во главе с М.Б. Шеиным сдаться на имя короля. О том, что бояре рассчитывали на польскую армию, писали смоленские дворяне в своей грамоте: «...предатели Салтыков и Андронов советовали королю скорее идти к Москве, вывести из нее лучших людей и завладеть столицей»².

Сигизмунд III, стремясь овладеть Смоленском, попытался прибегнуть к запугиванию Боярской думы. 21 ноября он отправил в Москву послание, в котором упрекал смолян в поддержке Лжедмитрия II³. Каких-либо фактов сношения смолян с самозванцем источники не содержат, но эта версия, пишет Б.Н. Флоря, «была пущена в ход для того, чтобы дать хоть какое-то обоснование требованию о вводе в Смоленск польско-литовского гарнизона»⁴. 25 декабря Борис Грязнов

---

¹ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 358.

² РИБ. Т. 13. С. 190.

³ РИО. Т. 142. С. 186.

⁴ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 308.

доставил под Смоленск грамоту Боярской думы с требованием послам согласиться, чтобы смоляне присягнули королю и впустили в город польский гарнизон. Позже под Смоленск доставили еще одну грамоту из Москвы, в которой говорилось: «...а только не учнете делать по нашему совету... и не учнете бити челом им, великим государем, и мы вам объявляем, вам от нас помочи не будет»¹. Такая политика оставляла смолян один на один с королем и его армией. Боярскому правительству не нужна была оборона Смоленска, оно оставляло город на произвол судьбы.

27—28 декабря / 6—7 января, после перерыва, состоялся очередной съезд послов с поляками; последние потребовали подчиниться решению Боярской думы и сдать Смоленск. Митрополит Филарет, опираясь на тот факт, что грамоты не были утверждены патриархом, заявил: «...отправлены мы от патриарха, всего священного собора, от бояр, от всех чинов, от всей земли, а эти грамоты написаны без согласия патриарха... и писаны они о деле духовном, о крестном целовании; тем более без патриарха ничего сделать нельзя. Без патриарховой грамоты на такое дело дерзнуть не смею, чтоб приказать смольнянам целовать крест королю»².

23 января для уговоров смолян из Москвы прибыл Иван Салтыков, ему смоляне ответили: «...есть при короле послы от всего Московского государства, через них и должны с нами говорить»³. Вскоре, как было сказано выше, И.Н. Салтыков сам отказался служить королю и возглавил восстание смоленских дворян.

В феврале между послами и поляками был найден компромисс. В.В. Голицын предложил королю впустить в Смоленск

---

¹ Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 2. М., 1790. С. 151—153.

² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 627, 629.

³ Там же. С. 630.

50—60 польских солдат, король, в свою очередь, увеличил это число до 700. Сошлись на 200¹.

Скорее всего, Филарет и В.В. Голицын пошли на уступки под нажимом из Москвы. Надо полагать, оба посла с опаской относились к усиливающемуся патриотическому движению. Ведь Первое ополчение выступило против законного, по их мнению, царя. В таком случае свержение Семибоярщины могло привести к усилению Смуты в стране, так как в ополчении объединились силы, боровшиеся с центральной властью. Отсюда исходила угроза, что на русском престоле снова мог оказаться самозванец.

27 февраля Боярская дума направила грамоту М.Б. Шеину, в которой говорилось: «...и вам бы для их государевой чести пустить в Смоленск королевского воеводу с литовскими людьми по приговору». Одновременно была отправлена грамота и королю: «В Смоленск мы писали, чтоб они оставя всякий недобрый совет и упорства вам великим государям добились челом и крест бы вам великому государю нашему, царю и великому князю Владиславу Жигимундовичу целовали вскоре...»².

В этот же день в Смоленск прибыли послы Данила Межецкий и дьяк Томила Луговской, которые сказали воеводам, «...чтоб пустили в город сто пятьдесят человек»³.

В феврале в королевском совете были составлены условия, на которых Смоленск должен был открыть ворота. Они сводились к следующему: 1) в город должны войти 350 польских солдат; 2) в закладе смоляне оставят 30 человек от всех званий; 3) ключи от ворот иметь воеводам и полякам; 4) король не должен никого ссылать и увозить в Польшу; 5) осада будет снята, когда смоляне присягнут королю и принесут повинную; 6) судить в Смоленске воеводам, полякам в городские дела не

¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 22. Л. 22.

² Там же. Д. 23. Л. 1.

³ Там же.

вступаться; 7) при спорных делах судить смолянам и полякам, выбрав по два человека; 8) поместьями ведать по-прежнему, а которые розданы королем смолянам, в них не вступаться; 9) полякам в Смоленск не въезжать; 10) смоляне должны заплатить королю военные убытки¹.

Все это свидетельствует, что Смоленск зимой 1611 г. стал разменной монетой в борьбе различных боярских группировок. Город фактически оказался заложником Русской Смуты. В конце февраля или начале марта польские условия были переданы смолянам. Для их обсуждения М.Б. Шеин созвал дворян и земских представителей. На этом собрании были выработаны контрусловия, которые смоляне передали полякам 15 марта. Вместо 350 человек они соглашались впустить в город лишь 200, в закладе должны быть 20 человек (из них 10 дворян), ключи от города могут быть только у воевод, все захваченные и розданные поместья король обязан вернуть их владельцам, вместо платы за военные убытки смоляне соглашались поднести только небольшие дары. В заключение было сказано, что 200 человек могут войти в Смоленск лишь только после того, как король снимет осаду и покинет Смоленский уезд². Требование смолян о выводе польской армии из России сводило на нет все польские условия. Защитники Смоленска остались верны своей клятве, которую они дали в октябре 1609 г. — «умереть, а литовскому королю не покориться».

Источники не содержат никаких известий о положении в Смоленске в марте 1611 г. Неизвестно, были ли разногласия между его защитниками по поводу королевских условий. Возможно, и были, но тот факт, что условия смолян были составлены от имени всех жителей города, свидетельствует, что большинство из них весной 1611 г., в последние месяцы обо-

¹ РИО. Т. 142. С. 239—250.

² Там же. С. 252—258.

роны, поддерживали М.Б. Шеина как своего командующего. Поэтому можно сказать — земский союз, который пережил кризис осени 1610 г., весной 1611 г., в условиях подъема патриотического движения в стране, выступил единым фронтом против польских интервентов.

Определенную роль здесь сыграл и тот факт, что в Смоленске стало известно о посылке из Брянска войск под предводительством Федора Барятинского, а из Путивля — Юрия Беззубцева. Б.Н. Флоря считает, «что речь шла об организации крупного похода, в котором должны были действовать... собравшиеся в Брянске и Рославле дети боярские западных уездов»¹.

О ходе осады Смоленска с марта по июнь 1611 г. прямых документальных источников не сохранилось. Поэтому обстановку последних месяцев обороны и осады приходится восстанавливать, исходя из косвенных данных.

После провала мартовских переговоров со смолянами у Сигизмунда III остался единственный способ овладеть Смоленском — посредством нового штурма. К этому времени стало окончательно ясно, что переговоры с боярами — лишь пустое времяпровождение. Большая часть населения России выступила против интервентов, армия Первого ополчения осаждала столицу, смоляне не помышляли о сдаче. В таких условиях король отказался от переговоров, послы были объявлены пленниками и 6 апреля отправлены в Вильно.

В начале апреля Сигизмунд III сделал еще одну попытку уговорить смолян сдаться. 3 числа в Смоленск была отправлена очередная грамота с предложением целовать крест королю. Через три дня смоляне дали ответ: «... мы ему Владиславу Жигимундовичу государю своему рады, и служить ему государю хотим, и крест ему великому государю целуем

---

¹ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 358.

с радостью. А король велел милость учинити... чтоб городу Смоленску и Смоленскому уезду быти во всем по прежнему в Московском государстве»¹. Позиция смолян осталась прежней. Полякам ничего не оставалось, как начать подготовку нового штурма. По совету русских дворян они готовили его с двух сторон. Еще летом 1610 г. об этом говорили полякам Морткин и Сущев.

В мае под Смоленск были доставлены новые осадные орудия, которые поставили на восточной стороне крепости перед Авраамиевскими воротами. Главный удар поляки решили нанести отсюда. Здесь же велся подкоп. В «Новом летописце» есть известие, что Андрей Дедевшин указал полякам слабое место в стене — в районе Крылашевских ворот². Предательство А. Дедевшина многие историки считали едва ли не главной причиной падения города. Но оно уже не могло существенно повлиять на положение дел, да и главный удар поляки нанесли не у Крылашевских, а у Авраамиевских ворот.

Положение в Смоленске весной 1611 г. было тяжелым. Защитников поразили голод и болезни. Зимой в крепости умирало по 40—50 человек в день³. Смоленская армия сократилась в 10 раз и уже не могла оборонять довольно обширные укрепления: «Смоляне даже без пушек, пороха, коней, сабель легко могли бы отбить неприятеля, если бы при каждом отверстии в стене было бы хотя по одному человеку». По словам М.Б. Шеина, «не осталось всего на все и двух сот человек годных к обороне». После взятия города поляки «нашли всего 300—400 здоровых людей»⁴.

2 / 12 июня начался артиллерийский обстрел крепости. Часть стены у Авраамиевских ворот была разрушена. На сле-

---

¹ РИО. Т. 142. С. 260.

² ПСРЛ. Т. 14. С. 111.

³ РИБ. Т. 1. С. 715.

⁴ ССДС. Ч. 1. С. 149; Жолкевский С. Указ. соч. С. 126.

дующий день королевские войска пошли на штурм. Его описание оставил С. Жолкевский¹.

Крепость штурмовали с четырех сторон. Еще до рассвета Яков Потоцкий атаковал Авраамиевские ворота. В пролом, пробитый орудиями, повел свои войска староста Фелинский. Пользуясь темнотой, поляки по лестницам взобрались на стену рядом с воротами. Только горстка смолян пыталась оказать врагу сопротивление, но была вынуждена отступить. Одновременно немецкая пехота, в количестве 600 человек, атаковала западную часть крепости, Новодворский — Крылашевские ворота. Здесь поляки заложили петарды. Атака с четырех сторон не позволила малочисленному гарнизону успешно защитить крепость. Если М.Б. Шеину удалось отбить атаки немецкой пехоты, то на восточной стороне Я. Потоцкий без боя овладел Авраамиевскими воротами. Взрыв петард у Крылашевских ворот довершил дело. В пролом (его длина составила 40 сажений) устремилась литовская пехота Дорогостайского и без боя заняла весь торг. М.Б. Шеин с 15 воинами сражался в Коломенской башне, где был ранен и взят в плен.

Последние сражения шли на улицах города, но силы были неравными. Взрыв пороха на Соборной горе стал последним аккордом Смоленской обороны. Этот взрыв разрушил Успенский собор. Вот как об этом пишет «Новый Летописец»: «Последние ж люди запрощася у Пречистые Богородице в соборной церкви. Един же смолянин кинулся в погреб. Погребу ж бывшу под тем соборным холмом с пороховою казною, и то зелье зажгоша, кои в церкви быша». Польские источники сообщают, что порох взорвался от пожара, возникшего в городе во время штурма².

¹ Жолкевский С. Указ. соч. С. 126—129.

² ПСРЛ. Т. 14. С. 112; Жолкевский С. Указ. соч. С. 129.

3 июня 1611 г. Смоленск пал. Завершилась 20-месячная героическая оборона города, но «не Польша... Россия могла торжествовать сей день великий в ее летописях»¹.

О причинах падения Смоленска писали все, кто изучал его оборону, и почти всегда их выводы сводились к предательству смоленских дворян, к голоду и болезням среди защитников крепости. Они, конечно же, сыграли определенную роль в падении города, но главной причиной надо считать шедшую в России гражданскую войну. В ходе ее Русское государство оказалось не способным помочь Смоленску, оборона никому не была нужна, он стал разменной монетой в борьбе различных боярских группировок.

И все же Смоленская оборона имела важное историческое значение. Полтора года польская армия была скована под стенами Смоленска, после взятия города она была неспособна вести военные действия, и была распущена. Для похода на Москву в 1612 г. Сигизмунд III был вынужден использовать литовские войска гетмана К. Ходкевича. Сам король только через полтора года выступил к Москве, но его силы были столь незначительны, что он не смог взять Волоколамск, и в октябре 1612 г. был вынужден повернуть назад². Смоленская оборона сыграла значительную роль в развертывании национально-освободительного движения в стране и в создание Первого ополчения.

После падения Смоленска смоленские дворяне не сложили оружие и продолжили борьбу с польскими захватчиками. Еще зимой 1611 г. часть смоленских, вяземских и дорогобужских дворян ушла в Первое ополчение, другая часть воевала с поляками в южных уездах. Летом они «придоша под Москву из Калуги и биша челом... о устроении... начальники пове-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского... С. 575.

² Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время... С. 63.

леху смолян испоместить в Орзамасе, а вязьмич и дорогобужан в Ярополче... а из Ярополча казаков повелели выбыти»¹. Для раздачи земель со смолянами в Арзамас был отправлен Н.В. Трахиниотов. Но получить здесь поместья они не смогли. «Смоляне пришли и стали под городом, и дворцовые мужики не послушали... чтоб им быть в поместьях... и бои с мужиками были, только мужиков не осилили, и помогали мужикам арзаские стрельцы 300 человек»². «Повесть о победах Московского государства» события в Арзамасе рисует иначе. «Арзамасцы ... на бой со смольнянами пошли, захотели врагами им быть и смольнян озлобить... Смольняне за непокорность их побили, и два укрепления у них захватили, и продовольствием запаслись»³. Но скорее всего, автор «Повести...» стремился приукрасить события и показать, что смоляне всегда одерживали победы. Возможно, какие-то победы у смоленских дворян в Арзамасе и были, но в целом здесь надо доверять Карамзинскому хронографу, как независимому источнику. Не удалось получить земли и вязьмичам и дорогобужанам в Ярополчей волости, которую контролировали казаки.

Фактически дворяне трех уездов в 1611 г. оказались изгоями. На них и обратили внимание К. Минин и Д. Пожарский, и уже осенью 1611 г. они составили основу Второго Нижегородского ополчения⁴.

Согласно Карамзинскому хронографу, смоляне вышли из Арзамаса в Нижний Новгород 26 октября 1611 г. «Повесть о победах Московского государства» сообщает, что они прибыли в Нижний «6 января, на Благовещенье господня»⁵. Возмож-

¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 113.

² Попов. Изборник... С. 353.

³ Повесть о победах Московского государства... С. 67.

⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время... С. 22—23.

⁵ Попов. Изборник... С. 353; Повесть о победах Московского государства... С. 31.

но, в октябре пришел лишь передовой отряд, а основные силы подошли в январе 1612 г. По-разному источники говорят и о денежных дачах смоленских дворян. Согласно Карамзинского хронографа смоляне были разбиты на 4 статьи и получили: по 1-й статье— 50 рублей, по 2-й — 45 рублей, по 3-й — 40 рублей, и по 4-й — 30 рублей. «Повесть о победах Московского государства» называет другие цифры: 1 статья — 30 рублей, 2-я — 20 рублей, 3-я — 15 рублей, такие суммы мы встречаем в Бельской летописи. В челобитной Дмитрия Шушерина сказано, что смоляне по высшей статье имели 28 рублей¹. В то же время «Повесть...» сообщает, что еще до разделения всех дворян по статьям нижегородцы выдали им по 15 рублей каждому². Автор Хронографа суммировал эти цифры, отсюда и довольно высокое жалование смолян. Исходя из этого, можно сказать, что разночтения в источниках незначительны, и их можно отнести к варьированию жалованья дворян, находящихся в одной статье.

П.Г. Любомиров считает, что смолян (сюда необходимо отнести вязьмичей и дорогобужан) в ополчении было до 2 тыс. человек. В.П. Мальцев называет 600—700 смоленских и вяземских дворян и 300 дорогобужан³. Но если взять во внимание тот факт, что летом 1609 г. на помощь М.В. Скопину-Шуйскому ушло около трех тысяч смоленских дворян, которые в конце 1610 г. отказались от службы польскому королю, то значит цифра П.Г. Любомирова ближе к истине, а это уже довольно большой вооруженный отряд, который мог стать основой формирующегося ополчения.

---

¹ Попов. Изборник... С. 354; Повесть о победах Московского государства... С. 31; Бельская летопись. ГИМ. 4 В. 569. Л. 339; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые Смутного времени. М., 1896. Приложение № IX, XV.

² Повесть о победах Московского государства... С. 69.

³ Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 58; Мальцев В.П. Указ. соч. С. 345.

Бельский летописец, сообщая о начале формирования Второго ополчения, указывает, что в Нижний Новгород пришли «смольяны, з беляны, и з дорогобужаны, и с вязьмичи, и с брянчане, и с рословцы...»¹. Тем самым дворянство всех уездов Литовской Украины в 1612 г. приняло участие в национально-освободительном движении.

В.П. Мальцев, верный своей идее об измене дворян, утверждает, что они не могли быть союзниками посадских. Смоляне, утверждает историк, и в 1611—1612 гг. продолжали проводить предательскую политику в отношении посадских людей². Но оборона Смоленска показала, что такой союз возможен, и именно он цементировал оборону города на ее первом этапе. Этот союз пережил кризис осени 1610 г., вызванный особенностями Смоленской обороны, чего не могло быть в Нижнем Новгороде, и потому союз смоленских дворян и нижегородских посадских существовал на протяжении всей деятельности Второго ополчения.

Смоляне играли важную роль в ополчении К. Минина и Д. Пожарского. Если исходить из данных Карамзинского «Хронографа», то дворянство других уездов, присоединившееся к ополчению позже, получило жалованье от нижегородцев гораздо меньшее: 1-я статья — 27 рублей, 2-я — 26 рублей, 3-я — 24 рубля³.

В грамоте Д.М. Пожарского от 7 апреля 1612 г. особо выделены «смольяне», которые с дворянами «многих городов посланы во главе с Д.М. Черкасским на Ходкевича»⁴. Тогда же смоленские дети боярские вместе с новгородцами освободили от казаков Углич. «Казаки на бой устремились, смольяне же с новгородцами напали на них. Казаки, увидев их беспощад-

---

¹ ПСРЛ. Т. 134. С. 259.

² Мальцев В.П. Указ. соч. С. 345.

³ Попов. Изборник. С. 354.

⁴ СГГД. № 281.

ность, и побежали, смоляне же множество их побили, и много атаманов в плен взяли, и в Ярославль привели». Согласно данным «Нового летописца», исход сражения решил переход 4 казачьих атаманов на сторону правительственных войск¹.

В августе 1612 г. армия Второго ополчения подошла к столице. Смоляне входили в полк Д.М. Пожарского и заняли позицию у Арбатских ворот². Каких-либо данных об участии смоленских дворян в боях за Москву источники не содержат.

Таким образом, в 1612 г. большая часть дворян Литовской Украины приняли активное участие в национально-освободительном движении русских людей против польских интервентов в составе Второго ополчения, и играли в нем значительную роль, особенно на этапе его формирования. Союз дворян и посадских, который начал складываться в 1609 г. в период борьбы с Лжедмитрием II, просуществовал до освобождения Москвы. Он был обусловлен, прежде всего, стремлением посадского мира ряда городов и патриотически настроенного дворянства освободить Россию от иноземных войск, и это стремление в тот момент оказалось выше сословных разногласий.

Согласно данным Бельского летописца, рославльские дворяне участвовали во Втором ополчении. Но это была лишь часть рославльских помещиков. Другая их часть восвала с интервентами в родном уезде.

Выше было сказано, что летом 1611 г. Рославль управлялся дворянами А. Масловым и Р. Скрыбиным, которым было велено укрепить городской острог. Из челобитной воеводы князя И.М. Долгорукого, который в начале 1612 г. прибыл в Брянск, и «Списка А. Маслова» складывается следующая картина событий в районе Рославля в конце 1611 — нача-

---

¹ Повесть о победах Московского государства... С. 71; ПСРЛ. Т. 14. С. 120.

² Повесть о победах Московского государства... С. 71.

ле 1612 г. Осенью к городу подошел отряд пана Козуна из Мстиславля, который сжег Спасский монастырь и овладел Рославлем. А. Маслов отступил к деревне Азобичи, снова бился с поляками и отошел в Пацынскую волость. Сюда из Брянска прибыла сотня рославльских дворян во главе с Семеном Толбузиным, «и поляков побили... и Рославль взяли». В это же время князь И.М. Долгорукий освободил Трубчевский и Почепский уезды. Но С. Толбузину не удалось надолго закрепиться в Рославле. Вскоре город был осажден войсками Стерлецкого и Ивана Кинского, у которых было 4 тыс. казаков. Согласно «Списка А. Маслова», рославльчане дали им бой на посаде, но вынуждены были отйти из города. На помощь С. Толбузину и А. Маслову подошел отряд Игнатьева, и они совместными силами разбили врага на Блезниковском поле, но взять город не смогли¹. Эти события происходили до мая 1612 г., так как в мае А. Маслов был направлен в Стародуб². Служба А. Маслова в 1610—1612 гг. позволила ему улучшить свое служебное положение. Если в первые годы XVII в. его поместный оклад составлял 300 четей, то в 1612 г. он уже был равен 650 четям, а в 1613 г. он возрос до 750. Тогда же А. Маслов был зачислен в разряд четверчиков Галичской чети, а его денежный оклад составил 27 рублей³.

Здесь необходимо сказать, что поместные оклады рославльских дворян за время Смуты возросли. 11 помещиков, известных из «Архива Масловых» за период 1610—1619 гг., имели поместные оклады в размере 300—600 четей⁴. В эти же годы среди четверчиков Галичской чети числятся еще два рославльчанина: Григорий Ильич Маслов и Карп Иванович Горелов. Последний также участвовал в боях за Рославль в

---

¹ ЧОИДР. Ч. 2. М., 1916. № 102—106. С. 82—87.

² Там же. № 107. С. 87.

³ Там же. № 110, 118, 119. С. 88, 93, 94.

⁴ Там же. № 115, 157, 164. С. 92, 120, 125—126.

1611—1612 гг., был взят в плен и бежал. Оба имели денежный оклад 10 рублей¹.

Смутное время нанесло Смоленщине огромный урон. Данные Вяземской дозорной книги 1616 г. показывают ущерб, который понесло местное помещичье землевладение в 1606—1612 гг. Из 138 поместий, описанных в этой книге, 59 (42,7 %) были «порозжими» — почти половина из всех описанных. А во многих «живущих» владениях пашня составляла всего несколько десятин, иногда и несколько осмин. Довольно часто в книге при описании поместий сказано: «разорен от литовских людей»².

Приведем лишь один пример того разорения, которому подвергся Вяземский уезд. По данным 1594 г., Новодевичий монастырь в Вязьме имел: 1 село, 43 деревни, 7 починков, 6 починков, припущенных к селу, 21 пустошь, 6 дворов церковных, 3 двора служилых, 263 двора крестьян, 41 двор бобылей, в монастырском хозяйстве работало 273 крестьянина и 41 бобыль, всей пашни было 2514 четей с осминою. В 1616 г. за монастырем числилось: 2 деревни живущих, 5 пустых, 22 пустоши, 5 дворов живущих, 2 пустых, 39 мест, пашни паханой 1 осмина, наездом 5 четей, перелогом 300 четей, лесом поросло 2209 четей³. Согласно вводной грамоте 1621 г. царя Михаила Федоровича детям вяземского дворянина М.Ш. Якушкина на отцовское поместье, из 5 живущих деревень 4 превратились в пустоши⁴.

Неменьший урон понесли и города Смоленского края. По данным 1616 г. в Вязьме осталось 142 тяглых двора из 500, посадской земли полсохи из 6,5. Всего посадских людей в 1614 г.

¹ Там же. № 115. С. 92; ЧОИДР. Ч. 2. 1912. С. 109.

² ПКМГ. Ч. I. 2. С. 824—826; СБИИ РАН. Кн. 608. Л. 168, 170, 171 об., 172 об., 174 об.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 619. Л. 742—761; Кн. 618. Л. 519—520.

⁴ Смоленская старина. Вып. 1. Ч. II. 1911. С. 35—36.

насчитывалось 201 человек, из них «лутчших» не было вообще, «средних» только 57. Всех доходов с посада было собрано 51 рубль 16 алтын и 2 деньги. Даже через десять лет экономика Вязьмы не была восстановлена. По данным 1626 г. вяземский посад имел 188 дворов, 237 лавок. Весь доход с посада составил 89 рублей 12 алтын. По сравнению с прежней росписью число посадских сократилось на 80 человек, «потому что многие обнищали, а иные померли, а иные стали в стрельцы, и в казаки, а иные от правежу, и от долгов разбежались к Москве, и по иным городам безвестно»¹. 116 вяземских посадских после Смуты осели в других городах: в Москве — 70 человек, 14 — в Новгороде, 11 — в Калуге, 9 — в Ярославле, 5 — в Белеве, 3 — в Казани и по 2 — в Арзамасе и Нижнем Новгороде².

Одной из важных задач правительства в первые годы после Смуты было испомещение дворян и детей боярских разоренных западных уездов на новых землях. Еще летом 1611 г. в приговоре Первого ополчения П. Ляпунова особо оговаривалось, что «смольнянам, и белянам, и дорогобужанам, и вязьмичам, и всем разоренным городам поместья давать наперед»³. Тогда им были выделены земли в Арзамасе, но, как было сказано выше, поместья они не получили. Летом 1612 г. по решению Второго ополчения ряд дворян смоленских уездов были испомещены в Ярославле, Пешехонье и Белоозере. Из жалованной грамоты «Совета всей земли» 1613 г. известно количество земли, полученной смолянами в Белозерском уезде. В Озацкой волости за 18-ю смоленскими помещиками было закреплено 196 вытей, примерно 3100 четей земли⁴.

¹ АПД. № 221, 227; РГАДА. Ф. 137. Оп.1. Д. 1. Вязьма. Л. 2, 2 об., 3 об.

² АПД. № 228.

³ Памятники истории Смутного времени... С. 67.

⁴ «И мы осадных сидельцев за службы велели испоместить» // Российские архивы. 1993. № 6. С.193.

Нехватка земель для детей боярских заставляет правительство Михаила Романова начать раздачу дворянству дворцовых волостей. Это было обусловлено тем фактом, что на этих землях «сохранилось большее население, чем в разоренных и опустевших поместьях»¹. В 1614 г. в раздачу детям боярским была роздана Побуховская волость Вяземского уезда. Поместья здесь получили 9 человек. Размеры этих владений были небольшие: 20—50 четей земли и 2—5 крестьянских дворов. Всего было роздано 18 деревень живущих, 5 деревень пустых и 14 пустошей². То же самое наблюдается и в Белозерском уезде. Ввиду того, что многие смоленские помещики оказались неиспомещенными, правительство в 1613 г. решило раздать им черные волости Белозерского уезда. Всего в раздачу было отдано 371 выгь, земли здесь получили 200—250 помещиков, правда, не все они были смоляне, кроме них земли здесь получили дворяне Волоцкого, Можайского и Рузского уездов. Большинству помещиков дали примерно по 2 выги (примерно 40 четей), а их оклады лежали в пределах 350—400 четей³.

В целом же в первые годы после Смуты идет испомещение смоленских, вяземских и дорогобужских дворян в центральных уездах. Уже в 1612 г. часть некоторых из них получили земли в Тверском уезде⁴. По данным Тверской десятины 1616 г. из 83 верстанных дворян смолян было 10 человек и 6 вязьмичей. Их оклады составили 300—600 четей⁵.

Интересные данные о смоленских дворянах содержит разборная десятина 1622 г. Она была составлена боярином Ива-

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. С. 597.

² СПБИИ. РАН. Кн. 608. Л. 180, 180 об., 181, 182 об., 183.

³ «И мы осадных сидельцев за службы велели испоместить»... С.192, 194—195.

⁴ Любимиров П.Г. Указ. соч. С. 121.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 76. Л. 1—34.

ном Федоровичем Хованским и дьяком Василием Юдиным во Владимире. В десятне были разобраны по окладам смоляне, дорогобужане, вязьмичи и дмитровцы, уже испомещенные в близлежащих уездах¹. Всего в десятне было записано 90 помещиков, 84 из которых имели поместья: в Гороховце — 36 человек, Касимове — 20, в Лухе — 5, в Дмитрове — 5, в Шуе — 11, в Суздале — 3, в Ярославле — 4. Из них: в выборе 27 человек, дворовых 21, городских 31, новиков 11. Поместные оклады распределялись следующим образом: выборные — 500—900 четей, дворовые — 100—700 четей, городские — 250—700 четей и новики — 60—350 четей. Это довольно большие оклады, больше тех, что имели смоленские и вяземские дворяне до Смуты.

В десятне указано и количество земли и крестьян у некоторых помещиков. И здесь бросается в глаза довольно малое число крестьян и бобылей в поместьях. Больше всего крестьян (49 человек) имел Василий Григорьевич Чихачев, записанный по выбору с окладом 700 четей². Основная же масса дворян владела от 5 до 20 крестьян и бобылей. Наибольшее количество земли (300 четей) имел Федор Воинов, в основном же наделенная земля не превышала 100 четей³.

Согласно десятням 1622 г. смоляне, вязьмичи и дорогобужане получили поместья во многих центральных уездах. 98 вяземских помещиков были испомещены: в Рязанском уезде 34, Вологодском 21, Пешехонском 9, Серпейском 9, Мосальском 8, Можайском 3, Касимовском 3, Ярославском 2, Болховском 5, по 1 в Суздале, Дмитрове, Медыни, Устюжне.

374 смоленских дворянина получили земли в следующих уездах: в Вологодском 160 человек, Белозерском 109, Рыбинском 26, Кинишимском 25, Пешехонском 13, Касимовском 12,

¹ РГАДА. Д. 18. Ф. 210. Оп. 4. Л. 1—77 об.

² Там же. Л. 3

³ Там же. Л. 4.

Ярославском 8, Галичском 1, Переяславльском 4, Мосальском 3, Владимирском 2 и по одному в Суздале, Рязани, Ростове, Кашине.

Таблица № 11. Поместные оклады четверчиков Смоленского, Вяземского, Дорогобужского, Бельского уездов Галичской Чети 1619—1620 гг.¹

Оклад	Города			
	Смоленск	Вязьма	Дорогобуж	Белый
950	3			
900	19	1		
850	7		5	2
800	16	8	2	3
750	9		1	1
700	10		3	3
650	5		1	2
600	3	4	2	1
550	5	3	3	2
500	2	2	1	
450	1	1	1	
400	1	1		
350	1	1		
300		1		
Всего	82	22	19	14

По данным 1634 г., 59 дорогобужских детей боярских проживали: Владимирский уезд 11, Рязанский 11, Вологодский 9, Касимовский 7, Пешехонский 6, Балахновский 3, Гороховецкий 3, Шацкий 1, и 2 человека без мест. Все эти дворяне получили земли в 1612/13 и в 1618/20 гг.²

В это же время значительная часть смоленских, вяземских и бельских дворян были записаны в разряд четверчиков с достаточно большим жалованьем. В 1614 г. по Владимирской Чети проходят 12 смоленских дворян, 6 из которых имели жалованье

¹ Там же. С. 136—141.

² Новосельский А.А. Распад землевладения служилого города в XVII веке... С. 255—256.

более 20 рублей. В Галичскую Четь 1612—1615 гг. записано 62 смоленских, 25 вяземских, 3 дорогобужских и 38 бельских дворян. Самое большое жалованье имели смоляне: 10—13 рублей, у остальных оно колебалось от 5 до 13 рублей¹. Данные Галичской Чети 1619—1620 гг. дают возможность увидеть поместные оклады четверчиков бывших Смоленского, Вяземского, Дорогобужского и Бельского уездов.

Легко заметить, что большинство четверчиков имели высшие оклады от 550 до 950 четей. Два смоленских дворянина, записанных в Четь, были пожалованы в Московский список: И.П. Ленин и Ф.Г. Башмаков, их оклады составили 950, 900 четей.

Большинство рославльских дворян после 1612 г. осело в Брянске. В 1618 г. 63-м рославльским детям боярским было выдано царское жалованье в размере 571 рубль по Брянскому разряду. Двумя годами ранее рославльчане А. Маслов и А. Челюсткин были назначены головами на Брянский острог². Основной задачей, стоящей перед рославльскими детьми боярскими в тот период, было получение новых поместий. Согласно «Архива Масловых», ряд из них пишут челобитные в Москву в надежде закрепить за собой рославльские земли. В 1613—1614 гг. Масловы, Строкины, Боборыкины, Шумяцкие получили жалованные грамоты на старые поместья³. Здесь интересно отметить тот факт, что в своих челобитных рославльчане добивались земель и по «воровским» грамотам, выданным им Лжедмитрием II. Так, братья Тишины подали челобитную на деревню Свиридовщину, которую они получили по грамоте самозванца. В конечном итоге эта деревня досталась А. Маслову как владение его отца с 1587 г.⁴

¹ ЧОИДР. Ч. 2. 1912. С. 44—187.

² ЧОИДР. Ч. 2. 1909. С. 38; Ч. 2. 1916. № 158. С. 121—122.

³ ЧОИДР. Ч. 2. 1916. № 110, 115, 157. С. 88, 92, 125.

⁴ Там же. № 111, 112. С. 89, 90.

В 1618 г. Рославльский уезд отошел к Речи Посполитой. Рославльские помещики вообще остались без земель, о чем в своей челобитной пишет А. Маслов: «...и который хлебенка был упахан в Рославе... и тот хлебенка к нам во Брянск людишко и крестьянишко наши не повезли, и которая рожь сеяна в земле, и тот земляной хлеб отошел за рубеж... и мы холопи твои на твоей службе во Брянске волочимся меж двор, и помираем голодной смертью»¹. Тогда же в Брянске оказались разоренные дворяне Почёпского, Стародубского, Новгород-Северского, Трубчевского уездов, также отошедших к Речи Посполитой. Для их разбора в Брянск прибыли Петр Збарский и Дмитрий Оверков². Рославльчанам было решено дать поместья в районе Кром, но так как земли там лежали «в пусте», 5 рославльских помещиков в июне 1619 г. пишут грамоту Михаилу Федоровичу с просьбой выделить им земли в Верхоруцком стане Белёвского уезда. Здесь имелось 1257 четей земли, из них пашни 941 четь и 237 дворов крестьян³. Получили ли рославльчане поместья в Белёвском уезде — неизвестно. Тогда же А. Маслов подал еще одну челобитную, где просил передать ему отписанные поместья Никиты Волынского и Федора Сомова в Рыльском уезде в размере 500 четей⁴.

В 1620-е гг. многие бывшие рославльские дворяне служили по Брянскому разряду: Федор и Григорий Масловы, Шестак Челоскин, Гаврила Сандеелов, Карп Гаврилов, Иван Бобринцев. В 1628 г. несколько рославльских новиков были верстаны в поместный оклад, который составил 150 четей и 3 рубля⁵.

В это же время во многих уездах идет испомещение казаков, участвовавших в Смуте. В сентябре 1619 г. двое казаков

---

¹ Там же. № 164. С. 126.

² Там же. № 166. С. 127.

³ Там же. № 164, 165, С. 125—127.

⁴ Там же. № 166. С. 127—128.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 270. Л. 76—78.

получили земли в Вяземском уезде. Им выдали по 32 чети земли на 100 четвертей оклада и по два крестьянских двора. В 1621 г. 35 казаков получили земли в Чесовской волости. Их оклады составляли 250—300 четей, размеры поместий лежали в пределах 80—90 четей¹. Правда, вскоре у части казаков поместья были отобраны, в 1622 г. в Разрядах упоминается лишь 13 поместных казаков.

В 1620-е гг. в Вяземском уезде возникла крупная корпорация неверстанных казаков. В декабре 1619 г. М.Ф. Стрешнев наделил землями 404 ярославских и можайских казаков атамана Власа Микитина. В последующие годы вяземские казаки добивались от правительства права получить земли поближе к городу, так как у них всего пригодных земель 791 четь, а остальные 7088 четей лесом поросли. В конце концов они отказались от земель и попросили заменить поместья денежным жалованьем. По данным 1629 г. в Вяземском уезде было 306 неверстанных казаков².

Таким образом, после Смуты корпорация смоленского дворянства рассредоточивается по центральным уездам и сливается с местными помещиками, а в Вяземском уезде формируется новая дворянская корпорация, в которую входят не только дети боярские, но и поместные и беспоместные казаки.

---

¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 10622. Л. 1—7, 22 об. 35, 84—92.

² *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в начале XVII в. М., 1990. С. 234—236.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XVII в. Смоленский край оказался в эпицентре важных событий, и его население играло значительную роль на протяжении всей гражданской войны.

Проведенный в работе анализ экономического состояния Смоленского края накануне Смутного времени позволяет сделать вывод, что это был довольно стабильный регион, где в конце XVI в. не возникло причин для выступления против центральной власти. Дворянское землевладение в Вяземском и Смоленском уездах было затронуто кризисом в меньшей степени, чем в Заокских уездах.

Экономическое состояние края в определенной степени способствовало тому, что большая часть смоленского населения в период восстания Болотникова поддержала правительство Василия Шуйского, а местное дворянство выступило к Москве и стало одним из оплотов правительственного лагеря.

На третьем этапе гражданской войны часть вяземского, дорогобужского, рославльского дворянства перешла на сторону Лжедмитрия II. Данный выбор определялся конкретной политической ситуацией, и захват ряда уездов тушинцами приводит в их ряды местных дворян. Но это объяснялось в большей степени стремлением спасти свою собственность. В то же время переход части дворян уездов Литовской Украины (как и других уездов) на сторону Лжедмитрия II в 1608 г. можно

объяснить ослаблением авторитета верховной власти и материальной необеспеченностью дворянства в целом.

Позиция дворян Смоленского уезда в этот период определялась в первую очередь пограничным положением уезда и теми льготами, которые они получили по десятне 1606 г. Оно в тот период имело более тесные корпоративные связи, и в 1608 г. находилось на периферии политической жизни, что также не способствовало их переходу на сторону Лжедмитрия II.

Если говорить о позиции посадского мира городов Смоленщины, то необходимо констатировать: находящиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователя источники не позволяют сказать по этому поводу что-нибудь конкретное. Только в отношении Смоленска можно говорить, что посадские люди на протяжении всей гражданской войны имели четкую позицию поддержки правительства Василия Шуйского. Посадские Вязьмы и Дорогобужа в целом поддерживали центральную власть, а появление в этих городах казаков Бересеня было лишь эпизодом и никак не отражает позицию вязьмичей и дорогобужан в тот период. Их позиция в 1608—1609 гг. остается не совсем ясной, но вхождение их представителей в Смоленскую армию обороны говорит о том, что посадские этих городов в период польской интервенции в целом поддерживали центральную власть.

Вопрос о рославльском посаде требует дальнейшего изучения. Рославльчане хотя и поддержали восстание Болотникова, но эта поддержка была обусловлена не столько позицией самих посадских, сколько агитацией Д.В. Мосальского и позицией местного дворянства.

Характеризуя в целом посадское движение на Смоленщине в период Смуты, можно сказать, что оно не достигло такого масштаба, как в северских и замосковных уездах. Посадские смоленских городов в большинстве своем поддерживали центральную власть, за исключением Рославля в 1607 г. Такая по-

зиция во многом диктовалась отсутствием у смоленских посадских в тот период каких-либо политических интересов, что было связано с удаленностью Смоленщины от основных событий гражданской войны и проправительственной позицией местного дворянства.

Анализ событий гражданской войны на Смоленщине позволил по-новому взглянуть на крестьянское движение в крае. Восстания 1602—1603 гг. были вызваны голодом, и в них могли принять участие многие слои местного населения, но его нельзя классифицировать как крестьянское.

В последующие годы крупномасштабное крестьянское движение на Смоленщине в поддержку Болотникова или Лжедмитрия II отсутствовало.

Таким образом, основную роль в событиях Смутного времени на Смоленщине играло дворянство, которое в определенные моменты Смуты становилось одной из основных сил правительственного лагеря. Именно активная роль смоленского дворянства сделала смоленский регион одним из оплотов центральной власти в борьбе с мятежниками.

Оборона Смоленска — центральное событие в истории Смуты на Смоленщине, имевшее не столько местное, сколько общероссийское значение. Начало осады разделило саму историю Смуты в крае на два периода.

Анализ событий лета-осени 1609 г. позволил сделать вывод о формировании земского союза всех сословий смоленского населения, который сложился в период подготовки города к обороне. Общая задача дворян и посадских отстоять свой город сгладила имевшиеся между ними сословные противоречия, что явилось основной причиной обороноспособности крепости. Главной целью земского союза была защита Смоленска от интервентов, и она стала его идеологией на протяжении всей обороны.

Дворянство и посадский мир — вот главные действующие лица Смоленской обороны, на их плечи легла основная нагрузка по организации всех мероприятий, связанных с защитой города. Источники не позволяют говорить о массовой измене дворян в этот период, как это делал В.П. Мальцев. Имеющиеся среди осажденных «шатания» на первом этапе обороны не определялись какими-либо политическими интересами, а были вызваны, прежде всего, тяготами осадной жизни, ухудшением материального положения смоленского населения.

Вся полнота власти в Смоленске в период обороны находилась в руках воевод, и прежде всего — первого воеводы. Именно от него исходили все распоряжения, направленные на укрепление обороноспособности города и его армии. Главными распорядительными органами власти в Смоленске были воеводская и земская избы.

Анализ документов воеводской избы показывает, что посадские и крестьяне в Смоленске находились в зависимости от воеводской власти. М.Б. Шеин в первый период обороны опирался, прежде всего, на привилегированные сословия. Посадские занимали обычное для феодального общества положение в социальной структуре города. Лишь верхушка смоленского посада получила в период обороны доступ к решению важных городских дел. Крестьяне в Смоленске находились в самом низу социальной иерархии, и говорить о каком-то их политическом влиянии на городские дела (как это делал Мальцев) — явное преувеличение.

В работе по-новому рассмотрен вопрос о периодизации Смоленской обороны. Именно договор от 17/27 августа 1610 г., изменивший соотношение политических сил в России, оказал существенное влияние на положение Смоленска. Польский королевич стал царем Русского государства, осада и оборона города теряли смысл. Этот договор определил и внутреннее разногласие между дворянами и посадскими в Смоленске

и в значительной степени способствовал возникновению кризиса осенью 1610 г. С заключением договора от 17 августа начался второй этап обороны города.

Кризис в Смоленске был вызван новой политической ситуацией в стране, возникшей после свержения Василия Шуйского и провозглашения царем королевича Владислава. Смоляне оказались заложниками данной ситуации.

Положение Смоленска с осени 1610 г. определялось не столько способностью смоленской армии обороняться, сколько дипломатическими успехами русских послов на переговорах с поляками. В условиях подъема национально-освободительного движения в стране эти переговоры были обречены на неудачу, что и определило падение Смоленска. Оборона города оказалась не нужна правящей элите, а патриотическое движение еще не достигло той силы, чтобы оказать смолянам действительную помощь.

В то же время события лета-осени 1610 г. сделали Смоленскую оборону идеологическим обоснованием Первого ополчения, и она положила начало освободительной борьбе русского народа против польской интервенции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

**Дворяне Смоленского уезда, выставившие даточных крестьян
в Смоленскую армию летом 1609 г.**

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во даточ- ных	Кол-во земли в четях
А					
1	Степан Аксенов	Бережанский	450	1	130
2	Вдова Юрия Александ- рова	Ветлицкая		1	130
3	Григорий Алябьев	Дубровский		3	390
4	Ив.Тих Ахматов	Ветлицкая		1	130
5	Нехор. Ахматова	Ветлицкая		1	130
Б					
6—7	Вас. и Никод. Баскаковы	Ивановский		0,2	33
8	Афанасий Батапов	Буйгородский		1	130
9	Воин Башмаков	Ветлицкая		0,5	60
10	Федор Башмаков	Ветлицкая	450	0,5	60
11	Филон Башмаков	Бережанский	400	1	130
12	Вдова Ив. Башмакова	Ветлицкая		1	130
13	Мих. Бегичев	Ветлицкая	500	1	130
14	Ил. Бердяев		250	1	130
15—16	Сем. и Курбат Бердяевы	Катынская		0,5	по 60
17	Булгак Битяговский	Ивановский		1	130
18	Леоп Битяговский	Мушковская	400	1	130
19	Михаил Битяговский	Долгомостский	500	1	130
20	Пост. Битяговский	Максимовский		1	130
21	Ст. Тим. Битяговский	Рудская		1	130

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во дзюч- ных	Кол-во земли в четях
В					
22	Любим Валутин	Ратчинский	200	1	130
23	Иван Веснин	Мушковская		1	130
24	Гр. Верещагин	Ратчинский Ивановский	450	2	260
25	Тавля Верещагин	Ивановский	350	2,5	320
26	Юрий Верещагин	Ивановский	500	1	130
27—30	Иван, Богдан, Елиз. Миха- ил Воронковы	Ивановский		0,2	20
Г					
31	Андрей Головачев	Ветлицкая	450	0,2	20
32	Тим. Головачев	Свадицкая	450	0,2	20
33	Вас.Пет. Головин	Буйгородский		9	1170
34—35	Зам. и Петр Горяниновы	Буйгородский		0,25	30
36	Иван Груздавцев	Свадицкая		0,2	25
Д					
37	Андрей Дедевшин	Мушковская	600	1	130
38	Петр Дементьев	Бережанский		1	130
39	Семен Дементьев	Долгомостский Максимовский	500	1,5	180
40	Федор Дементьев	Долгомостский Максимовский	300	1,5	180
41—42	Ширяй и Константин Дерновы	Буйгородский		0,5	130
43—44	Василий и Петр Дерновы	Буйгородский	300	2	260
45	Воин Дивов	Мушкетовская	500	2	260
46	Иван Дивов	Ивановский Бережанский	500	2	260
47	Михаил Дивов	Ратчинский	450	1	130
48	Ратман Дивов	Ратчинский Ивановский Свадицкая		2,5	320
49	Иван Довотчиков	Дубровский	300	1	130
50	Кузьма Довотчиков	Буйгородский	500	1	130
51	Пятов Довотчиков	Ратчинский		1	130
52	Тим. Довотчиков	Ратчинский	450	0,25	30
53	Куз. Домьян	Вопецкий		1	
Е					
54	Гр. Емсельянов	Ратчинский		1	130

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во даточ- ных	Кол-во земли в четях
55—56	К. и Без. Ефимьевы	Ратчинский	350; 450	0,5	130
57	Сила Ефимьев	Бережанский	500	2	260
58	Никф. Конд. Ефимьев	Рудская		1	130
59	Фома Сил. Ефимьев	Бережанский	450	1	130
Ж					
60	Иван Жидовинов	Дубровский	350	1	130
61	Фед. Ст. Жидовинов	Бережанский	350	1	130
З					
62	Саван Засяцкий	Ратчинский		2	260
63	Ат. Вас. Золотилов	Ветлицкая	350	1	130
64	Ив. Вас. Золотилов	Ветлицкая		1	130
65	Ив. Лук. Зубов	Рудская	500	2	130
66	Михаил Зубов	Бережанский		2	260
67	Федор Зубов	Вопецкий	500	2	260
68	Хотеная Зыков	Долгомостский		1	130
И					
69	Резан Игнатъев	Буйгородский	500	1	130
70	Ник. Измайлов	Ивановский		3	390
71—72	Ис. и Куз. Илешовы	Вопецкий	400 350	0,5	130
К					
73	Иная Казимиров	Свадицкая	300	0,2	25
74	Иван Климов	Вопецкий	450	0,25	30
75	Федор Клокачев	Долгомостский		1	130
76—79	Ив, Мих. Вас., Аф. Ко- быльские	Ивановский		0,25	130
80	Фед. Леон. Кожин	Бережанский	200	1	130
81	Конс. Леон. Кожин		200	1	130
82	Леон Козловский	Свадицкая		0,25	50
83	Замятня Кокошин	Ивановский		2	130
84	Нечай Конкин	Мушковская	400	0,5	60
85	Вас. Коптяжин	Ратчинский	250	1	130
86—87	Мизин и Окул Коптяжины	Свадицкая		0,5	130
88—89	Иван и Курбат Коптяжины	Ратчинский	350 у Кур- бата	0,5	130
90	Максим Коптяжин	Ратчинский	350	1	130
91	Вдова Бор. Коптяжина	Свадицкая		0,5	130
92	Афанасий Корсаков	Долгомостский		1	130
	Воин Корсаков	Ивановский	500	1	130

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во датов- ных	Кол-во земли в четях
93	Мат. Анд. Корсаков	Максимковский	500	1	130
	Темиръ и Леоп Корсаковы	Ветлицкая	500 у Темиръ	0,5	130
94—95	Сем. Костеров	Ивановский		1	130
96	Иван Кочкин	Ветлицкая Вопецкий	400	1,5	180
97	Андрей Криушин	Ратчинский		1	130
98	Ив. Кузьмин	Рудская		1	130
99	Мен. Ст. Кузьмин	Рудская		1	130
100	Иван Ал. Куракин	Ивановский		1	130
101	Тим. Аф. Кушалев	Ивановский	500	0,2	28
Л					
102	Иван Большой Ленин	Бережанский Свадицкая	500	0,7	85
103	Иван Меньшой Ленин	Бережанский	500	0,5	60
104	Ефим Ленин	Максимковский		2	260
105	Богдан Лосминский	Вопецкий	400	1	130
106	Иван Лутошин	Свадицкая	150	0,3	50
107	Рат. Вас. Львов	Ивановский		0,2	42
108	Лыховец Лыкошин	Бережанский	400	1	130
109	Илья Лыкошин	Свадицкая		0,5	65
110	Никита Лыкошин	Свадицкая	400	0,5	65
111	Семен Ляхов	Ивановский		1	130
112	Третьяк Ляхов	Ивановский	300	1	130
М					
113	Бор. Анд. Макшеев	Свадицкая		0,3	35
114	Вас. Пет. Макшеев	Рудская		1	130
115	Влас Макшеев	Ивановский		0,5	60
116	Ив. Анд. Макшеев	Рудская Мушковская Ратчинский		3	390
117	Ив. Трет. Макшеев	Вопецкий		1	130
118	Резан Мих. Макшеев	Свадицкая	250	0,5	60
119	Вас. Меженинов			1	130
120	Бог. Мещеринов	Ратчинский	550	1	130
121	Сем. Мещеринов	Ратчинский		1	130
122	Гр. Ив. Микулин	Ивановский		0,2	50
123	Яков Милославский	Ветлицкая	400	2	260
124	Ст. Мосеев	Бережанский		1	130
125	Ив. Морин	Бережанский		1	130

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во дзюч- ных	Кол-во земли в четях
126	Василий Морткин	Ивановский	400	1	130
127—128	Зам. и Петр Михайловы	Буйгородский		1	130
128	Петр Монастырев	Буйгородский	400	0,2	25
129	Федор Мягков	Катынская		0,5	60
Н					
130	Андрей Неелов	Буйгородский	300	1,5	180
131	Ал. Неелов	Буйгородский		0,5	
132	Ив. Ев. Неелов	Буйгородский		1	
133—134	Проворот и Гав. Нееловы	Свадицкая	300	0,5	60
135	Михаил Неелов	Буйгородский	500	1	130
136	Филипп Неелов	Свадицкая	300	0,5	60
О					
137	Богдан Обухов	Ветлицкая	350	1	130
138	Константин Обухов	Ветлицкая Ивановский	350	2	260
139	Дан. Озаренский			1	130
140	Зилот Озаренский	Свадицкая	350	0,3	50
141	Постник Олсуфьев	Ивановский		1	130
142	Гр. Омельшов			1	130
143	Ст. Осушкин		300	1	130
П					
144	Тимофей Панфилов	Бережанский		1	130
145	Даниил Петрыкин	Бережанский		1,5	180
146	Василий Петрыкин	Бережанский	450	1,5	180
147	Федор Перфульев	Свадицкая	400	1	130
148	Пост. Пят. Пикин	Ивановский		0,3	30
149	Анд. Пост. Пикин	Ивановский		1	130
150—151	Федор и Шемьяка Пикины	Ивановский		0,5	130
152	Наум Плесцев	Ивановский		2	260
153	Гр. Вас. Поздняков	Дубровский		0,5	33
154	Дм. Полтев	Ратчинский	450	1	130
155—156	Гр. и Анд. Полтевы	Максимковский	500, 450	0,5	по 60
157	Иван Полтев	Ратчинский Ивановский	500	2	260
158	Юрий Потемкин	Ратчинский Максимковский Буйгородский	500	2	260
159	Даниил Потемкин	Свадицкая	500	0,5	60
160	Наст. Потемкина	Буйгородский		0,5	60

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во датов- ных	Кол-во земли в четях
161	Ст. Потемкин	Рагчинский	400	0,5	60
162—163	Ник. и Игн. Прокофьевы	Свадлицкая	200	0,3	30
164	Любим Пяхочев	Буйгородский	400	1	130
Р					
165	Трет. Раков	Бережанский		1	130
166	Яков Родычев	Рагчинский	350	1	130
167	Вдова Елиз. Руднева	Ветлицкая		1	130
168	Плакида Румянцев	Буйгородский Максимковский	500	2	260
169	Степан Румянцев	Рагчинский Мушкетовская	450	1	130
170	Тимофей Румянцев	Бережанский	400	1	130
171	Вд. Мат. Румянцева	Ветлицкая		1	130
С					
172	Мих. Ив. Свизев	Ивановский		0,1	7
174	Вас. Анд. Самарин	Рудская		1	130
175	Елиз. Анд. Самарин	Рудская		1	130
176—177	Ив. и Елиз. Ив-чи Самарины	Ивановский		0,2	33
178	Один. Анд. Самарин	Рудская		1	130
	Нев. Дм. Самарин	Бережанский	300	1	130
179	Вдова Ивана Сказина	Ветлицкая		1	130
180—181	Дмитрий и Упак Сназины	Ветлицкая	По 450	1	по 60
182	Сем. Сназин			1	130
183	Иван Скорятин	Бережанский		1	130
184	Куз. Лук. Скубятин	Ивановский	350	1	130
185	Куз. Совелов			1	130
186	Анд. Неп. Соколов	Вопецкий	200	1	130
187	Кузьма Соколов	Рагчинский	350	1	130
188—189	Иван и Постник Соколовы	Рагчинский	400, 450	0,5	по 60
190	Гр. Спиридонов	Ивановский		0,5	60
191	Елизар Спиридонов	Ивановский		1	130
192	Анд. Нел. Сукленов	Ивановский		1	130
193	Нелюб Сукленов			1	130
194	Андрей Сухотин	Рагчинский	250	1	130
195	Мих. Сухотин		350	1	130
Т					
196	Иван Татаров	Вопецкий		1	130
197	Сельв. Татаров			1	130

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во дятач- ных	Кол-во земли в четях
198	Михаил Татищев	Буйгородский Свадецкая		2	130
199	Федор Тимашов	Ивановский	400	1	130
200	Тимофей Тимашов	Ивановский		1	130
201	Григорий Толстой	Максимковский		1	130
202	Гаврила Трегубов	Мушкетовская	300	1	130
203	Остаф. Тухачевский	Буйгородский	500	1	130
204	Семен Тухачевский	Максимковский		1	130
205	Яков Тухачевский	Свадицкая	300	0,5	50
206	Олифер Тютчев	Вопецкий	400	1	130
У					
207	Анд. Ром. Уваров		500	1	130
208	Игн. Уваров	Буйгородский	450	1	130
209	Григорий Уваров	Долгомостский		1	130
210	Куз. Дав. Уланов	Бережанский	300	0,2	20
Ф					
211	Аф. Философов	Свадицкая	450	1	130
212	Зам. и Анд. Философовы	Ветлицкая	По 500	0,5	по 60
	Иван Фирсов	Ратчинский		1	130
Х					
214	Андрей Ходнев	Бережанский		1	130
215—216	Любим и Иван Харламовы	Буйгородский	500, 450	0,5	по 60
217	Мурат Харламов	Свадицкая		0,2	25
Ч					
218	Вас. Чемесов		300	1	130
219	Ник. Чернов	Свадицкая	250	0,5	60
220	Ратман Ччетов	Свадицкая	450	0,5	60
221	Никита Ччетов	Долгомостский		1	130
222	Вас. и Кир. Чечетовы	Максимковский	450	0,5	по 60
223	Петр. Ив. Чихачев	Максимковский Рудская	500	2	260
224	Петр Пет. Чихачев	Максимковский		1	130
Ш					
225	Богдан Шепелев	Свадицкая		0,2	25
226	Ив. Вас. Шестаков	Ветлицкая	450	2	260
227	Бог. Ив. Шестаков	Ратчинский	450	1	130
228	Бог. Тим Шестаков	Ратчинский	400	1	130
229	Мат. Ив. Шестаков	Ратчинский	250	1	130
230	Семен Шестаков	Ратчинский	450	1	130

№ п/п	Имя, фамилия	Стан Волость	Оклад	Кол-во даточ- ных	Кол-во земли в четях
231	Постник Шестаков	Ратчинский	400	1	130
232	Юрий Шестаков	Долгомостский	450	2	260
233	Василий Шишкин	Буйгородский		0,25	30
234	Гр. Ил. Шишкин	Ивановский		1	130
235	Панкрат Шишкин	Ивановский		1	130
236	Степан Шишкин	Бережанский	400	1	130
237	Федор и Юрий Широковы	Буйгородский		0,5	по 60
238	Зам. Шулепников	Ивановский	200	0,25	30
239	Ив. и Гр. Шушерны	Ивановский		2	260
Ю					
240	Вас. Мен. Юрьев	Бережанский	300	1	130
Я					
241	Ал-р Языков	Дубровишский		0,5	100
242	Василий Языков	Ивановский Долгомостский		2	260
243—244	Сав. и Фед. Языковы	Ратчинский		0,5	130
245	Михаил Языков	Ратчинский		1	130
249	Лук. Каз. Языков	Ратчинский		1	130
Дворяне, не выставившие даточных					
247	Гр. Ахматов		350		
248	Олиф. Буланин				
249	Сев. Баскаков				
250	Ал-р Груздавцев		350		
253	Прок. Ивашутин				
254	Мат. Пар. Копцов		150		
256	Бог. Коробьин		300		
257	Фед. Корсаков		500		
258—259	Клим и Ив. Кубаровы		150, 200		
260	Истوما Кузьмин		450		
261	Сем. Лутошин		150		
262	Бог. Обухов		350		
263	Ник. Озаренский		400		
264	Вас. Мат. Румящев				
265	Ярос. Фирсов		250		
269	Мих.Тим. Шестаков		350		

Источник: Памятники обороны Смоленска... № 41, 49, 240, 257—259.

Вяземские помещики в конце XVI в. по данным
писцовых книг 1587—1595 гг.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
А						
1	Анд. Сем. Алябьев	Заднепреевск.		149	1	3
2	Сапун Абрамов	Заднепреевск. Троицкий Вопецкий		390	34	141
3	Вд. Сем. Аксенова	Хмелитский		50	43	2
Б						
4	Вас. Анд. Бакшеев	Гжельский		48	24	7
5	Вд. Гр. Багракова	Пригородный		14	0	0
6	Анд. Вас. Безобразов	Грядкой Троицкий	600	528	315	25
7	Ив. Игн. Безобразов	Нагорный	350	266	103	98
8	Ив. Гр. Безобразов	Троицкий Бовальский	500	411	117	41
9	Мих. Угрюм. Безотищев	Грятский		254	0	0
10	Ив. Лук. Бежевенцев	Каменный	200	167	8	21
11	Ив. Еф. Бельбесов	Нагорный Кошчевский	300	100	17	
12	Ив. Бельбасов	Нагорный	150	137	0	3
13	Мар. Бельбасова	Нагорный		44	0	0
14	Ан. Г. Белявинцев	Жилецкий Литвиновск.	300	301	0	0
15	Ив. Л. Белявинцев		200	136	20	13
16	Бог. Як. Бельский	Волоцкий Загробский		975	694	348
17	Бул. Д. Бельский	Волоцкий		700	630	155
18	Ив. Дан. Бельский	Волоцкий		488	316	40
19	Нев. Як. Бельский	Волоцкий		904	410	247
20	П. Ив. Бельский	Волоцкий		304	245	33
21	Пос. Бог. Бельский	Волоцкий		523	496	108
22	Гр. Ив. Бобров	Холмец		87	18	5
23	Леон. Мат. Бобров	Холмец	200	199	64	8
24	Сем. Гр. Боборов	Нагорный	200	177	50	0
25	Вд. Богданова	Нагорный		150	35	4

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
26	Гр. Вас. Богданов	Боровский Глухолитвин.		297	7	2
27	Сем. Ш. Болдырев	Гжельский Сержаны	300	159	22	6
28	Вд. Г. Болобанова	Коцеевский Троицкий		176	18	5
30	Фед. Болотников	Хмелитский		112	12	0
31	Алена Болотникова	Боров. Хмелитс.		182	58	16
32	Ан. Борятинская	Труфановск.		150	0	0
33	Бог. Ал. Бровицын	Волоцкий Заднепреевск	300	258	51	0
34	Ан. Кон. Борцман	Волоцкий		169	19	4
35	Ан. Вас. Буйносов	Волоцкий		177	92	32
36	Петр и Вас. Буйносовы	Боровский Волостенский Хмелицкий	По 700	1216	750	197
37	Ждан Буков	Волоцкий		228	54	44
38	Аф. Аф. Булгаков	Холмец	200	143	76	15
39	Ив. Ив. Булгаков	Холмец	150	120	81	19
40	Лав. Тар. Булгаков	Закасейка		45	0	0
41	Ив. Гр. Булгаков	Коцеевский		155		12
42	Бог. Дм. Бунаков	Ср. Сторона	450	437	84	50
43	Ив. Вас. Бунаков	Красносельс. Коцеевский	350	349	48	22
44	Ив. Ив. Бунаков	Порецкий Волоцкий Литвиновск.	500	371	84	27
45	Апд. Дм. Бунаков	Красносельск.		164	89	16
46	Ив. Дм. Бунаков	Волоцкий Красносельск.	550	562	143*	56
47	Ник. Ив. Бунаков	Волоцкий		149	70	23
48	Марфа Зах. Бурцева	Красносельск.		89	8	4
49	Вд. Тат. Быкова	Холмец Дубровский		252	15	11
50	Зам. Дм. Бычков	Холмец Волостенский	300	303	4	2
51	Ив. Бор. Бычков	Пожога	150	63	0	0
52	Нелюб Нев. Быков	Холмец		136	34	9
53	Тим. Дм. Бычков	Жилецкий	200	156	0	0

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земля факт.	Живущей пашни	Число дворов
В						
54	Вас. Анд. Вакшесв	Гжельский		60		7
55	Ив. Дм. Взялов	Нагорный Холмец	150	182	46	7
56	Сем. Дм. Взялов	Боровской		73		11
57	Фед. Мен. Взялов	Пригородный		290	85	35
58	Гр. Игн. Вельяминов	Пожога	700	240	118	48
59	И. Гр. Вельяминов	Труфановский Пожога	700	673	40*	91
60	Мих. Ив. Вельяминов	Бовальский Кошцевский	700	693	329	72
61	Вд. Вельяминова с сыном	Красносельск.	350	160	95	18
62	Ал. Бор. Верник	Нагорный	150	151	45	0
63	Анд. Мат. Воейков	Пожога Сержаны Козельщанск.		272	184	50
64	Анд. Сем. Воейков	Сержаны		146	107	34
65	Бог. Бор. Воейков	Хмелитский		50	43	2
66	Зв. Дм. Воейков	Волоцкий		170	44	8
67	Ив. Мат. Воейков	Крутой	300	298	210	49
68	Ист. Сем. Воейков	Красносельск. Волоцкий	350	200	77	17
69	Наум Ив. Воейков	Каменный	350	241	54	15
70	Проск. Воейкова с сыном	Холмец	300	298	32	20
71	Фед. Сем. Воейков	Красносельск.	350	150	60	11
72	Вер. Анд. Волженин	Нагорный Труфановский	350	354	113	20
73	Воин Волженин	Пригородный		227	145	24
74	Ив. Ив. Волженский	Пригородный		244	72	23
75	Ирина Волженская	Волостенский		199	0	0
76	С. Ив. Воженский	Заболотский Красносельск.	350	286	39	10
77	Як. Сем. Волженский	Волостенский	250	38	22	5
78	Вас. Я. Волынский	Пригородный Хмелитский Гжельский	600	567	426	90
79	И. Ив. Волынский	Красносельск.	250	140	32	13
80	Вас. Ил. Волков	Лосьминский	350	276		25
81	Ст. Ил. Волков	Волоцкий		234	185	43

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
82	Вд. Волкова	Волоцкий		241	190	17
83	Петр и Наум Воробьевы	Нагорный		12	0	0
84	Ап. Дм. Ворсобин	Нагорный	300	126	81	14
85	Гр. Мат. Сулин Воронцовы	Жилицкий Заднепреевск.		82	20	2
86	Аф. Мих. Вражин	Каменный Бавальский Боровский		289	22	9
87	Аф. Мих. Враскин	Боровской Бавальский Каменный		13	6	1
88	Юр. Мат. Враскин	Боровский Волоцкий	300	209	56	21
89	Юр. Вас. Враскин	Волоцкий		488	316	40
90	Алдр. Вас. Вырубов	Кощевский	300	215	99	30
91	Гр. Мих. Вырубов	Волоцкий		158	52	8
92	Ив. Ост. Вырубов	Бовальский Боровский Каменный	600	599	100	91
93	Кур. Ив. Вырубов	Кощевский	350	281	28	28
94	Сем. О. Вырубов	Бовальский Кощевский	500	373	90	30
95	Курб. и Ив. Дмит. Вырубовы	Волоцкий		517	114	39
96	Сем. См. Вырубов	Бавальский Боровский Вопецкий Нагорный	450	302	160	65
97	Ф. Лоб. Вырубов	Бовальский	300	300	154	13
98	Юр. Ив. Вырубов	Боровский	300	162	21	38
99	Вд. Гр. Вырубова	Глухолитвин Великопольск.		267	158	22
100	Ив. Л. Вырубов	Заднепреевск.	500	397	226	76
101	Зам. Дм. Вышиба	Туровский	200	111	40	2
Г'						
102	Ник. И. Гаврилов	Холмец	300	100	64	11
103	Ал. Гельдеев	Гжелский Лосьминский	300	304	3	0
104	Ал. Ив. Годунов	Волоцкий		519	285	79
105	Дм. Ив. Годунов	Волоцкий		806	678	194

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
106	Ник. Вас. Годунов	Красносельский		384	70	73
107	П. Вас. Годунов	Ср. Сторона	800	316	292	59
108	Ст. Вас. Годунов		1000	967	381	232
109	Як. Ник. Годунов	Пригородный Ср. Сторона	800	692	123	80
110	Як. Мих. Годунов	Ср. Сторона Пригородный		751	159	80
111	Ул. Головастов	Волоцкий		550	440	99
112	Неж. Ф. Головин	Коцеевский	300	301	12	4
113	Дей. Ф. Головкин	Красносельск.	100	100	0	0
114	Аф. Ив. Головснников	Красносельск.	300	191	20	10
115	Вас. Юр. Головников	Волоцкий		504	265	55
116	Еф. Трет. Греков	Жилицкий	150	76	34	6
117	Вд. Грибоедова с сыном Михаилом	Труфановск.	350	354	185	28
118	Фед. И. Грибоедов	Порецкий	250	254	0	0
119	Анд. Гр. Гридков	Холмец Сержаны Крутой	150	49	0	4
120	Онф. Гр. Гридков	Коцеевский		243		12
121	Анд. Ис. Губастый	Гряцкий		68	34	6
122	Ив. М. Губастый	Боровский		167	96	1
123	Трет. Мих. Губастый	Боровский	300	167	49	27
124	Сем. Мен. Губастый	Боровский	200	88	13	21
125	Мих. Губастый	Боровский	250	85	14	15
126	Мар. Губастова	Бовальский Каменный Вопецкий		301	12	4
127	Бор. Анд. Губин	Труфановск.	300	242	42	9
Д						
128	Вд. Ир. Дерюгина	Волостенский		199	0	0
129	Мат. Ив. Дугин	Закасейка	100	67	3	0
130	Ст. Вас. Дудин	Заболоцкий Липецкий		967	381	232

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
131	Вас. Дуров	Труфановск.		98	78	11
132	Шес. Фед. Дуров	Пригородный		104	0	0
Е						
133	Ельчанинов	Козельщанск		190	0	0
134	Ив. Сильв. Емельянов	Нагорный	600	426	200	18
135	Вд. Енгельдсева	Холмец		433	0	0
136	Дол. Мат. Еремеев	Пригородный		174	0	0
Ж						
137	Вд. Тат. Желбышова	Дубровский		102	0	0
З						
138	Фед. Аф. Захаров	Коцеевский	300	192	12	4
139	Бог. Сид. Забелин	Волоцкий		803	307	142
140	Ив. Бог. Забелин	Волоцкий		448	434	70
141	Дм. Вас. Заволоцкий	Волоцкий		65	61	13
142	Гр. Д. Загряжский	Волоцкий		321	41	40
143	Истома Заломов	Троицкий	150	49	20	2
144	Ив. Ан. Замыцкий	Волоцкий		301	197	53
145	Аргун Захарьин	Жилецкий	500	276	160	48
146	Вас. Дм. Захарьин	Жилецкий	350	321	140	30
147	Вд. Мария Захарьина	Боровский Волоцкий Хмелицкий		79	0	2
148	Звонов	Нагорный		87?	0	0
149	Ив. Дм. Звялов	Нагорный Холмец	150	182	46	7
150	Ссм. Дм. Звялов	Боровской Заболоцкий		167	41	23
151	Фед. Мен. Звялов	Пригородный		290	85	35
152	Вас. Зеленый	Дубровский	300	141	0	0
153	Вд. Зерова	Нагорный		233	0	0
154	Ив. Ив. Зубов	Бовальский		65	40	0
И						
155	Влад. Кир. Иванов	Гжельский Воркона		141	0	30
156	Анд. Як. Извеков	Боровский Ср. Сторона	500	478	77	43
157	Др. Вас. Извеков	Волоцкий		74	57	15
158	Петр. Ив. Извеков	Хмелитский		64	6	0

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
159	Неизвестный	Великопольск.	400	177		7
160	Тома Извсков	Жилецкий	350	351	10	0
161	Алскдр. Изотов	Заднепреевск.		140	0	0
К						
162	Фед.Тих. Карабанов	Коцеевский		132	9	
163	Вас., Мих., Ник., Якуш Карабановы	Коцеевский		240		17
164	Юр. Пет. Каплицев	Пожога	250	187	0	0
165	Мих. Ив. Киреев	Труфаповск. Боровский Волоцкий		162	50	13
166	Дм. Гр. Кобылин	Волоцкий		207	112	33
167	Ив. Вас. Кобылин	Лосьминский	700	170	47	33
168	Фед. Фед. Кобылин Ив. Фед. Кобылин	Ср. Сторона Лосьминский	500 450	936	78	166
169	Кир. Дм. Кобылин	Волоцкий		216	103	67
170	Зах. Дм. Кобылицын	Волоцкий		147	103	23
171	Ив. и Фед. Кобылитины	Сержаны Лосьминский	500 у Федор.	858	422	168
172	Ив. Юр. Кобяков	Заднепреевск.	400	281	250	76
173	А.И. Коновицын	Пригородный		292	108	27
174	Ив. Ив. Коновицын	Бавальский Жилецкий Пригородный	250	238	73	10
175	Анд. Дм. Корнеев	Жилецкий Липецкий		395	0	0
176	Обросим Корнеев	Заболотцкий		109	1	3
177	Сем. Вас. Корнеев	Ср. Сторона Лосьминский	500	482		91
178	Аф. Ив. Коровин	Троицкий	200	227	122	37
179	Кузьма Кортнев	Жилецкий Липецкий	150	146	60	0
180	Ив. Ив. Кудрявый	Бовальский	150	120	12	7
181	Ст. Вас. Кузьмин	Волоцкий		609	410	76
Л						
182	Обр. Ив. Ладыжинский	Заднепреевск.		66	1	3
183	Леон. Дав. Ладыжинский	Заднепреевск. Волоцкий Троицкий		385	63	87
184	Голов. Лор. Лазорев	Сержаны	350	289	13	72

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
185	Анд. Ст. Левшин	Трофановск. Липецкий	250	196	64	21
186	Дем. Ст. Левшин	Труфановск.	200	62	0	6
187	Ан. Гр. Лединский	Закасейка	250	252	0	0
188	Гр. Гр. Лединский	Грятский	400	358	161	35
189	Гр. Мих. Лихачев	Пригородный Красносельск.	150	103	55	19
190	Анд. Лихорева	Труфановск.		100	0	0
191	Бог. Неф. Лихорев	Гжельский	300	286	0	0
192	Глеб Лихорев	Троицкий	250	167	38	13
193	Гр. Лор. Лихорев	Порецкий Гжельский	350	289	13	72
194	Фед. Вас. Лихорев	Пригородный		253	65	19
195	Хрис. Неф. Лихорев	Боровая, Волоцкий	400	376	78	37
196	Б-н. Неф. Лихорев	Гжельский	300	286	0	8
197	Марина Лихорева	Труфановск. Липецкий		158	0	0
198	Гр. Гр. Ловчиков	Волоцкий		450	204	37
199	Вд. Юрия Лодыгина	Боровский		82	22	6
М						
200	Аф. Малыгин	Волостенский	450	307	127	61
201	Гр. Сев. Малыгин	Волостенский	450	431	262	31
202	Сем. Фед. Мартынов	Волецкий		113	75	18
203	Фед. Матусов	Туровский	150	129	38	14
204	Угрюм Матусов	Туровский	150	141	36	12
205	Вас. Маштуков	Волоцкий Красносельск.		301	30	10
206	Ист. Вас. Маштуков	Волоцкий Красносельск.		308	150	31
207	Фед Маштуков	Гробский	300	302	225	14
208	Фед. Меленьтьев	Нагорный		457	404	94
209	Фед. Мешаев	Коцесевский	200	201	0	0
210	Гр. Ив. Микулин	Великопольск. Глухолитвиновский	600	499	227	78
211	Петр Ив. Микулин	Боровской		331	78	40
212	Пол. Анд. Микулин	Заболоцкий		163	47	12
213	Мат. Гр. Микулин	Глухолитвиц.		297	7	2

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
214	Ив. Авд. Микулип	Волоцкий		114	114	25
215	Вд. Авд. Микулина	Труфановск.		202	36	89
216	Ив. Пет. Милостников	Волоцкий		170	103	15
217	Вд. Кат. Милостникова	Гжельский		40	0	0
218	Каз. Гр. Минкин	Пригородный		95	65	9
219	Анд. Мицков	Пригородный		585	158	82
220	Казар. Гр. Мицков	Пригородный		95	65	9
221	Вд. Ив. Мицкова	Красносельск. Волоцкий		179	99	8
222	Шест. Вас. Мицков	Волоцкий Красносельск.	300	308	142	31
223	Матр. Ив. Мицкая	Красносельск. Пригородный		94	4	0
224	Марина Мицкова	Красносельск.		192	28	8
225	Егор Ив. Мишулин	Великопольск.		195	115	36
226	Замятня Мягков	Холмец	450	197	65	12
227	Анд. Ив. Мясоедов	Ср. Сторона		191	4	4
228	Вас. Ив. Мясоедов	Полуженский		31	0	0
229	Гр. Гр. Мясоедов	Бовальский	700	173	128	45
230	Ив. Ив. Мясоедов	Ср. Сторона	350	199	0	6
231	Игн. Ник. Мясоедов	Великопольск. Ср. Сторона	350	287	85	25
232	Татьяна Мясоедова	Великопольск. Ср. Сторона Загробский		250	51	15
233	Осип Ем. Мясоедов	Труфановский	300	85	36	11
Н						
234	Вд. Вас. Наумова	Гжельский		535	85	42
235	Вд. Гр. Наумова	Хмелитский		39	26	3
236	Фетинья Наумова с сыном	Гжельский	300	105	0	0
237	Наум Угр. Наумов	Волоцкий		323	0	0
238	Ст. Вас. Наумов	Вяцкой Глухолитвинс.		96	3	3
239	Ив. Гр. Нежевин	Вяцкой Волоцкий		324	1	5
240	Як. Сем. Неелов	Волоцкий		108	0	0

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
241	Вд. Мар. Нелюбова	Вязкой		89	8	1
0						
242	Дан. Одинцов	Волоцкий		305	167	20
243	Вд. Одинцова	Волоцкий		146		11
244	Алеут Тет. Озеров	Дубровский Бавальский		136	63	5
245	Анд. Пет. Озеров	Вязкой Дубровский Ср. Сторона		74	0	6
246	Бог. Бор. Озеров	Пригородный		120	0	0
247	Бог. Пет. Озеров	Каменный Коцеевский		118	24	2
248	Бор. Кл. Озеров	Хмелитский		145	57	19
249	Ив. Мак. Озеров	Хмелитский Коцеевский Боровский Гжельский		420	88	30
250	Ив. Конс. Озеров	Нагорный	250	81	16	7
251	Ив. Леон Озеров.	Гжельский	350	315	66	55
252	Мих. Бор. Озеров	Гжельский		137	30	6
253	Нелюб. Вас. Озеров	Пожога	500	142		26
254	Петр Шир. Озеров	Бавальский Вятский	200	206	51	4
255	Рудак Клем. Озеров	Пригородный Пожога	350	380	123	18
256	Тат. Озерова с сыном		120	157	11	11
257	Федор и Мануил Озеровы	Пригородный		144	0	0
258	Фед. Мак. Озеров	Сержаны Пригородный		250	0	2
259	Тим. Озеров	Нагорный		200		24
260	Ширяй Озеров	Бовальский Гжельский		353	99	26
261	Вд. Озерова	Великопольск.		90	0	0
262	Ив. Уст. Озершин	Каменный Красносельск.		162	28	6
263	Ив. И Вас. Оляховы	Гжельский Бовальском Пригородный Красносельск.		299	28	7
264	Фед. Омлешов	Великопольск.	500	489	477	
265	Як Л.-н. Омлешов	Пригородный		25	12	0

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
266	Вд. Уль. Омлешева	Заболоцкий		103	77	15
267	Ив. Осоргин	Сюзерна	250	221	116	21
268	Ив. Ив. Осоргин	Липецкий Ср. Сторона Волостенский	600	510	118	45
269	Нел. Вас. Очеров	Пожога	600	142	13	31
II						
270	Алр. Куз. Панин	Холмец Ср. Сторона	150	52	0	0
271	Анд. Пятой Панин	Пригородный		129	100	12
272	Дан. Панин	Козельщанск.		22	0	0
273	Ил. Куз. Панин	Коцеевский Ср. Сторона	150	150	0	0
274	Пятой Сем. Панин	Красносельск.	100	101	2	0
275	Дм. Тим. Парков	Волоцкий		98	62	13
276	Вд. Мар. Петрыкина	Пригородный		229	165	24
277	Анд. Осип. Плещеев	Заднепреевск.		114	2	0
278	Вас. Тим. Плещеев	Воркона	700	399	130	90
279	Осип Тим. Плещеев	Заднепреевск. Гжельский Сержаны	550	534	322	126
280	Бор. Ив. Полев	Боровский Вопецкий	600	398	100	81
281	Вас. Наум. Постников	Волоцкий		123	30	7
282	Вд. Потятинова	Волоцкий		366	85	42
283	Вас. Конс. Пронский	Волоцкий		293	130	34
284	Як. Гр. Протопопов	Великопольск. Лосьминский Ср. Сторона Волостенский	400	398	81	27
285	Фед. Плутнев	Нагорный	300	159	105	15
286	Ан. Пустодолев	Нагорный		247	125	25
287	Вд. Ив. Пучежева	Туровский		311	203	60
288	Мих. Пушечников	Крутой	250	225	144	52
P						
289	Безсон. Мак. Рагозин	Гжельский	300	228	78	23
290	Никита Раков	Порецкий Холмец		155	32	12
291	Анд. Ник. Ржевский	Красносельск.	400	292	64	29
292	Конс. Пет. Ртищев	Гжельский		242	87	25
293	Сем. Ив. Ртищев	Гжельский		369	25	33
294	Игн. Вас. Рыкачов	Коцеевский	250	239	79	16

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
С						
295	Бог. Юр. Сабуров	Порецкий Боровский Заболоцкий Липецкий	1000	535	315	266
296	Вер. Бог. Сабуров	Волоцкий Пятницкий		571*	330*	65*
297	Зам. Ив. Сабуров	Лосьминский	800	668	493	226
298	Севостьянов	Кощевский		281	28	28
299	Вд. Тат. Сидорова	Вяцкий Нагорный Ср. Строна		366	269	20
300	Ив. Трет. Скворцов	Труфановск. Липецкий	250	251	17*	4*
301	Рахм. Гр. Скобесв	Камснный		98	46	20
302	Зах. Дм. Скобелицын	Волецкий		147	103	23
303	Аф. Всев. Скрипицын	Заднепреевск. Липецкий	300	300	22	0
304	Бог. Дан. Соловцов	Заднепреевск. Глухолит- виновский Волоцкий	400	259	104	44
305	Влад. Ив. Соломсин	Сержаны Гжельский	200	154	19	30
306	Бог. Бор. Сочинов	Ср. Строна	121	121	4	4
307	Вел. Степанов	Троицкий	124	124	0	66
308	Степан Степанов	Троицкий	500	259	66	
Т						
309	Ник. Пет. Тайдаков	Кощевский	300	200	0	5
310	Отафья Сем. Танесв	Дубровский		178		0
311	Сем. Танесв	Дубровский	150	60	5	0
312	Фед. Сем. Танесв	Бавальский		87	0	10
313	Кир. Анд. Тарбесв	Бовальский Красносельск. Кощевский Каменный Пригородный	350	378	80	16
314	Мих. Ив. Татищев	Троицкий	700	703	268	185
315	Гр. Анд. Творогов	Жилецкий Липецкий		413	25	75
316	Игн. Анд. Творогов	Закасейка	100	67	3	0

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
317	Ил. Анд. Творогов	Волоцкий	100	82	28	8
318	Пост. Анд. Творогов	Глухолитвиновский Липецкий		240	2	5
319	Вд. Ив. Творогова	Закасейка		117	0	0
320	Ив. Сем. Тевяшов	Пригородный		357	48	34
321	Тан. Сем. Тевяшов	Крутой Просецкий Вяцкий Бавальский	400	320	74	30
322	Федосей Сем. Тевяшов	Бовальский Кощеевский Вяцкий Крутой	300	230	104	32
323	Венид. Ив. Тимашов	Волостенский	450	228	72	35
324	Петр. Вас. Тихонов	Волоцкий Хмелитский Боровский	300	146	77	27
325	Ст. Ник. Тихонов	Волоцкий		109	45	27
326	Вас. Ст. Толстой	Волоцкий		335	70	84
327	Оксинья Тургенева	Заднепреевск.		63	50	19
У						
328	Устинов	Козельцанск.	300	277	83	0
329	Наум. Сем. Усов	Нагорный	200	120	0	0
Ф						
330	Вас. Фомин	Нагорный	600	426	216	101
331	Верига Фофанов	Труфановский	150	154	0	0
332	Ив. Конс. Фофанов	Волоцкий		139	8	0
333	Фед. Конс. Фофанов	Волостенский Крутой	700	395	142	38
Х						
334	Варвара Хитрово	Гжельский		232	119	26
335	Ив. Анд. Хлуднев	Волоцкий		139	82	16
Ч						
336	Артем Чемоданов	Нагорный	400	185	93	29
337	Вд. Чемоданова	Волоцкий		323	0	0
338	Никифор Чепчогов	Порецкий		495	126	125
339	Ст. Ник. Чепчогов	Порецкий	600	572	84	127
340	Черемисинов	Нагорный		580	424	46
341	Гуляй Черлennyй	Волоцкий		198	117	27

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Стан	Оклад	Земли факт.	Живущей пашни	Число дворов
342	Ив. Анд. Черленый	Вязкий Каменный	250	236	55	20
343	Ал. Ист. Чоботов	Бавальский Крутой Каменный	450	451	76*	23*
Ш						
344	Суббота Шир. Шершевин	Пригородный		392	45	27
345	Алекс. Ив. Шуйский	Волоцкий		387	231	56
346	Вас. Ив. Шуйский	Волоцкий		284	280	79
347	Дм. Ив. Шуйский	Волоцкий Липецкий		1134	695*	170*
348	Ал. Вас. Шумилов	Порецкий	300	162	28	5
349	Сем. Вас. Юрснев	Ср. Строна	500	482	128	91
Ю						
350	Вд. Сем. Юрьева	Порецкий		100	0	0
Я						
351	Ан. Мат. Якушкин	Гжельский Воркона	350	210	58	14
352	Гр. и Ист. Якушкины	Воркона Гжельский	По 350	697	107	48
353	Ист. Ив. Якушкин	Гжельский		144	25	10
354	Вд. Курб. Якушкина	Гжельский		82	51	11
355	Мих. Гр. Якушкин	Воркона		224	0	0
356	Нелб. Пет. Якушкин	Гжельский	250	201	49	9
357	Сем. Гер. Якушкин	Воркона Сержаны	300	209	38	10
358	Сем. Сем. Якушкин	Пригородный Жилецкий		408	242	106
360	Трет. Сем. Якушкин	Гжельский	750	592	14	95
359	Шар. Сем. Якушкин	Гжельский	500	500	150	32
360	Як. Сем. Якушкин	Гжельский Порецкий	550	544	0	71

* — Данные даны по одному стану.

Источник: РГАДА. Ф. 2109. Оп. 2. Кн. 619. Л. 1—1154; ПКМГ. Ч. I. 1. С. 568—731.

Живущая пашня рославльских помещиков по данным «Книги сбора ямских денег по Рославлю и уезду» за 1584, 1586 гг.

№ п/п	Владельцы	Деревня	Кол-во пашни (в четгах)
1	Федор Иванович Челосткин	Внуковичи, Бузуловка	90
2—3	Сулеш и Дмитрий Васильевич Толбузины	Жабино	100
4	Иван Григорьевич Дуров	Волково, Долгоглядка, ¼ Боровой слободки	65
5	Андрей Роговцев	Лутовиново	—
6—7	Федор Александр. Рыжиков и сын Солтан	Боровая слободка	30
8—10	Дуровы: Данило Захар., сын Иван, племянник Озеро	Горлово, Каравпево, 4 деревни	50
11	Иван Никитьевич Голинищев	Окинщина	25 пуста не пахана
12	Смирнов Семенов. Голинищев	Красильники, Бахаревка, ¼ Ладьжино	50
13—14	Афанасий и Курбат Федоровичи Лапоноговы	Павшино	10
15—16	Даниил Шумяцкий, Нелюб Поганкин	Павшино, Шумяча	8
17	Афанасий Трубчанинов	Волковичи	20
18—19	Алексей и Иван Сврасовы	Волковичи, поч. Хлясино	29
20—22	Иван Федоров. Строкин, Никита Боборыков, Федор Тишин	Свиридовщина, 3 деревни	60
23—25	Иван, Федор, Яков Рыковы	Нестроево, 3 деревни	55
26	Кузьма Тишин	Астапковичи	10
27—28	Василий Мудрасов, Семен Бабицкий	Подопристово	50
29—30	Братья Бояркины	Бояркино	20
31—33 34—35	Братья Камчатовы с племянником и с ними братья Бабицкие	Ладьжино, Иванково	35
36—38	Остафий Уланов, братья Тишины	Яцкая	—
39—40	Яким и Федор Баулины	Овсяпики, Казаново	40
41	Тимофей Бабицкий	Перенка, поч. Зимницы	15
42—44	Дмитрий Боборыков, Григорий Колесов, Семен Невильев		50
45	Константин Федорович Воронков	2 жребия Анохино	40
46—47	Братья Ильины	Волковичи	20
48—49	Матвей Халютин, Иван Коптев	Комынино	35

№ п/п	Владельцы	Деревни	Кол-во пашни (в четях)
50—52	Григорий Жадесв, Ерофей Камчатов, Василий Мордасов		35
53	Исак Степанович Роговцев	½ Волковой, Подоприслово	20
54	Андрей Роговцев	Подоприслово	10
55	Иван Колпин	поч. Горлова поляна	10
56	Василий Мазнев	Волковичи	20
57	Михаил Баранцев	Лутовиново	10
58	Михаил Никитичевич Боборыков	Романцево, Шембелево	90
59	Жена Григория Скриперова	Вотчина Незнаново, 4 деревни	200
60—61	Михаил и Иван Федоровичи Кубышковы	Кубыпкина	50
62—63	Аф. и Гр. Боборыковы	Несоново	150
64	Федор Захарович Дуров	Оксепо	20
65	Степан Никитичевич Гаврилов	Коново	пуста не пахана
66	Петр Салов	Барсуково	40
67	Осип Кордюков	Иванково	20
68—69	Юрий и Лукьян Роговцевы	Казаново, Подоприслово	30
70	Григорий Голенищев	Подоприслово, Слаговище, Боровая	50
71—72	Иван и Василий Голенищевы	½ Слаговище, ¼ Тарасковой	30
73	Кирилл Алексеевич Скалозубов	Юрьево, Иванково, Лихомостье	90
74—76	Михаил, Безсон, Истома Дуровы	Вяхори	20
77—80	Василий Липовский, Семен Матешкин, Тимофей Луднев, Михаил Пешков	Горлова слобода	60
81—83	Солтан, Курбат, Иван Матюшкины		—
84	Субота Дмитриевич Лукьянов	Горлова слобода	40
85	Путяш Салов	Барсуково	20
86	Родион Иванов	Волковичи	20
87	Воин Гвоздев	Волковичи	20
88	Константин Федорович Маслов	Астаповичи, Ермолино, Рогозино	20
89—90	Братья Селсвановы	Дуровщина	20
91—92	Даниил и Истома Половцевы	Казаново	5
93	Тимофей Сумароков	Олксино	5
94	Тимофей Гвоздев	Волковичи	30

№ п/п	Владельцы	Деревни	Кол-во пашни (в четках)
95—96	Братья Герасимовы	Озбичи, Ольхино, поч. Шилово	107
97	Василий Трубчанинов	Кухарево	10
98	Григорий Иванович Маслов	Слободище	5
99	Богдан Яковлевич Голенищев	Осипово	20
100	Василий Пахомович Макшеев	Бовальское	7
101	Дмитрий Макшеев	Бовальское	—
102	Малец Камчатов	Дорохово	10
103—104	К. Матюшкин и Федор Кошкин		—
105—106	Василий и Михаил Макшеевы		15
107—108	Иван и Ширяй Лиховцевы	Бояркино	20
109—110	Замятня и Силуян Тропинины	Яцково	30
111—113	Андрей Невильев, Бокей и Иван Колосовы	Чашники	50
114	Василий Федорович Каплин	Горлова поляна	10
115—116	Нечет и Василий Зубовы	Кубышкино	100
117	Федор Уколцев		10
118	Андрей Уланов	Бубаново	20
119—120	Матвей Михайлович Слабодчиков, Михаил Руднев	Горлова слобода	20

Источник: Чтения общества истории и древностей российских. Ч. 2. — М., 1916. № 1—2, С. 1—7.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Список командиров и количество ратников на башнях Смоленской крепости по росписи Смоленского гарнизона в 1609 г.

№ п/п	Наименование башни	Фамилия, имя, отчество	Кол-во человек	Поместный оклад
1	Фроловские ворота	Никифор Ефимьев, Фил. Рогатников, Гр. Горохов, Мих. Хлебник*	53	500 в
2	Семеновская (Волкова)	Анд. Соколов, Герас. Жуков	29	200 н
3	Лазоревские ворота	Курбат Коптяжин, Сем. Вапутьников	37	350 г
4	Костыревская	Бор. Перфульев, Ждан Сидихин	33	450 г

№ п/п	Наименование башни	Фамилия, имя, отчество	Кол-во человек	Поместный оклад
5	Крылашевские ворота	Як. Пикин, Ермола Овчинников, Игн. Шуликов	48	
6	Стефанская	Ив. Коптяжин, Сид. Скоробогатов	26	
7	Лучинская (Веселуха)	Игн. Уваров, Ив. Анохин	66	500 д
8	Позднякова	Елиз. Ив. Самарин, Фед. Бровкин	52	
9	Городецкая (Орел)	Ив. Довотчиков, Зах. Осипов	64	300 г
10	Авраамиевские ворота	Мих. Монастырев, Ив. Повадин, Ос. Лученцов	49	450 д
11	Заалтарная	Юр. Дивов, Нелюб Попупин	44	450 г
12	Воронина	Курман Бердяев, Мат. Чепелевников	31	
13	Долгочевская	Анд. Рагозин, Ив. Голубец	44	
14	Зимбулка	Куз. Илищов, Ром. Берзнев	38	350 г
15	Елинские (Никольские) ворота	Тим. Кушалев, Фр. Рожнев, Фр. Суконик	77	500 д
16	Евстафьевская	Трет. Деденев, Сем. Овчинников	39	
17	Антифоновская	Гр. Меженинов, Ав. Черный	37	
18	Безымянная круглая	Куз. Довотчиков, Анд. Корела	50	500 д
19	Маховая	Нелюб Аксенов, Ив. Маховцов	41	350 г
20	Молоховские ворота	Вас. Безстужев, Мих. Ближевский брянчанин, Бор. Пушников, Бог. Кушнеров, Тим. Тиринов	80	400 г 550 в
21	Безымянная четырехугольная	Ив. Быков вязьмич, Пет. Вакорин	45	
22	Касадаловская	Тим. Потресов брянчанин, Ст. Горбачев	30	
23	Донец	Дм. Сорокин, Ос. Ужовкин	49	200 г
24	Громовая	Ив. Волосатый, Мерк. Москаль	57	
25	Бублейка	Ист. Соколов, Ив. Рыжик	47	350 г
26	Копытинские ворота	Вас. Петрыкин, Вас. Чернышов, Порф. Масленник	69	450 д
27	Безымянная круглая	Ст. Тихонов дорогобужанин, Трет. Ситник	66	
28	Безымянная четырехугольная	Мар. Поганцев, Ал. Масленник	50	250 г
29	Безымянная круглая	Н. Львов брянчанин, Ив. Тиринов	61	
30	Гуркина	Вас. Бердяев, Дан. Рожков	47	400 г 300 г

№ п/п	Наименование башни	Фамилия, имя, отчество	Кол-во человек	Поместный оклад
31	Коломенская	Ратман Неслов, Ермила Машенин	61	
32	Безымянная четырёхугольная	Куз. Повадин брянчанин, Тим. Шалочник	54	
33	Богословская	Юр. Мещеринов, Дор. Кирпичников	89	450 г
34	Микулинская (Никольская)	Ив. Мат. Уваров, Ил. Золотарев	49	450 д
35	Пятницкие ворота	Офр. Хитров, Акс. Докарсв, Мол. Яичник	34	
36	Иворовская	Ал. Щелин, Иев Докорев	39	
37	Водяные ворота	Ник. Облязов дорогобужанин, Ив. Мясник, Фед. Солома	31	
38	Городецкая	Никиф. Неслов, Фед. Захарин	43	300 г

Источник: Памятники обороны Смоленска. № 232.

* Здесь первым назван командир-дворянин, а затем идут командиры, представители посадских людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Количество орудий на башнях Смоленской крепости

№ п/п	Название башен	Кол-во орудий	Характеристика
1	Молоховские ворота	11	
2	Безымянная	6	Четырёхугольная
3	Касандаловская	10	Круглая
4	Донец	5	Четырёхугольная
5	Громовая	9	Круглая
6	Бублейка	6	Четырёхугольная
7	Копытицкие ворота	10	
8	Безымянная	16	Круглая
9	Безымянная	5	Четырёхугольная
10	Безымянная	7	Круглая
11	Гуркина	5	Четырёхугольная
12	Коломенская	7	Круглая
13	Безымянная	6	Четырёхугольная
14	Еленские ворота	10	

№ п/п	Название башен	Кол-во орудий	Характеристика
15	Долгочевская	9	Круглая
16	Евстафьевская	9	Круглая
17	Антифоновская	7	Четырехугольная
18	Безымянная	8	Круглая
19	Маховая	8	Четырехугольная
20	Лучинская (Веселуха) круглая	10	Круглая
21	Стефанская или Позднякова	4	Четырехугольная
22	Богословская круглая	9	Круглая
23	Городецкая	3	Четырехугольная
24	Микулинская (Никольская)	6	Круглая
25	Пятницкие ворота	2	
26	Иворовская	3	Круглая
27	Водяные ворота	2	
Всего		193	

Источник: Памятники обороны Смоленска. № 229; Акты исторические. Т. 2. № 159.П.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты собранные археографической экспедицией

АЕ — Археграфический ежегодник

АЗР — Акты, относящиеся к Западной России

АИ — Акты исторические

АМГ — Акты Московского государства

АПД — Акты писцового дела

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней

Руси

АЮЗР — Акты, относящиеся к Юго-западной России

ВИ — Вопросы истории

ДАИ — Дополнения к актам историческим

ДР — Дворцовые разряды

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ИЗ — Исторические записки

ИИСПб — Архив института истории РАН Санкт-Петербург

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РИБ — Русская историческая библиотека

РИО — Русское императорское историческое общество

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров

ССДС — Собрание сочинений о Дмитрие Самозванце

ТКДТ — Тысячная книга и Дворовая тетрадь

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

ЧОИДР — Чтения общества истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ.....	7
ГЛАВА II СМОЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО И ГОРОДА: ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XVI В.....	38
2.1. Развитие поместного землевладения.....	39
2.2. Социально-экономическое развитие городов.....	71
ГЛАВА III ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ В 1603—1609 ГГ.	86
3.1. Социально-политическое движение в 1603—1607 гг.....	86
3.2. Усиление социально-политической борьбы в период движения Лжедмитрия II. 1607—1609 гг.....	115
ГЛАВА IV ОБОРОНА СМОЛЕНСКА 1609—1611 ГГ. ЕЕ РОЛЬ В РАЗВЕРТЫВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.....	136

4.1. Начало польской интервенции. Весна—лето 1609 г.	136
4.2. Формирование смоленской армии и земского союза. Лето 1609 г.	156
4.3. Земский союз на первом этапе обороны Смоленска. Сентябрь 1609 — август 1610 гг.	179
4.4. Политическая борьба в Смоленске осенью 1610 г. Роль Смоленской обороны в развертывании национально-освободительного движения в России	223
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	267
ПРИЛОЖЕНИЯ	272
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	300

Научно-популярное издание
Огнем и мечом

Александров Сергей Викторович

СМОЛЕНСКАЯ ОСАДА. 1609—1611

Выпускающий редактор *Г.Ю. Пернавский*

Корректор *Н.С. Седова*

Верстка *И.В. Левченко*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

Подписано в печать 16.05.2011. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 3621.

Отпечатано с электронного оригинал-макета,
предоставленного издательством,
в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 948-40-71, (499) 948-40-72, 948-40-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 948-40-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте повинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

В монографии рассматриваются проблемы, связанные с историей Смоленского края в Смутное время. Автор дал анализ дворянского землевладения в Смоленском, Вяземском, Рославльском уездах в конце XVI в. и показал развитие смоленских городов в этот период. В работе рассмотрена позиция смоленских слоев населения на всех этапах гражданской войны начала XVII в., особое внимание уделено позиции дворян западных уездов в период восстания И. Болотникова и движения Лжедмитрия II.

Значительная часть монографии посвящена Смоленской обороне 1609—1611 гг. Раскрыты причины похода Сигизмунда III под Смоленск, а также показана внутренняя жизнь смолян в условиях осады и мероприятия смоленских воевод, которые позволили противостоять армии польского короля и внутренней анархии в крепости. Отмечена роль Смоленской обороны в развертывании национально-освободительного движения в России в 1611—1612 гг.

ISBN 978-5-9533-5800-2

9 785953 358002

The logo features a stylized crown or flame-like symbol above the text 'ВСЧЕ' in a bold, sans-serif font, with '20 лет' written below it in a smaller font.

ВСЧЕ
20 лет